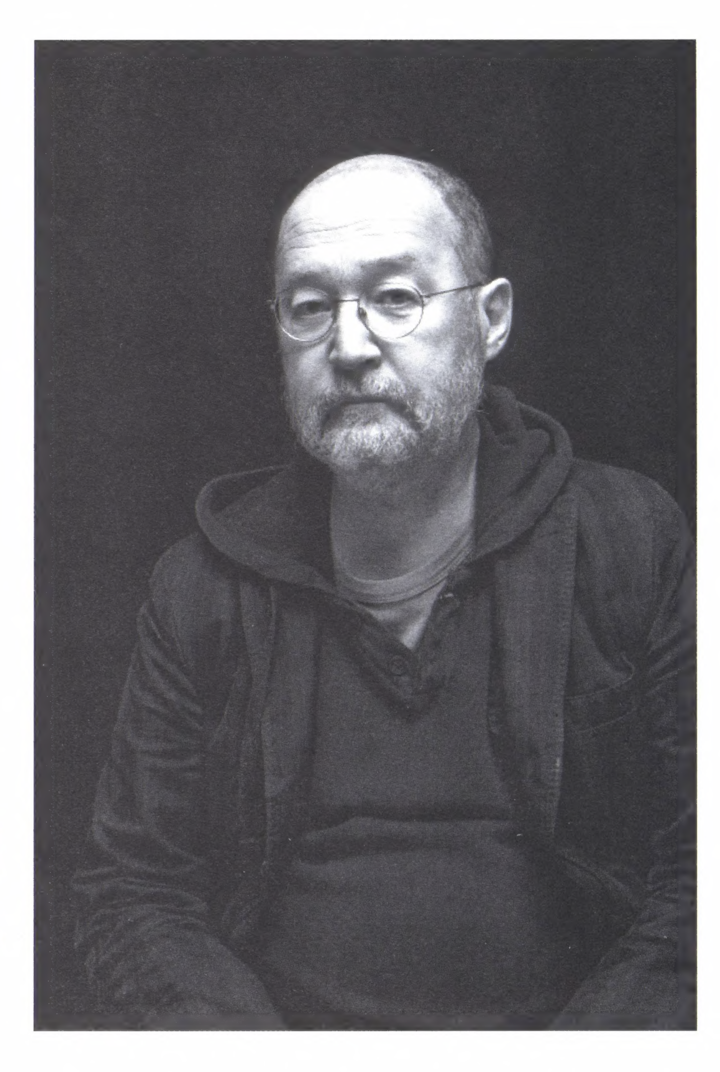

ВЕСИ
СПЕЦВЫПУСК
НАЦИОНАЛЬНАЯ АССОЦИАЦИЯ ДРАМАТУРГОВ
ISSN 2658-7920
ПЬЕСЫ


DR. GEPETTO
GAMBERO



# ЮРИЙ ХАРИКОВ

Художник-постановщик, трехкратный лауреат Национальной театральной премии «Золотая маска», премии им. К.С.Станиславского в номинации «За лучшую сценографию в проекте», обладатель золотой медали за проект советской экспозиции для Пражской квадриеннале-87, национальной премии кинокритики и кинопрессы «Белый слон» и других наград.

Юрий Хариков родился в Воронеже. Окончив в 1982 году архитектурный факультет Ленинградского инженерно-строительного института, работал архитектором в Выборге, потом там же в Театре кукол – художником. С 1985 по 1987 год был главным художником Ленинградского областного театра кукол (ныне – театр «Старая крепость»), с 1987 по 1988 год – главным художником Орловского областного театра драмы им. И.Тургенева.

Юрий Хариков – автор декораций и костюмов более чем к 70 спектаклям, среди них: «Сад» (реж. Борис Юхананов, Мастерская Индивидуальной Режиссуры, 1990–2001), «Буря» (реж. Борис Цейтлин, ТЮЗ, Казань, 1994), «Королевские игры» (реж. Марк Захаров, театр «Ленком», 1995), «Свадьба Кречинского» (реж. Зинаида Андреева, Малый театр, 1997), балеты «Щелкунчик» (хореограф Алла Сигалова, 1995), «Цикады» и «Три грезы» (хореограф А.Кузнецов-Вечеслов, Санкт-Петербургский Маленький балет, 1993), «Бумбараш» (реж. Адольф Шапиро, Театр Юного Зрителя, Самара, 1996 г.), «Блуждающие огни» (реж. Борис Мильграм, Театр им. Моссовета, 1997), «Принц Гомбургский» (реж. Михаил Мокеев, Московский театр «Et cetera» под руководством А.Калягина, 1998), «Самое главное» (реж. Роман Козак, МХАТ им. А.Чехова, 1999 г.), «Мамаша Кураж» (реж. Адольф Шапиро, Театр Юного Зрителя, Самара, 2003), «Dido» (реж. Наталия Анастасьева-Лайнер, театр «Новая опера», 2014) и др.

С 1990 года – художник и педагог Мастерской Индивидуальной Режиссуры под руководством Бориса Юхананова (Москва). Совместно с Борисом Юханановым, художественным руководителем Электротеатра Станиславский и хореографом театра Андреем Кузнецовым-Вечесловым создал театр «Санкт-Петербургский маленький балет» (1991–1994).

Художник-постановщик фильмов «Москва» (реж. Александр Зельдович, 2000), «Эйфория» (реж. Иван Вырыпаев, 2006), «Мишень» (реж. Александр Зельдович, 2011).

Роли в Московском драматическом театре имени К.С.Станиславского:

2016 – «Перед заходом солнца», реж. Владимир Космачевский,

2015 – «Стойкий принцип», реж. Борис Юхананов,

2015 – «Синяя птица», реж. Борис Юхананов.

**ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:**
Учреждение культуры «Банк культурной информации»

**АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:**
620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу 1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.



На обложке (1–4) Юрий Хариков.
Сценографические вариации к последнему проекту «Пиноккио» по пьесе А.Вишневского. Электротеатр Станиславский.
Подписано в печать 28.05.2020 г.

12+

Отпечатан в АО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Заказ № 491.

Тираж 2500 экз.

Цена свободная.

## ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Моральные нормы – относительны. У каждого человека свои представления о добре и зле, о чести и предательстве, о справедливости и красоте, о смысле жизни, в конце концов. В одной и той же ситуации разные люди ведут себя по-разному, совершают поступки, порой противоположные по своей сути и смыслу, руководствуясь своими моральными нормами. Из чего же они складываются?

Отчасти из тех глубинных программ, которые передаются человеку от его рода в бессознательном, как говорится – на генном уровне.

Отчасти диктуются теми условиями, в которых растет и воспитывается человек.

Но в большей степени, на мой взгляд, из опыта каждого отдельного человека, который он приобретает, попадая в ту или иную ситуацию. И чем сложнее ситуация, тем ярче проявляются в ней черты характера человека, обусловленные моральными нормами, которые он для себя принимает.

Например, один в экстремальной ситуации, коей является война, чтобы выжить, концентрирует всю свою волю, чтобы уничтожить зло. А другой, опять же чтобы выжить, отдает этому злу свою душу и начинает жить по его законам.

И этот опыт, и у того, и у другого, становится той моральной нормой, которой впоследствии человек руководствуется в любых жизненных обстоятельствах.

Каждая из представленных в этом номере пьес повествует о моральных качествах человека и о последствиях его поведения в той или иной ситуации. И какими бы фамилиями ни были обозначены персонажи, с какими бы историческими личностями они ни ассоциировались в нашем сознании, речь, в первую очередь, идет об ответственности человека, действующего в соответствии со своими моральными качествами.

Каждый читатель, следя за перипетиями пьесы, оценивает и событие, и действующих лиц как плохих или как хороших. И эта оценка – уже результат тех моральных норм, которыми руководствуется сам читатель.

Вывод из всего сказанного я бы хотела сделать следующий: какие бы события ни описывал автор, реальные они или вымышленные, они сами по себе не плохие и не хорошие – они есть, они происходили. А как проявляются персонажи в этих событиях и как их действия влияют или будут влиять на дальнейшее развитие процесса и на людей, которые в нем участвуют – это уже оценивает каждый читатель сам, исходя из своих моральных качеств.

В мире всё относительно, и каждый индивидуален в своем выборе. И кто, как ни автор, литератор, драматург, раскрывая во всех нюансах самые тонкие материи, поможет нам разобраться в самих себе.

*Татьяна Богина*
*главный редактор.*

# ВЕСИ

№ 5 (163)` 2020
июнь

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ДЕСЯТЬ РАЗ В ГОД

## СОДЕРЖАНИЕ



По вопросам подписки обращаться в филиалы Урал-Пресс.
Журнал «ВЕСИ» в каталоге Урал-Пресс 2020 для всех регионов России под № ВН099788
Контакты филиалов Урал-Пресс
на сайте http://www.ural-press.ru/
Зарубежным подписчикам обращаться в филиал Урал-Пресс
в Москве:
+7(495)961-23-62 общий или Отдел Оптовых продаж.

*Журнал удостоен медалей*




*Российской Генеалогической Федерации «За вкладъ въ развитіе генеалогіи и прочихъ спеціальныхъ историческихъ дисциплинъ» 2-й степени*

*имени Н.К.Чупина*



*имени Л.К.Татьяничевой*

*Журнал награжден почетными знаками*



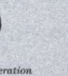

*Российской академии естественных наук «Звезда успеха»*

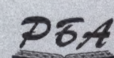
*Союза старателей России «Заслуженный старатель России»*

*Выпуск журнала осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.*








*Издается под патронатом Всемирной федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО, Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, Российской библиотечной ассоциации и Российского представительства TICCIH.*

*Международный Комитет по Сохранению Индустриального Наследия. Российское представительство.*



# ДЕТИ ВОЙНЫ, ИЛИ СТАРЫЙ ДОМ

*(драма)*

**Владимир МАРФИН**

**г. Москва.**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Друзья детства – годы рождения 1933–34-й:

ЗУБОВ ВАДИМ СЕМЕНОВИЧ, писатель.
ФЕДОТОВ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, чиновник мэрии.
СЕДОВ ЮРИЙ ПАВЛОВИЧ, предприниматель.
ГРИНЕВ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ, генерал-майор в отставке, Герой Советского Союза.
СВЕТЛАНА ДМИТРИЕВНА, его жена.
БАБА ЛЮБА, санитарка.
ПЫХЛИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ, «КОЛЯЙ БУ-БУ», криминальный авторитет.

Молодежь:
ЕГОР ГРИНЕВ, курсант летного училища, 21 год.
ЛИЛЯ, 18 лет.
ВИКТОР, 18 лет.
АНДРЕЙ, 19 лет.
АЛЕКСЕЙ, 18 лет.
БОМЖ, 50 лет.
БУЛЫГА, ШРАМ – телохранители Пыхлина, 28–30 лет.
Время действия: начало 90-х годов прошлого века. Лето. Москва.

**КАРТИНА 1.**

*Солнечное летнее утро. Сцена изображает фасад многоэтажного кирпичного дома с несколькими подъездами. На переднем плане две садовых скамьи, в отдалении еще одна. Рядом деревья, кусты. В глубине сцены мусорный бак. На передних скамьях расположилась группа молодых людей – трое парней и девушка. У одного в руках транзистор. Гремит тяжелый рок. Парни дергаются в такт убойному ритму. Сорят о чем-то, но голосов не слышно. Из подъезда выходит пожилая женщина, направляясь к ним. Это баба ЛЮБА. Кричит, размахивая руками. Парень с транзистором приглушает звук.*

БАБА ЛЮБА *(возмущенно)*. Витька! Что же это такое? Ни днем, ни ночью от вас покоя нет! И чего вы именно в этом дворе собираетесь? Медом вам тут намазано, что ли? Вот дождетесь, что вызовем участкового. Пусть он вас усмирит, да и на родителей повлияет.

ВИКТОР. Зачем же участкового? Зовите сразу ОМОН! Я приписное получил, мне скоро в армию. А они мне дубинками по ребрам, по почкам! Вот я и закошу! Какой я после этого солдат? Тем более, что служить мне со-овсем не хочется!

БАБА ЛЮБА. Э-эх, постыдился бы так говорить! У самого брат в Чечне воевал, с орденом вернулся. Да и дед твой тоже был военным.

ВИКТОР. А вот я не хочу. Мне эта армия до лампочки! Пашка о своей службе такого понарассказывал! Слава Богу, жив остался, а ведь мог и не вернуться. Так что, бабуленька, ты меня не суди. Мне не хочется ни за что ни про что ни в

Чечне корчиться, ни таджикскую границу охранять, ни дебилам-«дедам» в роте портянки стирать. Я вот лучше на Лильке женюсь. Она меня любит. Правда, Лиль?

ЛИЛЯ. Ага, разбежалась! Я в МГУ поступаю. На факультет журналистики.

Там есть группа телевидения, попробую туда. И поэтому, Витенька, поищи себе другую невесту.

АНДРЕЙ. Вновь отбрила. Молодец! Быть тебе телезвездой! А я в армию пойду. Попрошусь в десантуру, заработаю, может, краповый берет.

ВИКТОР. И на кой он тебе? Башкой кирпичи разбивать? Так для этого большого ума не надо.

АНДРЕЙ. А причем тут кирпичи? Там мужчинами становятся. И я себя испытать хочу. На что в жизни сгожусь.

ВИКТОР. Сгодишься после службы в охранники или в инкассаторы. А не то и в бандиты. Вон их сколько среди краповых и крапленых!

БАБА ЛЮБА. Ой, дурак, ну, дурак! Да зачем ты ехидничаешь? Ты же ведь не такой! Я тебя с малых лет знаю.

ВИКТОР. А почему вы нас не любите? Чем для вас мы плохи? Вот сидим, веселимся, так ни окна же бьем, ни двери не ломаем. У всех школа за плечами, думаем, как дальше жить. Разрядиться пытаемся, а вы сразу – участкового! Всех нас фейсами об тейбл!

БАБА ЛЮБА. Ну а кто б осудил вас, если б тихо сидели? А так ор на весь двор! У меня собака от этих ваших «роков» заболела. Лаять не перестает. Вы ж и ночью допоздна на гитарах бренчите. И со всей округи к вам дружки сбегаются. Так что, милый, обижаться приходится нам. Доживешь до моих лет, поймешь, что это такое.

ЛИЛЯ. Ладно, баба Люба, не сердитесь. Мы все поняли. И сейчас уйдем. Ребята, давайте съездим в зоопарк! Там на озере лебеди и пеликаны. Посидим, полюбуемся... Витя, Леша, поехали! Андрюша, ты как?

ВИКТОР. А я в Третьяковку хочу. Или в Исторический. А еще лучше в «Макдоналдс». Живот что-то подвело.

ЛИЛЯ. В зоопарке и подкрепимся.

АЛЕКСЕЙ. И ударим по пивку. Море драйва, море пива! А Лильке мороженого. Лишь бы денег хватило.

АНДРЕЙ. Хватит. У меня есть. Ну, поехали?

ВИКТОР. Убедили. Лишь транзистор домой занесу. Пошли, баба Люба, провожу до подъезда.

*Подхватывает женщину под руку.*

БАБА ЛЮБА *(растаяв)*. Идем, идем, женишок! Уж не помню, когда с молодым под ручку хаживала!

*Уходят.*

*Парни и Лиля поднялись со скамеек, направляются за дом. Виктор, что-то жуя на ходу, выскакивает из подъезда и бежит за ними, едва не сбив с ног входящего во двор немолодого мужчину. Это ЗУБОВ. В модном легком костюме, с элегантной сумкой через плечо.*

ВИКТОР *(кричит)*. Эй, народ, подождите! Командора забыли! Всех уволю!

*Убегает.*

*Зубов медленно прохаживается по «двору», оглядывая дом. По трансляции в это время звучат стихи.*

На Бутырском валу старый дом.
Здесь когда-то снимали кино.
Увлекательный фильм
«Старый двор».
Я его не встречаю давно.

Старый дом, старый двор, старый сад, —
Приоткрытая в прошлое дверь, —
Я к тебе возвращаюсь назад
После стольких побед и потерь.

Я горел, я тонул подо льдом,
Я держал и винтовку, и нож,
Я судил себя страшным судом
За малейшую подлость и ложь.

И куда ни звала бы труба,
И в каких я ни буду краях,
Ты навечно со мной, как судьба,
Ты пожизненно совесть моя.

Старый дом на Бутырском валу,
Ты тянул ко мне окна, ты звал,
Но увел меня в снежную мглу
От тебя Белорусский вокзал.

*Зубов подходит к скамьям, оглаживает дерево.*

ЗУБОВ. После стольких побед и потерь! И чего было больше? Жизнь – сплошная чересполосица: белое – черное, белое – черное. С самого начала, со дня рождения. Точнее творения. Или сотворения. Сотворения нового мира, имя которому – Человек! Экзюпери славно сказал: «Все мы родом из детства!» Именно так, попробуй опровергнуть. И вот странно: чем старше становишься, тем сильнее тянет в детство. В то военное, голодное, полусиротское... А все равно воспринимается оно, как праздник, который всегда с тобой. Это, правда, о Париже сказано. Но вот и к детству определение удивительно подходит. Во всяком случае, свое я сейчас так воспринимаю. И все чаще прихожу сюда, к этому дому – первому дорогому островку в бурном океане жизни. Ишь, как выразился! Слышала бы меня моя внучка, рассмеялась бы: «Деда! Тебя на высокий слог потянуло!» А я не обиделся бы. Потому что у меня моя высокопарная память спазмы в горле почти всегда вызывает. Кто-то скажет: «Сантименты!» Может и так. Но вы видели, как плачут ветераны Девятого мая, в день нашей Победы? Кто их в этом упрекнет? Святые слезы! Вот и дети войны свое вспоминают. Голод, холод, сиротство, кто суму, кто тюрьму, ну а кто-то все сразу. Так что тот еще этот наш праздник «со слезами на глазах»! И все же, все же, все же... у меня сегодня действительно радость. Через много лет первая встреча с друзьями детства. *(Отходит от дерева, садится на скамью. Кладет сумку рядом, закуривает.)* Друзья детства! Раньше мы были неразлейвода. Ближе, чем родные. А теперь? У каждого своя жизнь, свои новые привязанности. Что нам даст эта встреча? И нужна ли она? *(Пауза.)*

На днях, после моего выступления по телевидению, у меня дома

раздался телефонный звонок. И мужской голос поинтересовался, не тот ли я Вадим Зубов, что жил некогда в доме пять дробь семь по Бутырскому валу? Сейчас эту дробь сняли, осталась лишь цифра пять. Ну, я и ответил: да, тот самый. Тогда голос завопил: «Здорово, Карась! Это Васька Федотов, по кличке «Самурай»! Помнишь меня?» И понеслось, пошло, поехало! Часа два болтали. Вспоминали остальных. Оказалось, многие в Москве. Васька в мэрии работает, поддерживает с некоторыми связь. Вот и договорились, что он всех обзвонит, и в такой-то день и час все мы встретимся здесь, во дворе нашего родного старого дома. Вот я и пришел. Похоже, что первый. Так что есть время с мыслями собраться, представить былых пацанов. Ага, кто-то входит во двор... Ну, давай, объявляйся! *(Поднимается со скамьи, делает шаг навстречу какому-то мужчине.)* Ну-у?.. Увы! Прошел мимо, в подъезд. Значит, кто-то из новых жильцов. Может, даже из моей бывшей квартиры. Вон они, наши окна, на первом этаже! Сколько раз я мечтал снова взглянуть из них во двор. Поднимался по лестнице, подходил к заветной двери, а нажать на звонок не решался. Та-ак, еще кто-то идет!

*Появляется полноватый мужчина в очках, со спортивной сумкой в руке. Оглядывается по сторонам, смотрит на окна. Это СЕДОВ. Замечает Зубова.*

СЕДОВ. Эээ, извините... Вы, случайно, здесь не по вызову? Ну-у... для встречи друзей детства? Те, кто раньше жил в этом доме? Если нет, то извините. Назначили на десять (смотрит на часы), а уже половина одиннадцатого. И никого.

ЗУБОВ. Как никого? А я? Меня не узнаешь? Ну-ка, Самокат, вглядись внимательнее! Ну-у?.. Ну же!

*Седов подходит ближе, снимает и вновь надевает очки.*

СЕДОВ. Постойте, постойте... Ну, конечно же, конечно... как я сразу не врубился? Ну, просто не ожидал... Ва-а-адька?! Карась!!! Сколько лет, сколько зим! Где же ты пропадал? И ведь почти не изменился!

ЗУБОВ. Скажешь тоже... Да я сам себя давно не узнаю. Хоть ты и пузо отъел, и шевелюру утратил, а походка все та же – с пяток на носки. И очки, как и в детстве, с носа съезжают. Ах, Самокат, Самокат! Тебя самурай разыскал?

СЕДОВ. Он! Япошка! Он у нас за связного уже много лет. Но ты-то где был? Почему не объявлялся? Васька сюрприз обещал. Так, может, сюрприз – это ты? Ну, здорово, Карась! Я так рад тебя видеть.

ЗУБОВ. Здорово, Самокат! И я тебя...

*Обнимаются. Появляется ФЕДОТОВ. Он в строгом черном костюме, в руке вместительный портфель.*

ФЕДОТОВ. Вот те раз, кислый квас! Это что за мужики на виду у всего дома обнимаются? Самокат, оторвись! Дай и мне полюбопытствовать! *(Подходит к друзьям, оглядывает Зубова.)* Так, так, так... угу... угу! А поворотись-ка, братка, экой ты крутой! Ну, давай «пятака», погляжу, на что способен. Помнишь, как в детстве силенками мерялись? *(Протягивает руку, жмет изо всех сил. Зубов давит ответно.)* Ух ты... э-эх, ты-ы... по-прежнему боец! Соглашаюсь на ничью! Ты, кстати, молотобойцем не работал?

ЗУБОВ. А ты, великий штангист? Вон как сплющил клешню! Не иначе, как до сих пор железяки толкаешь? Мастером-то спорта стал?

ФЕДОТОВ. Даже чемпионом Москвы! Но какие железяки в нашем возрасте? Теперь гантельками изредка балуюсь, а штангу ни-ни. Доктора запретили. Сердчишко барахлит! У тебя-то оно как?

ЗУБОВ. Да пока что Бог миловал. Хотя шрамов и болячек тоже целый букет. Но не будем об этом. Давайте лучше о себе. Еще кто-то придет? Или нас только трое?

ФЕДОТОВ. Обещали подгрести. Сегодня воскресенье. Так что ссылок на занятость я не принимал.

СЕДОВ. Ты о сюрпризе говорил. Так это Карась твой сюрприз?

ФЕДОТОВ. А ты еще чего-то ждал? Тебя этот не устраивает? Мы ж его, почитай, полвека не видели. В каком году ты уехал?

ЗУБОВ. Сразу после Победы. В сорок пятом! Отца в Молдавию направили корреспондентом ТАСС. Ну, я с ним и уехал. А потом мы вернулись, но уже в другую квартиру. На Котельнической. Приезжал пару раз сюда. Видел Левку Петращука, Ваську Уварова. Но уже был как чужой. Так все и оборвалось. После школы – МГУ. И в конце второго семестра загремел на «десятку» по «пятьдесят восьмой».

СЕДОВ. Ни хрена себе! За что же?

ЗУБОВ. За анекдоты... а точнее, за недоносительство. Четверых нас из клуба на Герцена увезли на Лубянку, и там устроили «прием»!

ФЕДОТОВ. А что же отец не помог? Он ведь известный журналист... международник!

ЗУБОВ. Отец к тому времени умер. Военные раны... Да и вряд ли бы помог. На него самого тогда уже досье собирали.

ФЕДОТОВ. М-да, биография... И долго сидел?

ЗУБОВ. Вообще-то задержался. За побег к главному сроку припаяли три года.

СЕДОВ. Ты даже бежал?

ЗУБОВ. Было дело. Хотел добраться до Москвы, передать письмо Сталину. Но именно в день смерти Сталина меня и схватили. Думал: конец! Конвоир попался лютый. Наган в рот мне вогнал и так несколько километров до лагеря вел... Мог бы пристрелить, да не знал, что будет дальше. Они все, вертухаи, перепугались тогда. Так что, сроком лишь отделался. А на волю вышел в пятьдесят седьмом. Правда, с последующей реабилитацией. В Москве жить не захотел, поехал по стране. А с началом «перестройки» вернулся. И вовремя... потому что попозже пришлось бы стать беженцем. И вот уже несколько лет, месяца не проходит, чтобы я не пришел сюда. Повесть о детстве мечтаю написать. Обо всех нас, о нашей дружбе... о нашей войне.

СЕДОВ. Так ты, что же, писатель?

ЗУБОВ. Да уж как-то вышло. Видимо, родительские гены. Восемь книг стихов, двенадцать прозы.

СЕДОВ. Черт возьми! Погоди... В последнее время на развалах мне встречались книги Вадима Зубова. Я еще как-то подумал, а не наш ли это Карась? Там, по-моему, детективы?

ЗУБОВ. Скорее, остросюжетные. Романы и повести о жизни народной на фоне современного бардака. Но – по классу бестселлеров. Два сейчас экранизируют.

СЕДОВ. Самурай, ты вникаешь? Мы ж теперь имеем своего летописца! Ты хоть член Союза писателей?

ЗУБОВ. Больше тридцати лет.

СЕДОВ. И тридцать лет... даже больше... о себе не заявлял. Двадцать книг... это же целая библиотечка! И каждый из нас мог бы ее иметь. Но теперь я понимаю, почему ты скрывался. Не хотел разоряться на подарки друзьям. Самурай, осознаешь, кто опошлил нашу дружбу? Вот этот самый Карась! Лучший дворовый вратарь, которому даже Карандаш не сумел забить гол. Помните?

ФЕДОТОВ. Да, да, да... Это когда тут «Старый двор» снимали? И нас попросили сыграть в футбол с циркачами. Точно, точно. Только в фильм мы не попали, там прошли другие пацаны. Но почему Вадька – Карась? Откуда эта кличка?

СЕДОВ. Здравствуйте вам! Так же был еще фильм довоенный – «Вратарь»! Помнишь? И вратарствовал там некий инженер Карасик. Тогда Вадьку «Карасем» и прозвали. Едва ли не сам Карандаш.

ФЕДОТОВ. Вон оно что. А я, право, забыл. И все голову ломал: но почему же «Карась»?

ЗУБОВ. Ну, хватит. О себе расскажите. Вы-то как? Ну, Василий, ты в мэрии. Неужели до сих пор? А ведь годы пенсионные.

ФЕДОТОВ. А я – пенсионер. Как, возможно, и ты. Но по старой памяти иногда зовут... консультировать. Я ведь в Моссовет в начале шестидесятых пришел. И с тех пор занимался столичным хозяйством. А курировал в последние годы центр: Кремль, Старую площадь, Охотный ряд, Лубянку...

СЕДОВ. Но не только верха. Он и мне в свое время помог выбраться из коммуналки. У меня проблемы были в нашем НИИ. Я же был эмэнэсом, младшим сотрудником. А кругом сплошь завлабы, доктора, членкоры. Попробуй их обойди! Так из года в год очередь переносили. Подожди, мол, дорогой, пропусти Иван Ивановича и Сидора Поликарповича! Они важнее, и им нужнее. А у меня уже двое девиц-близняшек, и вчетвером в двадцатиметровой комнатенке. Кандидатскую подготовил, а защищаться нет сил. И на счастье Ваську встретил, поплакался ему. Вот он прохождение и устроил.

ФЕДОТОВ. Ускорил. Но не по блату, а по справедливости. Приехали с кем надо, очередность проверили, указали, кому следует, на нарушение законности.

СЕДОВ. За что я тебе, Вася, по гроб жизни обязан.

ЗУБОВ. Но диссертацию ты защитил?

СЕДОВ. Наилучшим образом. Только сейчас она мне не нужна.

ЗУБОВ. Почему?

СЕДОВ. Потому! *(Нервно схватил сумку, достал из нее бутылку водки.)* Неужели неясно? На пенсию выходил – получил минималку. Во-первых, стажа маловато. Годы институтской учебы и аспирантуры у нас отобрали. А во-вторых, зарплата была невысокая, коэффициент, выпавший на те годы, оказался небольшим. Поневоле пришлось вместо научных разработок заняться окаянным челночным бизнесом. Сперва в Польшу мотался. Водку и сигареты возил. Затем в Китай – за пуховиками. Да не один, а с женой. Теперь на Выхинском рынке ларек арендуем. Всяким ширпотребом малоимущих снабжаем. А о науке забыл. Хотя мой руководитель меня на докторскую тянул. Однако не судьба. Ни новым Эйнштейном, ни вторым Алферовым не стал. А ведь было и горение, и стремление, и замыслы! Целых двенадцать авторских свидетельств имею. Но что-то не пошло, что-то конкуренты зарубили, за что-то сам устал бороться, руки опустились. Верно говорят, чтобы в России успеха добиться, нужно жить до-о-олго!

ЗУБОВ. А по-моему, этот тезис спорный. Поглядите на власть – сколько там молодых сверхудачников! С начала девяностых сотни шустрых эмэмнэсов вылезли на первые роли. Они в основном наши судьбы и решали. И до сих пор при делах, рулят, куда вздумается.

СЕДОВ. Кстати, вспомнилось, как в начале «перестройки» комсомольцы орали: «Партия, дай порулить!» «Порулили», нечего сказать. И «прихватизация», и ваучерная афера, и дикая капитализация – их рук дело!

ЗУБОВ. Поэтому, как кому повезет. И у кого за спиной дружки и покровители. Но закроем и эту тему. Так что, Юрок, ты свой пузырь убери. Я коньячок привез. Поэтому присядем и дернем по маленькой. За встречу, за память, за этот наш дом. За то, чтобы нам уже до конца не расставаться. Не знаю, как вы, а я всех наших пацанов вспоминаю с неизменной нежностью. Так и хочется крикнуть: дорогие мои, не было у меня друзей ближе и вернее, чем вы! Даже с Толькой Кирсановым, с которым вечно дрались, сейчас расцеловался бы. Не поверите, даже Коляя Бу-бу увидеть был бы рад.

ФЕДОТОВ. Толька в шестьдесят восьмом во время советско-китайского конфликта погиб. А Бубуин жив, и весьма процветает.

СЕДОВ. Так он с детства пройдохой был. В гастроном наш сумел устроиться подсобником. Что-то крал там постоянно, чем-то торговал. Деньги изо всех карманов сыпались. Мы на карточках жили – триста граммов хлеба... иждивенческих. А он шоколадом обжирался, сливочным маслом пренебрегал. И ведь жадный был, жлобина, никого ни разу не подкормил.

ЗУБОВ. Это точно. Он однажды позвал нас с Генькой Русаком в Елисеевский. Елисеевский в войну «коммерческим» был. Ну, мы, голодные, думали, охмырнемся чем-нибудь, и пошли. Коляй пачку тридцаток вытащил, помните, красненькие с Лениным были?

ФЕДОТОВ. Я однажды на Тишинке три таких потерял. Мать за картошкой послала, а я проворонил, а то, может, и украли. Ревел, как белуга. Домой боялся идти. Последние деньги были. До сих пор, как вспомню, так сердце щемит.

ЗУБОВ. Да-а... я тоже терял. Только в Кишиневе, в день смерти Калинина...

Ну вот. Накупил Бу-бу конфет, халвы, орехов грецких, сложил все в пакет и начал жрать. Мы с Генькой ждем, что дальше будет, проснется у него совесть или нет? А он лопает и глядит на нас нагло, вызывающе: дескать, клянчите, просите, может, я и снизойду! Но у нас как заклинило. Слюни глотаем, а унизиться не можем. Повернулись и ушли. Молча, презирающие. Коляй нам вослед орет с набитым ртом: «Пацаны, вы куда?» Но мы даже не обернулись. И друг дружке ни слова не сказали. Все в душе пережили. Но Бу-бу с той пор в упор не замечали. Ох, и злился же он!

СЕДОВ. А мы его еще и дразнили: «Коляй Бу-бу наклал в трубу. Труба трещит, Коляй пищит»!

ФЕДОТОВ. Ага! Перед самой войной, как сейчас помню, его Васька Уваров чем-то допек. Он и кинулся за ним с воплем: «У-у-убью-у!» И точно, шею бы намылил. Да тут «эмочка» во двор въезжает. И из нее, Вадька, твой отец выходит. Схватил Коляя за шиворот: «Ты чего хулиганишь? Кого грозишься убить?»

СЕДОВ. О, я дядю Семена помню. Особенно когда он с орденом Красной Звезды приехал. Весь наш дом тогда им гордился. Первый наш орденоносец.

ЗУБОВ. Он эту «Звездочку» за финскую войну получил. Был военным корреспондентом. И в одном из боев на Карельском перешейке роту поднял в атаку. Командир там погиб, а он старшим по званию оказался.

Шпалу тогда в петлице носил.

ФЕДОТОВ. Шпала – значит, капитан. А у меня дядя, мамин брат, три шпалы имел. И погиб где-то под Вязьмой в начале войны... Ну, так вот, я продолжаю. Твой отец Коляя за шкирку приподнял, и тот сразу затих, задергался и... заревел. То ли с перепугу, то ли от обиды. Хотя потом все же отчаянным был. Ничего не боялся. И одевался, как блатной. Хромачи – белой изнанкой наружу, кепочка-малокозырка, фикса из медяшки, и финка в кармане. А когда немцев от Москвы погнали, он с какими-то шпанюками за город ездил. Едва ли не в Можайск. И оттуда патроны, ракеты, гранаты привозил. Одна у него дома потом и взорвалась. Ногу покалечило и глаз выбило. Хорошо, никого в этот момент в квартире не было. Ни сестер, ни соседей.

ЗУБОВ. Да, да! Весь дом тогда всполошился. Думали – диверсанты! Военных и милиции понаехало! Обыски у пацанов, что постарше нас, были. У Вовки Киселева, у Бабичей, у Беляевых... Надо же! Сколько лет прошло, а видится – будто вчера. Но мы заговорились. Вот коньяк... вот шоколадка... Садитесь, пацаны! Скамеечка удобная.

*Зубов достает из сумки бутылку, плитку шоколада, газету. Расстилает газету на скамейке. Затем вынимает три пластмассовых стаканчика.*

ФЕДОТОВ. Гм... а можно ли тут? Не попрут нас отсюда?

СЕДОВ. А кто посмеет? Мы – аборигены! Этот двор с самого рождения обживали. И вообще, ты власть или не власть? Кстати, я поинтереснее закусочку прихватил. Вот... колбаска, помидоры, огурчики...

*Так же выкладывает все на газету.*

ФЕДОТОВ *(смеясь)*. И я затоварился. Но только, может, не сразу? Чтоб посторонних не смущать. Торопиться нам некуда. Весь день впереди.

ЗУБОВ. Действительно. Мы еще на Миуссы сходим, у Белорусского вокзала потусуемся. Прячь бутылку, Самокат. А закуску оставь. Ишь, какие огурчики!

СЕДОВ. Коньяк – огурцами? Это нонсенс! Лучше с водочки начнем. У меня охлажденная... Так вот, чтоб не перегрелась... А коньяк на десерт. Ублажимся потом.

ЗУБОВ. Как решите.

*Отдает коньяк Седову. Тот прячет бутылку. Разливает водку по стаканчикам.*

СЕДОВ. Итак, за все хорошее! За встречу, и за нас. Дай Бог, как говорится, не последняя.

*Пьют. Закусывают.*

СЕДОВ. А-а, отлично пошла! Как ей и положено. Главное, что вовремя и в нужное русло. Ой, лафа, пацаны! Хорошо-то как! Тыщу лет не сидел с таким удовольствием. Чтоб в своем родном дворе и со своими ребятами. Ведь об этом можно было только мечтать. Жаль, остальные не пришли. Вас, возможно, они чего-то не поняли? Я вот сразу возбудился после твоего звонка. А кого ты еще звал?

ФЕДОТОВ. Кто оказался на месте. Левку Петращука, Геньку Русака, Мишку Гринева со Светкой Ежовой...

ЗУБОВ. Ка-ак? И Светка здесь? Ба-а-алдеж! Мы же все были в нее влюблены! Какая она теперь? Все та же красавица?

ФЕДОТОВ. Такая же. Долгие годы работала авиадиспетчером. А вышла замуж за Мишку. Он летчик, генерал, Герой Союза за Афган. А она к летунам всегда была неравнодушна.

ЗУБОВ. Мишка – генерал? И даже Герой? Ну, друзья, вы меня поражаете. Да и Светка... генеральша! Как сейчас представляю, вылитая Алла Ларионова. Кстати, у нее была старшая сестра Тамара. Еще лучше, еще краше. Она-то как?

СЕДОВ. А ты разве не помнишь?

ЗУБОВ. Что именно?

СЕДОВ. Ну, в сорок третьем году... нам по десять лет было. Юрка Кривцов из соседнего дома стал за ней ухаживать. Кудрявый такой, синеглазый... все в вельветовой куртке ходил. Помнишь его?

ЗУБОВ. Что-то очень смутно.

СЕДОВ. Так Тамарка в него втрескалась по самые уши! Ей еще шестнадцати не было, а ему во-

семнадцать. И его брали в армию, повестка пришла. Тут и началась трагедия, похлеще, чем у Ромео и Джульетты. Они мечутся по подъездам, целуются на глазах у всех... прямо с ума посходили. Томка, видимо, не хотела его так отпускать... Мать всю ночь по дворам бегала, дочку искала...

ФЕДОТОВ. Та наутро явилась. Мы же в одной квартире жили. Я увидел ее, не узнал. Строгая, повзрослевшая, под глазами круги. И ни слова, ни вздоха на слезы матери.

СЕДОВ. Ну а Юрка в тот же день в военкомат и на фронт! Погиб уже в Будапеште.

ФЕДОТОВ. А Тамара через девять месяцев мальчика родила. Все наши женщины его потом нянчили. Неужели не помнишь?

ЗУБОВ. Нет. Из головы влетело. Как говорил Леонов: «Здесь помню, здесь не помню!» Тысячи событий были, а память избирательна... Сколько же после той войны осталось девчонок с младенцами на руках! Ни жены, ни вдовы...

СЕДОВ. Как после всякой войны. А Афган с Чечней свое добавили.

ЗУБОВ. Но с Отечественной не сравнить. Там счет шел на миллионы. Интересно, кем стал тот солдатский пацан?

ФЕДОТОВ. Могу рассказать. Он же Мишкин племянник! Так вот, этот Олег Юрьевич ныне инженер-энергетик. Участвовал в ликвидации Чернобыльской аварии. Сам уже дважды дед. Как, кстати, и Мишка. А Тамара три года назад умерла. От рака. Всю жизнь была Юрке верна. Замуж так и не вышла.

ЗУБОВ. Ничего себе сюжет! И об этом напишу... *(Разливает водку по стаканчикам.)* Давайте за девчонок наших! Эх, война проклятущая!

*Пьют, не закусывая.*

СЕДОВ. Да-а, война... Как там в песне поется? *(Напевает.)*

Ах, война, что ты, подлая, сделала:
Вместо свадеб — разлуки и дым,
Наши девочки платьица белые
Раздарили сестренкам своим.

*Зубов и Федотов подхватывают:*

Сапоги — ну куда от них денешься?
Да зеленые крылья погон...
Вы наплюйте на сплетников, девочки,
Мы сведем с ними счеты потом...

*Пауза.*

ЗУБОВ. У Окуджавы, на мой взгляд, эта песня самая пронзительная.

СЕДОВ. А ты был с ним знаком?

ЗУБОВ. С середины пятидесятых. Только начал писать. Возомнил себя гением. И все первые опусы по журналам разослал. И вот в лагерь, в Инту, уже после Двадцатого съезда, приходит ответ из «Октября» или «Знамени», точно не помню. Стихи, дескать, прочли, что-то в них есть, но до печати не дотягивают. Учитесь у классиков, больше читайте, и так далее... обычная отписка. Ну, понятно. Если бы даже гениальные были, то также не пошли бы. Ведь зэковские! Однако не это меня взорвало, а подпись: литконсультант Булат Окуджава. Вот эта «Окуджава» меня и проняла.

ФЕДОТОВ. Оскорбился ты, что ли?

ЗУБОВ. Ну, да. Как? Какой-то кавказец русского стихоплета задумал учить? А сам-то он кто? Смеляков Ярослав Васильевич, который тоже там маялся, уже освободился, посоветоваться не с кем... Но годы прошли и все устаканилось. А спустя много лет я о Шурке Меньшове написал. Помните Шурку?

СЕДОВ. Еще бы! Он всегда за нас заступался. А в сорок четвертом из Польши на него похоронка пришла. И Указ о награждении орденом Ленина был в газетах.

ФЕДОТОВ. Точно! Тогда все пацаны, даже из соседних домов, собирали деньги на постройку танка. И мечтали назвать его «Александр Меньшов». Он же подвиг Матросова повторил!

ЗУБОВ. Да! Так вот, сочинил я вдохновенно, а получилось перепевно. Бессознательная вариация на тему окуджавинского «Леньки Королева». Но решил я ему как-то «Шурку» прочесть. Думал: раскритикует. А он: знаешь, говорит, было бы здорово издать поэтическую антологию о Солдате! Чтоб туда Теркин Твардовского, и мой Ленька, и твой Шурка, и Сергея Орлова парень, и еще сотни одних только солдат вошли. Была такая задумка. Да перестройка все порушила. Настали годы нынешние. Госиздательства рухнули. А коммерческим – до фени. Им «чернуху» подавай!

СЕДОВ. Это точно. Магазины завалены черной макулатурой!

ЗУБОВ. Но я все же надеюсь, что настанет время и подобную антологию кто-то издаст. Пусть безгонорарную, пусть небольшим тиражом, но чтоб стала эта книга – Книгой Памяти. Я бы сам за ее создание взялся.

ФЕДОТОВ. А я с радостью ее купил бы. Чтобы внукам и правнукам будущим передать. Но ты про Шурку прочти. Помнишь наизусть?

ЗУБОВ. Я все свои стихи помню. А о войне у меня много... Ну, что ж...

*Поднимается, подходит к дереву, прислоняется к нему. Читает:*

После двух сестер замужних
и брательников женатых
Был в семействе он самый меньшой —
Сын погибшего в тридцатых
пограничного комбата
Наш бутырский — Шурка Меньшов.

Был он крепок в плечах, норовистый
и цепкий,
Мог любого стереть в порошок.
От Миусс до Бегов, от Бутырки до Зацепы
Знали, кто такой Шурка Меньшов.

Был он в МУРе на учете, и имел
три привода.
Но об этом, где надо — молчок.
И ему предрекал усечение свободы
Участковый товарищ Волчок.

Но когда пришла война, и на стол легла
повестка,
Шурка — черту не сват и не брат, —
Молодой, неженатый, не имеющий
невесты,
Попрощался и пошел в военкомат.

Эти черные дни вы до старости запомните.
В каждом сердце рубец или шов...
Мы однажды прочли, как сражается
на фронте
Рядовой Александр Меньшов.

А назавтра принес письмоносец
похоронку –
Извещение с черной каймой.
И узнал весь наш двор, что в сраженье
под Поронино
Рядовой Меньшов погиб как герой.

И, подвыпив, сказал наш товарищ
участковый,
Умудренный, седой милиционер:
«Дай вам Бог, огольцы, чтобы
Шурку Меньшова
Вы пожизненно взяли в пример!..»

И еще пришло письмо –
дерзким вызовом смерти,
И в нем Шурка писал, как всегда:
«Если кто-то вам скажет, что погиб я –
не верьте!
У меня ведь фартовая звезда!»

Ну а время летит. Год сменяется новым.
И восьмой десяток веку пошел.
И так верится мне, что вместе
с Ленькой Королевым
Где-то здравствует Шурка Меньшов.

*Пауза.*

СЕДОВ. Спасибо тебе. Это где-то напечатано?

ЗУБОВ. К сожалению, нет. Не хотел обвинений в подражательстве. Тем более, сейчас, когда Шалвович ушел.

СЕДОВ. Ну и дурак! Извини... Это же стихи из разряда памяти. Памяти с большой буквы! И как они написались, пусть так и остаются. Опубликуй, пожалуйста. А на злопыхателей наплюй.

ЗУБОВ. Ладно, попробую. *(Разливает водку по стаканчикам.)* Выпьем за помин Шурки и всех воинов. Всех, кто ушел на фронт из нашего дома и не вернулся. Вечная им память!

ФЕДОТОВ. Вечная, не вечная... Но пока живы мы, живы и они.

*Каждый отливает по несколько капель на землю. Пьют. Седов достает следующую бутылку.*

СЕДОВ. Мою уговорили. Займемся федотовской. Колбасы еще нарезать?

ФЕДОТОВ. Не надо пока. И вообще не гони. Дай первую преодолеть. И сам-то закусывай. А то очи уже красные.

СЕДОВ. Красные? У меня? Да это от бессонницы! Всю ночь не спал, думал о твоем сюрпризе. А так – ни в одном глазу. Я по части градусов стойкий.

ФЕДОТОВ. Я не сомневаюсь. Но бутерброд все же возьми.

*Неожиданно во дворе появляется БОМЖ. Подошел к мусорному баку, порылся в нем. Вытащил какую-то тряпку, осмотрел и сунул себе в мешок. Затем заметил отдыхающих и направился к ним. На нем старый офицерский китель, спортивные штаны и стоптанные кеды.*

БОМЖ. Эээ...мм... граждане... или господа? Пардон! Кхм, кхм... Приятного вам... Хорошо сидите. Завидую! Эээ... позвольте пустую бутылочку?.. Мерси! От пивка у вас нет?

СЕДОВ. Нет. Эта единственная.

БОМЖ. Мм, весьма сожалею. *(Взял бутылку, обнюхал горлышко. Вылил несколько капель на ладонь, слизнул.)* Моя самая заклятая! Злодейка с наклейкой! Из-за коей, непотребной, часть жизни пошла прахом. Эээ, господа, если вам рассказать, так это горький роман, чудовищная повесть. Обрыдаетесь, сочувствуя неприкаянной душе!.. Мм... вы разрешите? *(Пытается присесть на скамью.)*

СЕДОВ. Нет, нет!

БОМЖ. Ну нет, так нет... Понимаю. За пределами общества! Но тогда, может, угостите? Нальете хоть бы чуток? Битте, как говорится. Человек человеку – друг, товарищ и брат!

СЕДОВ. Ну, вы видели нахала? А ключи от квартиры, где деньги лежат, тебе не дать?

БОМЖ. Но вы же не Бендер. А про «Двенадцать стульев» я тоже читал. И не надо кричать. Я к вам с почтением, никого не обидел... За бутылочку спасибо. А то, может, вернуть?

ФЕДОТОВ. Погоди! *(Достает из сумки еще один стаканчик. Наливает бомжу.)* Выпей, коли душа требует. За этот дом, за этот двор. Чтоб стоять им еще долго!

БОМЖ *(взяв стаканчик).* Благодарствую... Кхм... А чем дом этот знаменит?

ФЕДОТОВ. Да хотя бы тем, что в нем прошло наше детство.

БОМЖ. Тогда пусть стоит он еще сотню лет!

*Пьет. Федотов протягивает бутерброд.*

ФЕДОТОВ. Заешь!

БОМЖ. Еще раз благодарствую. *(Ест.)* Счастливые вы! Свой дом, свой двор... А у меня ни того, ни другого.

СЕДОВ. Пропил, что ли? Или продал?

БОМЖ. Если бы! Так не обидно было бы. Сам я Павлово-Посадский. Но с конца шестидесятых в Прибалтике жил. В Риге работал на судоремонтном.

На латышке женился, квартиру заимел. Но когда весь этот общий раскол начался, русских стали выживать, изгонять отовсюду. Родители жены заставили ее со мной развестись, из квартиры выписали... работу потерял. Покрутился, помыкался и вернулся в Россию. Да только и здесь я никому не нужен. Уже старый, больной, родственников не имею.

ФЕДОТОВ. Но паспорт у тебя есть?

БОМЖ. А как же? Сохранил. Только он эсэсэровский. Безо всякого гражданства.

*Федотов достал из портфеля блокнот, написал что-то на листке. Вырвал его и протянул бомжу.*

ФЕДОТОВ. Вот тебе телефон. Позвони в понедельник. Лучше после двенадцати. Постараюсь помочь.

БОМЖ. Позвоню. А не обманешь?

ФЕДОТОВ. Не обману. Хотя ничего не обещаю. Как получится. Но попробую.

БОМЖ. Спасибо и за это. В первый раз за все годы кто-то во мне участие принял. Прощевайте. Дай вам Бог! *(Уходит.)*

СЕДОВ. Как думаете, не спагетти он нам на уши вешал? Сейчас столько фантазеров развелось, только рот разевай.

ФЕДОТОВ. Не похоже. Возможно, и вправду беженец. Если позвонит, проверим. *(С ожесточением наливает себе водки. Пьет.)* Ой, беда, беда! Такого, пожалуй, и в войну у нас не было. Столько тысяч бездомных, столько сирот! Я в метро иной раз боюсь спускаться. Там на каждом шагу нищета вопит и стонет.

СЕДОВ. Но достаточно и мафии. Мафия нищих! Она, об этом писали, миллионы загребает. Целые полчища работают на общак.

ФЕДОТОВ. А я все равно подаю. Особенно тем, у кого дети. И буду подавать... хотя, может, не деньги, а шоколадку, печеньице... Деньги могут отнять, пропить, проиграть, а конфетку или булочку ребенок съест.

*Пауза.*

ЗУБОВ *(желая снять напряжение)*. А что, братцы, не навестить ли нам наши бывшие квартиры? Поглядим, кто там живет. Потрогаем родные стены.

СЕДОВ. Я не прочь. Только кто нас туда пустит? Вон даже подъезды у всех на замке. Закодированы, забаррикадированы! Не то, что раньше у нас.

ЗУБОВ. Так ведь у нас гексогеном дома не взрывали! И в любом незнакомце врага не видели. А зайти к себе я просто мечтаю. Вон они, мои окна, так и смотрят, так и зовут.

СЕДОВ. Но у тебя писательское удостоверение с собой?

ЗУБОВ. С собой. А что?

СЕДОВ. Так ты его предъяви. Писателю не откажут. И у Васьки служебное еще похлеще. Ну, решились? Вроде мы из комиссии по обследованию жилья... Ну, чего вы усмехаетесь? Что я такого сказал?

ФЕДОТОВ. Да ты бы взглянул на себя! Жаль, зеркальца нет. Ты же, друг-комиссант, всех жильцов перепугаешь. Весь твой принятый градус на лице отражен. И весьма впечатляюще, уверяю тебя.

СЕДОВ. А ты на себя оборотись! «Чем кумушек считать, трудиться...» *(Зубову.)* Вот уже второй раз он про мой облик талдычит!

ФЕДОТОВ *(примирительно)*. Так поэтому, Юра, я прожектов и не строю. А мечтать не запрещено. Мечтать даже полезно.

*Появляется баба ЛЮБА. Увидев компанию, направляется к ней. Видимо, услышала последние слова.*

ЛЮБА. А что это за мечтатели здесь собрались? От одних, юных, избавились, так пожилые пришли. И опять посторонние, да еще и выпивохи. А ну, проваливайте отсюда, не то милицию вызову! Старикам, детям с мамашами во дворе нельзя побыть. Все скамейки постоянно незваные гости занимают!

СЕДОВ *(задиристо)*. Это какие же незваные? Кто посторонний? Ты разуй лучше глаза, вглядись внимательней! *(Снимает очки, поворачивается фас и в профиль.)* Ну? Углядела? Пацаны, вы ее узнали?

*Зубов и Федотов кивают.*

ЛЮБА. Хм... действительно... вроде знакомые. *(Лукаво.)* Ну, конечно, вы в нашем ЖРЭУ работаете. Сантехнику ремонтируете! У меня в туалете стенной бачок на компакт поменяли. Вы ли, не вы?

СЕДОВ. Не мы! Любушка, голубушка, неужели не узнаешь?

ЛЮБА. Может, узнаю. Но, однако, не уверена. Потому как такого не должно быть.

СЕДОВ. Чего такого?

ЛЮБА. А этого самого. Чтобы через столько лет чуть не каждую неделю бывшие жильцы во дворе появлялись. Вы в Госдуму нацелились? Или прямо в правительство? Тоже за нашими голосами пришли? Так давайте агитируйте! Созывайте народ!

ФЕДОТОВ. Постой, постой... что-то я не понимаю. Ты нас действительно узнала?

ЛЮБА. А как не узнать? Особенно тебя. Сколько раз вместе в штандер играли, в салочки, в пятки. Однажды даже целовались! Как это можно забыть?

ФЕДОТОВ. Ха-ха-ха! Точно! Было дело! В четвертом подъезде на втором этаже. Спасибо, Люба, что напомнила. Я же в тебя влюбленный был. Но остальных-то признаешь? Вот это Юрка Самокат.

ЛЮБА. Знаю, Седов! Из тридцать пятой квартиры. По нему Надька Михлина, подружка моя, сохла. Ишь, какой солидный стал! Не иначе, начальник. А вот третьего помню, но назвать не могу.

ФЕДОТОВ. Так это же Карась! Вадька Зубов из первой. Его отец военным корреспондентом был.

ЛЮБА. А-а! Теперь уяснила. Они раньше всех из нашего дома уехали. Потому и запамятовала.

ЗУБОВ. Но теперь узнаёшь?

ЛЮБА. Вынуждена согласиться. Потому лишь, что вспомнила, как ты висел и ревел!

ЗУБОВ. Где это? Когда? Чего ты выдумываешь?

ЛЮБА. Э-эх, вы! Сами всё позабыли. Вы же нас, девчонок, за людей не считали. А мы вечно за вами, дуры, бегали. И вот сейчас у нас забор, отделяющий железную дорогу, бетонный. Так?

ЗУБОВ. Так.

ЛЮБА. А раньше был из досок, но тоже высокий. Помните?

СЕДОВ. Помним. И что из того?

ЛЮБА. А то, что собралось однажды сколько-то вас и принялись через тот забор камни швырять. Было такое?

ЗУБОВ. Да, швыряли. И часто. Но, пожалуй, не стоит об этом вспоминать.

ЛЮБА. Почему же? Мне приятно. Я ж тогда, может, впервые захотела санитаркой стать. Кто в тот раз был с тобой? Генька Русак, Васька Уваров и еще кто-то. Так вот они просто камушки кидали, а ты решил отличиться.

Схватил целый кирпич, да и бросил, голову задрав. Чтоб посмотреть, как он лететь будет. А он, возьми, да всей тяжестью на твою ряшку и шлепнулся. Вру я или нет?

ЗУБОВ *(неохотно)*. М-да, воспоминаньице.

ЛЮБА *(торжествующе)*. Ну и орал ты тогда! Башка попрежнему задрана, кирпич к морде лица прилип, а из-под него

кровица капает. Мы все перепугались, не знали, что делать. Кто-то из взрослых прибежал, кирпич скинул. А у тебя нос, как у япошки с озера Хасан, сплющенным стал.

ЗУБОВ. Никаким не сплющенным! Это ты фантазируешь. Значит, только из-за этого меня и вспомнила?

ЛЮБА. Не только. О вас каждом, начни припоминать, так и обхохочешься и обрыдаешься. Ты же из первой квартиры?

ЗУБОВ. Да.

ЛЮБА. И когда у нас кино «Старый двор» снимали, операторскую вышку у ваших окон воздвигли. Так?

ЗУБОВ. Так.

ЛЮБА. На скорую руку, халтурно... даже гвозди не загнув. А как съемки закончились, мы на вышку и полезли. Черт нас туда понес! И ты с нами... не отказывайся.

ЗУБОВ. Не отказываюсь. Был грех.

ЛЮБА. Ну, так вот. У всех обошлось, а ты опять выделился. Слезал, за гвоздь торчащий зацепился и повис на нем, словно сушеный суслик!

ЗУБОВ. Почему именно суслик? И к тому же... сушеный?

ЛЮБА. Да это я так, для лучшего воображения. Висишь, голосишь, ногами дрыгаешь... Ой, да ты никак покраснел? Неужто обиделся? Я же не со зла!

ЗУБОВ. Я не обижаюсь. Мне как раз тогда купили матросский бушлатик. С якорями на рукавах, с золочеными пуговицами. Первый раз в нем гулять вышел и сразу... обновил. От хлястика до воротника! Выбросить пришлось. Отдали старьевщику... Помните, у нас тут вечно старьевщики ходили. Татарин один интересно кричал: «Шурум-бурум, старье берум!»

СЕДОВ. Я помню. У него взамен тряпок свистульки всякие были, опилочные мячи на резинках, воздушные шары. Мы ж, когда он появлялся, все во двор выбегали. Натуральный обмен вели, как Миклухо-Маклай с дикарями.

ФЕДОТОВ. А еще точильщик приходил. Ножницы, ножи ему из всех подъездов несли. Он точило крутит, искры веером сыплются, а мы под эти искры руки подставляли. Забавно!

ЛЮБА. Теперь точильщиков днем с огнем не сыщешь. Одни бомжи лишь шастают. Но вы зачем все же пришли? Только не говорите, что просто так. Пусть с водкой, с закуской, но повод-то есть?

ФЕДОТОВ. Конечно. Столько лет не виделись. А ведь все друзья детства. Вот в детство и вернулись. Сидим, вспоминаем.

СЕДОВ. А что ты про Думу и правительство толковала? Они здесь причем?

ЛЮБА. А вы не догадываетесь?

СЕДОВ. Ни слухом ни духом!

ЛЮБА. Так ведь выборы скоро. И в Госдуму, и в городскую. Вот Колька Пыхлин, помните, такого, к нам на днях приезжал. На двух «мерседесах».

Разодетый, вальяжный! Решил баллотироваться, и ищет голоса. А где их больше наберешь, как не в своем бывшем доме? Чего нам только не обещал!

СЕДОВ. Коляй Бу-бу в депутаты? Мало ему того, что имеет, так теперь и неприкосновенность потребовалась? Не иначе, как на чем-то прогорел.

ЛЮБА. А кто он вообще? Вел себя как министр. С такой охраной приехал!

ФЕДОТОВ. Олигарх он, Любаша. Только мелкого пошиба. Ни нефтяной, ни алюминиевый, ни газовый магнат. Но владелец целой сети магазинов, кафе, пары фабрик и еще кое-чего.

ЛЮБА. Да как же он сумел все это захапать? При его-то трех классах с двумя коридорами!

ФЕДОТОВ. Как? История умалчивает. Но сейчас немало обогатившихся, подобно ему.

СЕДОВ. И чего же обещал?

ЛЮБА. Лифты отремонтировать. А то ездить в них страшно. Скрипят так, что, кажется, вот-вот оборвутся. Евроремонт у малоимущих сделать. В том числе и у меня. Лекарствами обеспечивать. Лишь бы мы проголосовали.

СЕДОВ. Да-а, посулы широкие. Только чем они обернутся?

ЛЮБА. А ничем. Нам что, в первый раз? Сколько было обещаний, чего ни сулили! А на деле ни одно обещание не выполнено. Да и на прием к избранникам нашим не всегда попадешь. Но чего вы посмурнели? Вон же и колбаска сохнет, и помидорки подвялились. А бутылку зачем спрятали? Доставай, Василек! Мне немножко плесните как подружке и соратнице.

*Федотов достал бутылку и стаканчики. Налил.*

ФЕДОТОВ. Прошу, милая Любушка! За здоровье твое! За добрую память о нас! Ты-то кем в жизни стала? Я вот в мэрии работал. Юрка ученым был, а сейчас на рынке ширпотребом торгует. Вадька – писатель, романы сочиняет.

ЛЮБА. Ишь, ты! Все, стало быть, не пропали. А я как была санитаркой в роддоме, так ею и осталась. В нашем, Миусском, бывшем имени Крупской.

Так что общий у нас не только этот дом, но и родимый родильный, из которого всех нас вынесли.

ФЕДОТОВ. И дети у тебя есть?

ЛЮБА. Как не быть. Трое сводных. Две девицы и парень. У меня мужики не задерживались. Так что сама всех подняла, на ноги поставила. Ванька – слесарь в трамвайном. Нинка – водитель троллейбуса. Нюрка – врач-педиатр в нашей поликлинике. У всех семьи, у всех дети. Так что я не одна. Да и вы ведь, наверное, давно уже деды?

ФЕДОТОВ. Давно, давно... Но давайте выпьем. Снова за всех нас, за все хорошее!

*Пьют. Закусывают.*

СЕДОВ. Эх, гитарку бы сейчас! Для душевной раскованности. Чтоб накал внутренних страстей излить. Я ж почти двадцать лет в самодеятельности пел. На профессиональную сцену не раз приглашали.

ЗУБОВ. Так чего же не пошел? Сейчас был бы «Народным».

СЕДОВ. Да наука удержала. А теперь уже поздно. Только и радости – для себя и для друзей по торжественным случаям.

ЛЮБА. Значит, гитару? Тогда пожалуйте ко мне. Я самоварчик спроворю. Вареньицем угощу.

ФЕДОТОВ. Нет, побудем пока здесь. Кто-то из наших появится, а нас не обнаружит.

СЕДОВ. А у тебя есть гитара?

ЛЮБА. Почему ей не быть? Молодежь тут у нас ночами куролесит. И с гитарами, и с магнитофонами, чуть не до утра. Я их вечно гоняю. А тут вдруг сама... Но ничего, это ж день, и мы никому не помешаем. Так что жди, я Ванюшкину принесу.

СЕДОВ. Поспешай! А то душа изнемогает.

*Баба Люба уходит. Появляются ГРИНЕВ, его жена СВЕТЛАНА, и их внук ЕГОР, курсант летного училища.*

ФЕДОТОВ *(строго)*. Наконец-то! А мы вас ждать перестали. Ведь на десять назначили. Почему задержались?

СВЕТЛАНА. Не сердись, Самурайчик! Мы Егорку встречали. Утром только прилетел. И вот с нами напросился.

ГРИНЕВ. Здорово, пацаны!.. А ведь это Вадька Зубов! Карасятина, чертушка! Дай я тебя обниму!

ЗУБОВ. У-утюг! Генерал! Е-мое! Шишка с перцем! Не зря ты в наших детских играх всегда командующим был.

ГРИНЕВ. Видно, предчувствовал.

*Гринев и Зубов обнимаются.*

ГРИНЕВ. Ка-а-арась!

ЗУБОВ. У-утю-уг!

ГРИНЕВ. Светка, возрадуйся! Твой извечный воздыхатель! Погляди, какой зубр! Импозантный, вальяжный!

СВЕТЛАНА. Здравствуй, Вадинька. Я тебя по телевизору видела и сразу узнала. А теперь и наяву... Хорош, хорош, ничего не скажешь. А вот я постарела и довольно сильно. Не правда ли?

*Появляется баба Люба с гитарой. Отдает ее Седову.*

ЗУБОВ. Наговариваешь на себя! Все бы так изменялись. Любой деве семнадцатилетней сто очков фору дашь.

СВЕТЛАНА. Ах ты, льстец! Угодник дамский! Только ты преувеличиваешь.

ЛЮБА. Да ничуть! В самый раз. Куколкой была, куколкой и осталась. Со мной-то хоть поздороваешься, госпожа генеральша? А то, может, не узнаешь? Вот меня жизнь потрепала, так потрепала!

СВЕТЛАНА. Любочка, милая! Да как тебя не узнать? Ведь улыбка твоя – одна такая на свете! *(Обнимается с Любой, здоровается с Седовым и Федотовым.)* А это... позвольте вам представить, наш старший внук Егор. Будущий военный летчик, как и его дед.

*Егор прикладывает ладонь к пилотке, здоровается за руку с мужчинами. В это время Федотов уже налил стаканчик, и Гринев приготовился его опрокинуть.*

ФЕДОТОВ. Штрафную!

СВЕТЛАНА *(увидела)*. Михаил Александрович! Да что же это такое? А ну, оставить! У тебя еще и вечером семейное торжество. А ты, Вася, милый друг, генерала не спаивай. Успеете еще и за встречу, и за все ваши детские проказы и выходки.

ГРИНЕВ. О, видали! Командерша! Ладно, слушаюсь. Подожду. Ну и как вы тут без нас? Небось, о многом уже перетолковали?

СЕДОВ *(с досадой ударил по струнам)*. Да какое о многом? Все по мелочам! Эпизодично, обрывочно...

ГРИНЕВ. Так и вся наша жизнь из эпизодов состоит. И память сходу выхватывает лишь то, что на поверхности, в самых первых слоях. Я вот ехал сюда, на глобальное настраивался. А вспоминались то педальные машины и деревянная горка на Миуссах, то, как мы зимой на коньках за проезжающие грузовики цеплялись, то, как на подножках и на «колбасе» «Букашки» ездили. Помните «Букашку»? Трамвай, маршрута «Б»? Он с Лесной на площадь Белорусского вокзала заворачивал. А посреди площади будка кондукторская стояла. И вообще трамвайное кольцо. Вот такое, вроде, мелкое, а для души дорогое.

ФЕДОТОВ. А на углу нашего вала, где этот дом возле церкви, постоянно находилась тележка с газводой. Я в войну бидон брал и с утра бежал к ней.

На рубль сиропа просил и немножко воды. Затем в булочной отоваривал карточки, и все свои триста хлеба граммов запивал этой сладостью. Лафа! И еще там же, рядом, был киоск «Союз печати». Дядя Ваня, мы его «Папаниным» звали, из-за усов, газетами торговал. Так что попутно прихватывал и все свежие газеты со сводками Информбюро. Вот такое, вроде мелкое, а для души дорогое.

*Пауза*

ЗУБОВ *(наконец, жестко напряженно)*. Ну а если о глобальном, так это первый день войны. Мне как раз, накануне, восемь лет исполнилось. И все помню, как сейчас. Именно двадцать второго июня, где-то в десять часов утра, Толик Крицкий погиб.

Выскочил на самокате на мостовую, а на него пятитонка... И все на наших глазах! Потом его увезли, все замыли, затерли... Но кто-то газету окровавленную на забор повесил. Она висит, а в это время Молотов по радио выступает. Помните, черный раструб на столбе у гастронома?

ФЕДОТОВ. Еще бы!

ГРИНЕВ. Я с тобой, Вадька, тогда был!

ЗУБОВ. И вот возле рупора толпа, люди замерли... плачут... И мы тоже там толчемся, уже все понимая. Как-никак, первоклассники, грамотеи с малых лет. С той поры у меня Великая Отечественная с этой детской кровью ассоциируется! Словно символ всего, что нам предстояло пережить.

ФЕДОТОВ. И пережили ведь. С горечью, с болью, рано повзрослев. И всю войну – в Москве. В эвакуацию не уезжали, за что спасибо нашим родителям. Они же все верили, что Москву не сдадут.

СЕДОВ. А помните, как у Большого театра подбитый «юнкерс» поставили? Пацанва со всех районов к нему тогда съезжалась. И без нас там не обошлось.

ГРИНЕВ. А выставки трофейного вооружения в парке Горького? Там уже не только «юнкерсы», но и «мессеры», и «фоке-вульфы» были. Я раз двадцать туда ездил. И с тобою, Карась, мы тоже там были.

ЗУБОВ. Помню! Все помню, Утюжок. А когда немцев пленных по Садовому кольцу гнали? Мы на Маяковку примчались, когда половина их уже прошла. А они всё шли и шли. И за ними поливальные машины – следы их смывали! Я потом уже стихи об этом написал. Так что мы – современники и свидетели такого, о чем в веках будут помнить. И даже первый московский салют мы с твоего, Самокат, балкона наблюдали. Тогда еще от вас кремлевские звезды были видны.

СЕДОВ. Сейчас их, наверное, не видно. Все высотки позакрывали.

ФЕДОТОВ. Ну, хватит, хватит! Умолкли! Наговоримся еще... Светочка, Михаил, присаживайтесь. По такому случаю немножко коньячку. *(Достает бутылку.)* Карась притаранил. Да не что-нибудь, а молдавский, двадцатилетней выдержки. Внуку вашему можно?

ГРИНЕВ. Если он не возражает. Как ты, Егор?

ЕГОР. Спасибо. Я воздержусь. Мне просто приятно с вами побыть. Я обо всех вас только слышал. И от бабушки, и от деда.

СЕДОВ. Интересно, интересно. И что же они рассказывали? Как мы хулиганили, как с уроков сбегали, как на трамвайных подножках раскатывались?

ЕГОР. Ну, не без этого. Но в основном все же о героическом. В воспитательных целях! Как за ранеными ухаживали в госпитале, что был в церкви напротив. Как во время воздушных тревог на крышу лазили, чтобы зажигалки тушить. Было такое?

ФЕДОТОВ. Зажигалок не тушили, не сподобилось. Но на крышу лазили, удирая из метро и бомбоубежищ. Ох, и выдрал меня как-то за это отец! Он начальником эвакопункта был на Белорусском вокзале. А в одну из ночей сорок первого года фугаска упала на привокзальную площадь. Два старых дом снесло, в остальных, окружающих, взрывной волной все стекла повыбило. А я в это время из бомбоубежища смылся. Поднимаюсь на крышу, а там Генька Русак и дед твой с биноклями.

ГРИНЕВ. Да, да, да, было такое! Правда, бинокль только у Геньки был. Да и то, не бинокль, а детская подзорная труба.

ФЕДОТОВ. Так и без нее все было хорошо видно. И вот мы глядим: небо все в прожекторах, с крыши Второго часового завода зенитки палят, самолеты ревут, аэростаты качаются, и из перекрестных лучей прожекторов пойманный «юнкерс» пытается вырваться. Мы орем: «Ага, попался! Смерть фашистам! Смерть Гитлеру!» Но тут нас дружинники обнаружили.

И родителям сдали. Вот тогда-то батя меня и «приласкал»! С того дня я и в метро, и в наш подвал, как миленький, бегал.

СЕДОВ. Ну, что за человек? Призывал всех умолкнуть, а сам снова завелся. Долго еще будешь себя жалеть? Вроде одному тебе по тылам попадало. Разливай! А то шоколад уже подтаял.

*Федотов разливает коньяк.*

ФЕДОТОВ. Света, Любочка, прозит! Ваше здоровье!

СВЕТЛАНА. И за вас за всех!

*Пьют, закусывают.*

СЕДОВ. А теперь споем! Можно бы романс, но сначала что-то довоенное. У нас, Егорушка, песни в основном патриотические были. Это сейчас всякие «юбочки из плюша» и «люби меня по-французски»... тьфу! А раньше – «Если завтра война», «По военной дороге», «Все выше и выше», «Тачанка», «Катюша»... И не хочешь, а подпоешь. Мы на них воспитывались. Вот, послушай! *(Играет и поет.)*

Броня крепка и танки наши быстры,
И наши люди мужеством полня.
В строю стоят советские танкисты,
Своей великой Родины сыны.

Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас бой пошлет товарищ Сталин,
И первый маршал в бой нас поведет.

*Резко обрывает песню.*

Нет, про «первого маршала» мне что-то не хочется. Дутый был... «кавалерист»! Споем другую... Вот эту.

Оседлаю я горячего коня,
Крепко суму приторочу в перемет...

ГРИНЕВ *(перебивая).*

Встань, казачка молодая, на плетень,
Проводи меня с конем на бюллетень!

СЕДОВ *(нервно).* Ну, зачем? Хорошую песню испортил!

ГРИНЕВ. Так ведь и она восхваляющая про того же «первого маршала». Как там дальше? «Красный маршал Ворошилов, погляди на казачьи богатырские полки». Да если бы СССР войну с его конницей встретил, то мы и недели не продержались бы. Так что лучше романс! Или что-то заветное. «Темную ночь», или «Шаланды». Мы на тех «Шаландах» в войну помешались!

СЕДОВ. Ладно. Но все подпевайте... Итак, по просьбе публики, в сопровождении хора и семи струн гитары, песня из кинофильма «Два бойца». Солист – заслуженный артист дома на Бутырском валу Юрий Самокат. Дирижер – генерал авиации Гринев, в прошлом обладатель простонародного псевдонима «Утюг». Прошу, маэстро! Маши, маши руками!

*Поет:*

Шаланды, полные кефали,
В Одессу Костя приводил.
И все биндюжники вставали,
Когда в пивную он входил.
Синеет море за бульваром,
Каштан над городом цветет.
Наш Константин берет гитару
И тихим голосом поет.

*Все подхватывают:*

Я вам не скажу про всю Одессу,
Вся Одесса очень велика.
Но и Молдаванка, и Пересыпь
Обожали Костю-моряка.

*Продолжается песня.*

**КАРТИНА 2**

*Тот же двор. Те же действующие лица. Однако солнце уже склонилось к западу и дом освещен не так, как утром. Из одного окна доносится музыка. Это вальс «В лесу прифронтовом». У скамейки кружатся в танце Зубов и Светлана, баба Люба и Седов. Гринев и Федотов, глядя на них, подпевают.*

ЛЮБА *(задорно)*. Ну, хорошо я придумала? Внуку велела, чтоб он только старые пластинки крутил. Бо-о-оже, сколько же лет я не танцевала!

СВЕТЛАНА. А потом пусть Русланову заведет. И Утесова, и Шульженко! А-ах, кружи, кружи меня, Вадинька! Эй, генерал! Не ревнуешь? Смотри, как писатель ко мне прижимается!

ГРИНЕВ. Дождется, Карась, что я его вызову на дуэль.

ЗУБОВ. Да ты, никак, домостроевец? Ну, что ж, вызов принимаю. И Светлану у тебя теперь точно уведу!

*Появляются ЛИЛЯ, ВИКТОР, АНДРЕЙ и АЛЕКСЕЙ. Останавливаются, слушают с недоумением.*

ВИКТОР *(он взвинчен)*. Ничего себе компашечка! Даже генерал! И баба Люба с ними. Ишь, как изгибается! Прямо Плисецкая! Нас все время гоняет, а сама-то, сама!

ЛИЛЯ. Действительно. Обычно она такая сердитая, а тут прямо цветет. Вроде даже помолодела.

АЛЕКСЕЙ. Как не помолодеть, если у них там не пиво, а коньяк. Вон, бутылка фигурная. Не иначе, как марочный.

АНДРЕЙ. И парнишка с ними. Военный курсант. Может, адъютант генерала?

АЛЕКСЕЙ. Генералы курсантов в адъютанты не берут. У них всегда офицеры.

ЛИЛЯ. А мальчик очень даже ничего. Весьма привлекательный.

ВИКТОР *(нервно)*. Понравился? Да?

ЛИЛЯ *(с вызовом)*. Понравился. И что?

ВИКТОР. Так иди, познакомься. Может, это твоя судьба.

ЛИЛЯ. Захочу и познакомлюсь. Не тебе это решать.

АЛЕКСЕЙ. Прекрати, Витька. Чего ты заводишься? Слова нельзя сказать. Лиль, не обращай на него внимания. Это он от ревности. Самолюбие заедает!

ЛИЛЯ. Ревность? Самолюбие? А на каком основании? С таким же успехом и ты можешь ревновать. Только я ведь никому из вас ни жена, ни невеста. И не надо устраивать глупых сцен. Витя, мы с тобой объяснились. Раз и навсегда! Ты хороший, ты милый, я тебя люблю. Но только как друга. Друга детства и юности!

*Музыка заканчиваются. Пары идут к скамьям.*

ЛЮБА *(восторженно)*. Ну, Седов, ну, закружил! Словно бы шампанского выпила!

СВЕТЛАНА. А почему нет шампанского? В такой-то день? Надо кого-то послать. Миша, позвони шоферу, пусть привезет.

ГРИНЕВ. Хорошо. *(Отходит в сторону, звонит по мобильному. Затем возвращается.)* Сережа привезет... Так что, передохните. А у нас серьезный разговор.

СВЕТЛАНА. Ну, конечно. Когда мужики собираются, у них неизменно серьезные разговоры. Или о футболе, или о женщинах.

*Бросается на скамью, обмахивается платочком. Наклонившись к Любе, что-то шепчет ей. Зубов, Федотов, Гринев и Егор отходят в сторону. Седов сидит, перебирая струны гитары и что-то напевая.*

ВИКТОР. Значит, только друг детства? Ну, что ж, насильно мил не будешь. *(Зло.)* Но почему на наших скамейках чужие рассиживаются? Да еще с песнями и плясками! По какому праву? Кто такие? Откуда они?

АНДРЕЙ. А тебе не все равно? Может, к бабе Любе пришли.

ВИКТОР. Мне не все равно. И я у бабы Любы спрошу. Отчего она теперь милицией не грозит? Баба Люба! А, баба Люба!

ЛИЛЯ. Витя, перестань! Я тебя умоляю!

АЛЕКСЕЙ. Витька, не делай этого. Не нарывайся на скандал. Себе же хуже сделаешь.

ВИКТОР. Ну уж нет! Я спрошу... Баба Люба-а!

АНДРЕЙ. Говорил я, что не нужно позволять ему портвейн. Обошелся бы пивом. А теперь уйми, попробуй.

АЛЕКСЕЙ. Да мужики его смирят, если он их достанет. А ведь он, как нарочно, лезет на рожон. Это, Лилька, все из-за тебя.

ЛИЛЯ. Ну, конечно. Я виновата. А почему я каждому дурню должна потакать? Вы – друзья. Вы его и утихомирьте. Сделайте что-нибудь.

ВИКТОР *(направился к скамьям)*. Баба Люба-а! Здравствуйте!

ЛЮБА *(приветливо)*. А-а, Витенька! Извини, Светлана... Ребята, идите сюда! Я вас познакомлю!.. Ребята, вы знаете, кто к нам пришел?

ВИКТОР *(надменно)*. А это нас не интересует. Мало ли с кем вы тут распиваете? Только нас больше не гоняйте! Попробуйте нас тронуть!

АНДРЕЙ *(хватает его за руку)*. Виктор, пойдем! Не позорь себя и нас!

ВИКТОР *(вырвавшись)*. А частушечки попеть? Барыню сплясать? Баба Люба, слабо?

*Мужчины и Егор прекратили беседу. Подошли к скамьям. Баба Люба растерянно смотрит на них.*

ЛЮБА *(изумленно)*. Ну, надо же... Чего это на них нашло? Претензии какие-то...

АНДРЕЙ. Виктор, пойдем! Да идем же, ты... дубина!

ВИКТОР *(яростно)*. Отстань! Почему я из своего двора должен уходить? Я здесь живу, я в этом доме с рождения... И вот эти скамейки лично сюда притащил! А теперь посидеть на них хочу... культурненько. А они пришлыми заняты! Господа, потеснитесь, позвольте присесть! Мне и моим приятелям!

ГРИНЕВ. Ну, садитесь. Поглядим на наших «сменщиков».

На тех, кто нас в этом доме через столько лет сменил.

*Виктор приготовился сесть, но остановился.*

ВИКТОР. «Сменщиков»? Это как же понимать? Каких «сменщиков»? Вы о чем говорите?

ЛЮБА *(резко)*. О том, глупый ты глупец! Ведь тебя, дурачка, еще в помине не было, когда эти люди в нашем доме жили! И до войны, и в войну, и в последующие годы!

ЛИЛЯ *(трагически)*. Бо-о-оже, как стыдно! Ой, как мы опозорились!

ВИКТОР *(развязно)*. Да, перестань! Все нормалек!

ЛЮБА. И вот вспомнили детство, собрались через много лет, а ты объявился и праздник испортил! «Нормалек»! Слова-то какие... Го-о-осподи, шпана! Хоть бы пить умели. А то выпьет десять грамм, а куражу, как с поллитры! Вася, Миша, Света, идемте ко мне! Нечего с этими охламонами нервы трепать!

ВИКТОР. А почему сразу «охламоны»? Почему надо оскорблять? Я же не знал... мы же не знали...

ЛЮБА. А тебе и знать необязательно. Да мало ли кто бы здесь сейчас отдыхал! Но у вас никакого уважения к старшим. Охламоны и есть! И ты, Лилечка, с ними!

ВИКТОР. Ну-у... мы извиняемся... я извиняюсь... И уже ухожу... Товарищ генерал, простите. Мы в армии не служили, к дисциплине не приучены.

ЕГОР. Ничего. Послужишь – приучат. Армия любого человеком сделает!

СВЕТЛАНА. Егор, не вмешивайся. Тебя не спрашивают.

ВИКТОР. Не спрашивают. Верно тетенька говорит. Но если армия такой могучий воспитатель, то почему из нее то и дело бегут? Чуть не ежедневно по телику о дезертирах рассказывают. Так не проще ли было нежелающих не призывать? Я вот лично от армии как-нибудь откошу! Пусть служат те, кому это нравится. Как вот вы, например, молодой человек!

ЛИЛЯ. Да что же это такое? Что он болтает? А взрослые почему молчат? Почему не одернут?

*Егор хочет ответить, но Светлана его сдерживает.*

ВИКТОР. Только не говорите про священный долг, гражданскую обязанность, про присягу и прочее! Те, что из частей бежали, тоже присягали. А чем это кончилось? Они – преступники, предатели! Но кто их в гадов превратил?

АЛЕКСЕЙ. Виктор, уймись! В последний раз прошу. Не слушайте вы его! Он же по недомыслию. Показать себя хочет, вот, мол, мы какие! Поколение нэкст! А мы все очень разные. И по одному болтуну не судите обо всех!

ГРИНЕВ. А мы и не судим. Нам даже интересно. Мы лишь мысленно сравниваем себя и вас. В любом поколении были и герои, и трусы. И если откровенно, то из вашего приятеля лезет не бравада, а панический страх. Он не армии боится, а тех трудностей, что там его ожидают. Поэтому и паникует, истерику закатил.

СЕДОВ. Точно! Ты самое верное определение нашел. Мы, мальчишками малыми, на фронт рвались, чтобы нашим бойцам помочь! И потом служили срочную, как подобает мужчинам. Не хныкали, не ныли, не теряли себя. Да если б кто из наших ребят вот так заскулил, от него все отвернулись бы! Руки бы никто не подал! А тут парень рассопливился, а вы ему потакаете. Уговариваете, едва ли не извиняетесь за него...

ВИКТОР. Но я же правду говорю! Высказываю... свое отношение!

ФЕДОТОВ. А оно никого не интересует. Чего ты к людям пристал? Чего выкаблучиваешься? Оставь свое при себе и иди себе с Богом! Тоже мне, оракул! Выразитель поколения!

ВИКТОР *(оскорблено)*. Ну, что ж, мы уходим, раз вам так помешали!

ЛИЛЯ. Ты уходи. А я с ребятами остаюсь. Можно? Товарищ генерал? Баба Люба? Вы же для меня сейчас как ожившее прошлое! Этого дома, этого двора! Вы же здесь тоже росли, играли, дружили... да еще в самые трудные времена!

ЗУБОВ. Нынче время не легче. И вам тоже достается.

АНДРЕЙ. Достается, но не так. Мы в другой стране выросли. И многое принимаем сейчас как должное. И вот можно вас спросить? Вы в каких квартирах жили? Вот вы, товарищ генерал?

ЛЮБА. Его зовут Михаил Александрович Гринев.

ГРИНЕВ. Я из четвертой. Моя жена Светлана из девятнадцатой. А дружок наш писатель Вадим Семенович Зубов из первой.

СЕДОВ. Я из тридцать пятой. Седов Юрий Павлович.

ФЕДОТОВ. Ну а я, Федотов Василий Васильевич, из сорок второй.

ЛИЛЯ. Из сорок второй?! Так мы сейчас там живем! Вот встреча, так встреча! Зайдете к нам в гости? Очень вас прошу!

ФЕДОТОВ. С удовольствием. Каждому хочется в своей бывшей побывать. Сколько там пережито, сколько связано с каждым!

ЛИЛЯ. Ну а мы вам поможем. По всем квартирам проведем. Мы гордиться должны, что здесь такие люди жили! Генерал, писатель... есть с кого брать пример.

СЕДОВ. Вот это разговор. Спасибо тебе, девочка. Тебя Лилей зовут? А друзей твоих как?

АЛЕКСЕЙ. Я Алеша. Из пятьдесят третьей.

АНДРЕЙ. А я Андрей. Живу в семьдесят шестой. На одной площадке с Виктором.

ВИКТОР *(гордо)*. Обо мне без информации! Вы уж сами приобщайтесь. *(Уходит.)*

СВЕТЛАНА. Что с ним происходит? Почему он такой? Его кто-то обидел?

АНДРЕЙ. Он сам себя обижает. Вообще-то, он славный. Но порой на него накатывает.

СЕДОВ. А коль накатывает, то пусть лечится и держит себя в руках. А не то с таким характером ему в жизни трудно будет. Ну да ладно, ушел и скатертью дорожка!

ЗУБОВ. Так ты говоришь, из семьдесят шестой? Там же раньше Семка с Беллкой жили. В их квартире во время съемок Карандаш

обитал. Вы хоть знаете, что у нас тут снимали кино? «Старый двор» называлось.

ЛИЛЯ. Еще бы!

АНДРЕЙ. Конечно. А Белла Ефимовна... она – моя бабушка.

СВЕТЛАНА. Значит, твоя фамилия Бурштейн?

АНДРЕЙ. Нет, Караваев. У меня папа русский. А Семен Ефимович Бурштейн давно в Израиле живет. Два года назад приезжал сюда. Вот баба Люба с ним встречалась.

ЛЮБА. Да, наведывался Семка. Вы б его не узнали. Длинный, тощий, очкастый, точный Паганель! Все про всех расспрашивал: кто, да где, да как? Даже прослезился. Звал меня к себе. Дескать, если заболею, устроит в свою клинику. Он у них там знаменитый врач. Адрес даже оставил.

ЗУБОВ. Вот и прекрасно. Свяжемся с ним по Интернету. Ну, а Белла-то где?

АНДРЕЙ. Бабушка на даче. У нее с ногами плохо. С палочкой ходит. Но если бы знала про вас, обязательно примчалась бы. А теперь будет жалеть.

ЗУБОВ. Ничего, мы еще встретимся. А пока общий привет ей от нас передай.

АНДРЕЙ. Непременно. Она будет счастлива.

ЛЮБА. Беллка, Беллка... если бы она знала! А я тоже не предполагала, что сегодня развлекусь. Выхожу во двор, вижу: мужики водку пьют. Подхожу, хочу ругаться, и вдруг – батюшки-светы! Один, другой, третий – знакомей знакомого! А вот с этим Василием Васильевичем мы в детстве даже целовались. Так что едва не лишилась чувств. Все в душе встрепенулось, жизнь в мгновение ока перед глазами прошла. Доживете до наших лет, поймете, что это такое.

ЕГОР. Все перезнакомились. Один я неаттестованный.

ЗУБОВ. Ой, прости, Егорушка. Сейчас я тебя представлю.

ЕГОР. Спасибо, дядя Вадя. Но лучше я сам. Разрешите представиться: Егор Гринев. Курсант высшего краснознаменного летного училища. Будущий истребитель. Почти выпускник.

*Пожимает руки парням. Целует руку Лили. Лиля смутилась, спрятала руку за спину.*

ЛИЛЯ. Ой, ну что вы! Мне никто еще рук не целовал. А вы... а вы тоже в нашем доме жили?

ЕГОР. Увы! Я родился в одном из дальних гарнизонов. Мой отец тоже военный, только строевик. Так что все детство я с солдатами провел. И об этом доме знал только по рассказам. Но пару лет назад приходил сюда. Так сказать, в наследный родовой замок.

ЛИЛЯ. И были, наверно, разочарованы. Обычный кирпичный. Да к тому же еще и старый.

ЕГОР. Да что вы! Он для меня легендами овеян как и любое семейное гнездо. Когда дед или бабушка о своем детстве рассказывают, это просто поэмы! Заслушаться можно! Тут у них в годы войны было особое братство. Все за одного, один за всех!

АЛЕКСЕЙ. К сожалению, нам с этим не повезло. Так, приятельствуем по-соседски, вечерами встречаемся, лясы точим... Может, через годы и нам наше детство необыкновенным покажется. Но пока о подобном речи не идет.

ЛИЛЯ. А вы уже летали на самолетах? И с парашютом, наверное, прыгали?

ЕГОР. И летал, и прыгал. Правда, летал пока не на сверхскоростных. Но это дело будущего.

ЛИЛЯ. Наверное, страшно впервые было?

ЕГОР. Естественно. Хотите, я подробнее об этом расскажу? Только давайте отойдем, чтобы старшим не мешать. Пусть они дорогое свое вспоминают.

АНДРЕЙ. Давайте. Вон к той скамейке. Знаешь, нам с Лешкой скоро в армию идти. Так ты нас просвети, по мере возможности. А то ведь можем и в училище...

*Молодежь отходит к третьей скамейке. Усаживаются. В это время за сценой раздается шум подъехавших машин, визг тормозов.*

АЛЕКСЕЙ *(вглядываясь)*. О-о, «Мерседес шестисотый» и джип «Чероки». Еще кто-то прикатил. Вот крутые деды!

*Появляется ПЫХЛИН – «Коляй Бу-бу». Он весь в черном, при «бабочке». На левом глазу черная повязка. В руке трость. Прихрамывает. С ним двое телохранителей.*

АНДРЕЙ. А мне что-то не нравится этот субъект. Прямо «Билли Бомс» какой-то. Не гармонирует он, Егор, с твоим дедом. Разные общественные категории.

АЛЕКСЕЙ. Да и морды у его амбалов явно угрожающие.

ЕГОР. Но, может, они по другим делам приехали. Дом у вас большой, народу живет много.

АЛЕКСЕЙ. Так-то оно так. Но хромой целенаправленно к скамьям подгребает. И мордово́роты руки в карманах держат. Уж не «стрелка» ли тут назначена? Кто кого и кто с кем?

ПЫХЛИН *(телохранителям)*. Постойте в сторонке! *(Подходит к компании.)* Ба-а! Какие люди! Любка, это ты сей вернисаж организовала? Не подвел меня Шнурок, не обманул. Вся старинная братия почти в полном составе! И даже генерал! Здорово, Мишаня! Очень тебе эти погоны идут.

ГРИНЕВ. Здорово, Бу-бу, коль не шутишь.

ПЫХЛИН. А почему «Бу-бу», а не Николай Иванович? Что за фамильярность? Я же тебя не «Утюгом» назвал, а чин по чину, по званию. И с кирюхами твоими уважительно обойдусь. Здравствуй, Юрок! Привет, Вадимчик!.. Удивляетесь моей памяти? Так у меня глаз – ватерпас! Один раз увидел – запомнил на всю жизнь. Особенно тех, кто из меня крови попил. Это тебя, Федотов, касается. Как ты не наезжал на меня из мэрии, каких ментов не наускивал, а я весело живу и надеюсь жить долго.

ФЕДОТОВ. Живи. Только другим не мешай. А то у тебя хватка паучья.

ПЫХЛИН. Ну, не надо, не надо! К чему злые выпады? Хотя я могу их принять за комплимент. В наши дни только так существовать и следует. Чуть расслабишь-

ся, растеряешься, и тебя тут же сожрут.

ФЕДОТОВ. Но ты приехал не за тем, чтоб свое кредо обнародовать? Что-то тебе от нас надо? И, кстати, почему Шнурок? Причем здесь Серега?

ПЫХЛИН. Так ведь он мине о вашем сходняке доложил. Он мине благодарный. Сколько лет на меня пашет! Я ему, алкашу, спиться не позволил. Подобрал, подлечил, приставил к делу.

ФЕДОТОВ *(недоуменно)*. Но от кого же Шнурков узнал о нашей встрече?

СЕДОВ *(покаянно)*. Да это я его позвал. Встретил на Беговой, ну и пригласил... все-таки он наш, бутырский. А он Коляя посвятил, а сам прийти побоялся. Вот позорник! С малых лет перед сильными прогибался!

ПЫХЛИН. Зато живет хорошо. Ни в чем не нуждается. Во всяком случае, лучше любого другого пенсионера. Я вот Любке говорил: потрудись на меня и за раз получишь столько, сколько за год не заработаешь. А твоя, Михаил, пенсия, если не секрет, на сколько тянет?

ГРИНЕВ. Сколько есть, все мое.

ПЫХЛИН. Ага! Военная тайна! Только не больно ты на это «свое» разгуляешься. Правда, теперь тебе и за «Героя» приплачивают, но все равно по достоинству ты не оценен. Как и все остальные. Как ты, Самокат. Мне Шнурок донес, что ты на рынке тряпьишком торгуешь. А ведь был большим ученым, чего-то изобретал. И вот у меня ко всем вам деловое предложение.

СЕДОВ *(иронично)*. Да? Ну, что ж, обнародуй. Мы уже о некоторых твоих задумках наслышаны.

ПЫХЛИН. А ты не язви, не язви. Может, еще спасибо скажешь. Ну, так вот, мужики, я все ваши пенсиешки многократно увеличу.

СЕДОВ. Да ты что? Вот так вот возьмешь и облагодетельствуешь? Ну, прямо меценат!

ПЫХЛИН *(поморщившись)*. Возьму! Если согласитесь работать в моей команде. Мне такие уважаемые люди нужны. Служба в основном будет представительская. При ваших-то связях можно многое связать... Ну, чего призадумались? Я верняк предлагаю! Вы – мине, я вам, и мир во всем мире!

ФЕДОТОВ. Ну а в доме-то нашем у тебя какие дела? Любаша говорила.

ПЫХЛИН. А я и не скрываю. Надо мне человечка одного в Думу пропихнуть. Выборы на носу, и надежные голоса требуются. Тем более, что я провожу его по этому избирательному округу.

ЗУБОВ. Ты проводишь? Именно ты?

ПЫХЛИН. А что тут такого? Ежели я спонсор? Ну а если не я, так общественное объединение. Например, кондоминиум нашего бывшего дома. Ведь различные партии своих по спискам протаскивают, ни с какими избирателями не советуются. А мы демократически... народным волеизъявлением! И если вы авторитетом своим поможете, у нас точно в Госдуме будет свой депутат.

СЕДОВ. Персональный? Карманный? Имени господина Пыхлина? И для этой марионетки голоса тебе нужны?

ПЫХЛИН *(зло)*. Ну, чего ты все ерничаешь? Уймись! Я же не бесплатно. Все чего-то получат. И с этим домом разберемся. Надеюсь, в лучшую сторону. А кому, чем и как депутат будет служить, это забота заинтересованных. Ведь не секрет, что повсюду лоббируют. Каждый пытается что-то выжать для своих.

ЗУБОВ. Не секрет. Но почему тогда сам не баллотируешься? При твоей-то пронырливости ты в Думе лучше преуспел бы.

ПЫХЛИН. Ну, во-первых, я стар. А во-вторых, у меня бизнес. И пустопорожняя говорильня меня не прельщает. Тем более, что основные вопросы решаются в кулуарах. А кандидат мой – говорун и умелец еще тот! Вот ты, Зубов, кто сейчас?

ФЕДОТОВ. Вадька – писатель. Тебе ведь, наверное, и писатели требуются?

ПЫХЛИН. Еще как! Если золотое перо, то я его раскручу покруче всяких Толстых! Тут же полное собрание сочинений издам! Тебе, Юрка, не лоток, а модный бутик предоставлю. Хочешь, на Арбате, хочешь, на Тверской. И Федотову, уж как я его не люблю, а приличную денежную синекуру устрою. Черт возьми, не чужие же мы! Сколько лет друг друга знаем!

ГРИНЕВ *(усмехаясь)*. А мне чего предложишь? Меня тоже возьмешь? Уж не швейцаром ли в свой центральный офис?

ПЫХЛИН. А ты, Мишаня, вообще вне конкурса! Твое дело – орденами сверкать и щеки надувать. Ты у меня будешь замом по имиджу! Самое престижное генеральское занятие. Ну, так как? Сговоримся? Кто еще вам подобное предложит?

ФЕДОТОВ. Да, пожалуй, никто. Предложение заманчивое.

СЕДОВ. Еще бы! Коляй, а если я соглашусь? Но только на два бутика? И на Тверской, и на Арбате. Тогда как? Потянешь?

ПЫХЛИН. Я и на пять потяну, если увижу свою выгоду. Ну, по рукам? Чего еще думать?

ФЕДОТОВ. Действительно, чего? И вот мой ответ. А не пошел ли бы ты на... и вали-ка отсюда!

ПЫХЛИН *(оторопело)*. Чего, чего? Куда?

ФЕДОТОВ. Туда! Сколько лет на свете прожил, а не уяснил, что не все в этом мире продаются!

ПЫХЛИН. Вре-ешь! Любого можно купить! Все зависит от количества цифр в энной сумме!

ГРИНЕВ. Может быть, и так. Если судить по тебе. А на нас твои количества впечатления не производят. Так что правильно Васька говорит: мотай ты отсюда! И дорогу к этому дому забудь. Этот дом для тебя теперь – запретная зона!

ПЫХЛИН *(разъяренно)*. А ты что за запретитель? Да мне стоит мигнуть, и от твоего генеральства ничего не останется! Как и от остальных! И даже от этого дома! Я же его покупаю по остаточной стоимости. И уже договорился с городскими властями. Затем снесу к чертовой матери, чтоб и памяти не осталось! А на месте его отель построю, или очередное казино.

ФЕДОТОВ. Надейся. Только лапки у тебя, паучок, коротки. И кого бы ты ни купил, ни призвал себе в помощь, ни Дума вам не обломится, ни, тем более, этот дом.

ПЫХЛИН. А мы посмотрим. Поглядим: кто кого? Встанете поперек – раздавлю, не задумываясь. Пусть хоть всю авиацию на меня Гринев поднимет. А еще... у вас ведь детки и внуки есть... Побеспокойтесь о них. Мало ли чего может случиться. Непрочен человек, смертен, смертен!

ГРИНЕВ *(надвигаясь на него)*. Ах ты, гад! Ты еще угрожаешь? Да я тебе своими руками сейчас вторую ногу выверну! Мразь! Как был уголовником, так им и остался!

ПЫХЛИН *(отступая)*. Ну, ну, ты не очень... Ишь, раздухарился!.. Шрам! Булыга! Ко мне! Остановите его! И если что, стреляйте!

*Телохранители, достав пистолеты, прикрывают Хозяина.*

ЕГОР *(вскочив со скамьи)*. А вот теперь следует вмешаться. Лиля, вы останетесь здесь!

ЛИЛЯ. Ну уж нет. Я с вами!

*Молодежь подходит к старшим, становится рядом. Из подъезда выскакивает Виктор с видеокамерой в руке. Остановившись поодаль, снимает происходящее.*

ПЫХЛИН. Козлы! Фраера! Подумайте, с кем связываетесь! Я вас в детстве давил и теперь душить буду!

ФЕДОТОВ. А вот тут ты, Бабуин, прокололся окончательно. Вон же сколько свидетелей из окон глядят! Бандит, бандит, он и есть! В какую бы шкуру ни рядился. Кстати, нас даже снимают. Эй, сынок, иди сюда! Чувствую, что будет новый фильм «Старый двор»!

ПЫХЛИН. Шрам! Отними у щенка видеокамеру!

*Один из телохранителей бросается к Виктору, Но его опережают Андрей и Егор. Встали – глаза в глаза. У Шрама в руке пистолет. Все остальные замерли.*

ПЫХЛИН. Ну, чего застыл? Шмальни в воздух! А не уйдут – по ногам!

ШРАМ. Да я шо, идиот? На глазах у всего мира!.. Отдай пленку, качок, я хорошо заплачу!.. Двести баксов... триста баксов! Ты ж таких бабок сроду не видел!

ВИКТОР. Видел и побольше. А ты спрячь свою «дуру»! И обернись! Насчет вас уже звонят!

ФЕДОТОВ *(по мобильнику)*. ГУВД?.. Генерала Попова!.. Это Федотов из мэрии... Соединяйте, соединяйте!.. Всеволод Петрович? Федотов беспокоит. Подошли-ка по-срочному группу захвата... Адрес: Бутырский вал дом пять!.. Да тут твой давний знакомый Пыхлин разошелся! Обормоты его стволами размахивают!.. Посылаешь? Ждем!

*Шрам, оглядываясь на грозящего ему кулаком Пыхлина, отчаянно:*

ШРАМ. Ну что, малый? Не продашь? Тогда смотри, пожалеешь! Ведь тебя отловить нам труда не составит! Стоит ли рисковать?

ВИКТОР *(продолжая снимать)*. Говори, говори... вот тебе и доказательства! И надеюсь, что первым отловят тебя! Вон, и шеф твой, и кореш уже сваливают к тачкам! Мотай скорее, а то не успеешь!

*Шрам застыл в растерянности, опустив пистолет. Этим тут же воспользовался Егор. Бросился на бандита, заломил ему руки.*

ЕГОР. А «пушку» отдай!.. Плохое это дело! Ты еще молодой, за кого лоб подставляешь?

ШРАМ. Не-е-ет!.. Отвали!... Пристрелю паскуду!

*Борются. Раздается выстрел. Егор вскрикивает. К нему бросаются Гринев и Светлана. Алексей и Андрей наваливаются на Шрама, скручивают его. Федотов снова звонит.*

ШРАМ *(вопит)*. Ах вы, суки! Вас за это повесят! Все блатные, все урки поднимутся на вас!.. Ше-еф! Булыга! На помощь! На помощь!

ЕГОР *(осматривая руку)*. Вот дурила! Себя же и погубил. Говорил я тебе, за кого лоб подставляешь?

СВЕТЛАНА. Егорушка! Ты ранен?

ЕГОР. Да нет, пронесло... порохом опалило.

ЛИЛЯ. Давайте я вас перевяжу. Только зайдем ко мне домой.

ЕГОР. Спасибо... Только перевязывать нечего. *(Отдает пистолет Гриневу.)*

ГРИНЕВ *(осматривая оружие)*. Смотри-ка ты, «вальтер»! И возможно, уже засвеченный. Ну, Бу-бу, ты и за это ответишь!

ШРАМ *(пытаясь вырваться)*. Босс! Булыга! Не бросайте меня!

ПЫХЛИН *(по-прежнему пятясь)*. Не ори! Я тебя вытащу! А вы, падлы позорные, ждите! Война, так война! Я ж вас всех по одному отслежу и урою!

*Вдалеке раздаются звуки милицейских сирен.*

ПЫХЛИН. Булыга, сваливаем!

БУЛЫГА. А Шрам?

ПЫХЛИН. Да хрен с ним! Сам виноват! Говорил я ему: шмаляй! А он что сделал?

ШРАМ. Бу-улыга-а!.. Ну что же ты, га-ад?

ПЫХЛИН. Урою! Урою все-е-ех!

*Убегают.*

ФЕДОТОВ *(насмешливо)*. Напрасно он так! Не жалеет себя. Не сознает, что его самого уже урыли. Уж теперь генерал Попов его достанет! *(Виктору.)* Камера у тебя надежная? Не подвела?

ВИКТОР. Новейшая из новых! Отец на окончание школы подарил. Я все с самого начала заснял. Словно предчувствовал... Вот, возьмите кассету. А за то, что нагрубил... простите... пожалуйста!

ГРИНЕВ. Ладно, чего не бывает по молодости. А кто старое помянет, тому глаз вон!

ВИКТОР. Спасибо!

*За сценой шум моторов, крики, милицейские свистки.*

ЗУБОВ. Удирают!

ФЕДОТОВ. Далеко не уйдут. Я за них теперь ломаной копейки не дам. *(Парням.)* Пошли, отведем и этого... Хотя, вот и милиция.

*Выбегают два милиционера с автоматами.*

ЛЕЙТЕНАНТ. Еще и этот?

ФЕДОТОВ. Да. Стрелок! Вот, пожалуйста, пистолет и кассета... веские доказательства. Вы пока оформляйте, а мы через часик к вам подъедем.

ЛЕЙТЕНАНТ. Хорошо. Куда именно, вы знаете? Там будет полковник Самохин.

ФЕДОТОВ. Конечно. Мы уже созвонились. И я сейчас пройду с вами....

ЛЕЙТЕНАНТ *(сержанту).* Марчуков, давай наручники!.. *(Надевает наручники на Шрама.)* Что ж, пошли, стрелок!

ШРАМ. Нет... не-е-ет! Не надо! Я не хочу! Оставьте меня! Вы еще пожалеете! Гады! Га-ады! Га-а-ады!

*Милиционеры уводят Шрама. Вместе с ними уходит Федотов. За сценой шум отъезжающих машин.*

СЕДОВ. Хочу надеяться, что Бабуин действительно не вывернется. Хотя... кто знает. Пленка, конечно, доказательство веское. И стрельба, и пистолет. Все для следствия и суда. Но сколько раз даже вопиющие дела спускали на тормозах. Ведь сказал же Бу-бу, что все зависит от цифр.

ЗУБОВ. А я полагаю, что никакие цифры ему не помогут. И никто за него уже не вступится. Он лишь шавка для тех, кто за ним стоит. А теперь сам подставился и их подставил. Депутатскую аферу с треском провалил. Шухер поднял на всю столицу. Такое не прощают.

ГРИНЕВ. Ну а если впрямь продолжится нашествие проходимцев, нацелившихся откупить все окрестности, то мы этот дом превратим в сталинградский дом Павлова. Ни один фашистюга ведь там не прошел.

СЕДОВ. Я все сокрушался, что живу мелко, скучно. А теперь у меня цель появилась. Может, мой самый последний боевой рубеж!

*Возвращается Федотов.*

ФЕДОТОВ. Боевой рубеж? Где и зачем?

СЕДОВ. Но ты слышал, что Коляй заявил, насчет дома? Это ж центр – справа Ленинградка, слева – Тверская, а посредине Белорусский. Завидное место! И, наверное, многие мечтают им завладеть.

ЗУБОВ. Так ведь уже овладевают. Вон, напротив, через дорогу, какие махины возводят! И до дома нашего тоже доберутся. Правда, не какие-то там «бабуины» и прочие, а, скорее всего, мэрия или федералы. Но будем надеяться, что возьмутся за него не скоро.

ФЕДОТОВ. Однако чему быть, того не миновать. Ведь даже сталинские высотки постепенно разрушаются, хотя и были построены после войны. А наш родной выстоял и в годы пятилеток, и в Отечественную, и во все эти смутные лета. Так что, давайте, провозгласим тост за него. И за наше вновь обретенное нерушимое братство!

ГРИНЕВ. А ведь Васька прав. Времена меняются, и жизнь меняется вместе с ними. На наших глазах, при общем нашем попустительстве развалилось величайшее государство, огромный общий дом, построенный нашими предками. Разбежались, хуля и предавая его, по своим национальным пределам те, кого выпестовала и вынянчила Россия.

СВЕТЛАНА. Миша, ну ты опять за свое! Ведь, бунтуй не бунтуй, а ничего не изменишь. И что значит этот наш отдельный, так же обреченный, дом не только в масштабах Отечества, но даже и города, района, улицы? Сколько можно тосковать о свершившемся?

МИХАИЛ. Ну а как же иначе, если это твой дом?.. Ну да ладно, действительно, хватит. Как, Василек, Бу-бу уже взяли?

ФЕДОТОВ. Успел умотать. Но погоня идет. Думаю, из Москвы его не выпустят.

ЛЮБА. Дай-то Бог, дай-то Бог! Совсем сдурел на старости лет, идол!

ЗУБОВ. Да, не такой я представлял себе нашу встречу.

ФЕДОТОВ. А чем она тебе не нравится? Замечательная! Боевая! Каждый доказал, чего он стоит. И я рад, что никто из нас друг в друге не разочаровался.

СВЕТЛАНА. А вот и наш водитель! Сережа, привез?.. Неси сюда!

*Появляется водитель Гринева с сумкой в руках.*

ВОДИТЕЛЬ. Как просили... Мускатное, крымское.

СВЕТЛАНА *(приняв сумку).* Спасибо, дорогой. Посиди немного с нами.

ВОДИТЕЛЬ. Нет, нет, спасибо. Я лучше в моторе покопаюсь, карбюратор проверю. Извините... *(Уходит.)*

СВЕТЛАНА *(достав бутылку шампанского).* Василек, ты тост предлагал. Вот теперь в самый раз. Юрка, открывай!

СЕДОВ. Минуточку! У меня тоже сюрприз!.. Я случайно у себя в столе «жостку» обнаружил! Сколько лет там валялась! *(Достает из кармана кусочек шерсти с кусочком свинца.)* Вот!.. Э-эх ты, милая! Я же чемпионом двора по ней был. А ну, кто хочет расслабиться? Кто игру не забыл? Рискнешь, генерал? Слабо тебе?

ГРИНЕВ. Почему слабо? Ноги еще держат. Кидай сюда! Покажу класс!

*Седов перекидывает ему «жостку». Светлана с бутылкой в руке, укоризненно.*

СВЕТЛАНА. Ми-и-иша-а! Не солидно! На тебя дети смотрят. И еще... вон из окон глядят!

ЗУБОВ. Ну и что? Пусть посмеются. А то глупый выстрел всех взбудоражил. Отдавай жостку, Утюг! Я попробую!

ГРИНЕВ. Следующим будешь1 Пацаны, считайте!

СВЕТЛАНА. Михаи-ил!

ГРИНЕВ. Не мешай... не сбивай с ноги!

*Начинает подкидывать жостку ногой. Зубов и Седов считают.*

СЕДОВ. Раз... два... три... четыре... Давай, давай, генерал!

ЗУБОВ. Пять... шесть... Опа!.. Опа! Но все равно я тебя переиграю!

ФЕДОТОВ. Ну, хватит, хватит! Завелись! Молодец, Мишка! Доказал!

ЗУБОВ. Но я тоже хочу! Дайте и мне покрасоваться! *(Отбирает жостку, работает.)* Раз... два... три... четыре...

АНДРЕЙ *(подталкивая Алексея).* Ничего себе деды? Во, дают, во, дают! А мы в эту игру почему-то не играли.

ЗУБОВ. ... Десять... одиннадцать... Ага... ага!

ФЕДОТОВ. Карась! Ну, тост же провозгласили! Поглядите на них. Седые, умудренные, а ведут себя, как дети!

СЕДОВ. Так ведь дети войны! В детстве не доиграли.

ЗУБОВ. И ты, Самурай, такой же. Дай тебе волю, футбол начнешь гонять. Как когда-то мы здесь с циркачами сражались! Света! Ну, отдай же ты ему бутылку. Пусть разливает. И молодым нашим друзьям сегодня тоже положено!

ГРИНЕВ. Предложение поддерживаю! Но подождите, подождите! В общем, так... По случаю приезда нашего внука Егора и тезоименитства моей любимой жены...

ЗУБОВ. Да? Эх, как славно! Поздравляю, Светланочка!

ГРИНЕВ. Не перебивай!.. Предлагаю всей компанией поехать к нам. Кто «за»?.. Единогласно! Тогда, Самокат, запаковывай сумки!

ЕГОР. А вы, ребята, поедете? Дед приглашает.

АНДРЕЙ. Заманчиво. Но нет, нет... У вас семейное торжество. Зачем вам посторонние? Но, надеюсь, что мы с тобой еще встретимся?

ЕГОР. Обязательно. Я часто буду сюда приезжать... Ну а вы, Лиля? Я обратно вас потом привезу.

ЛИЛЯ. С удовольствием. Однако причина все та же...

ЕГОР. Жаль. Но тогда, может, телефон свой дадите? Разрешите хотя бы вам позвонить?

ЛИЛЯ *(в замешательстве оглядываясь на Виктора).* А зачем вам это нужно?

ВИКТОР *(грубовато).* Раз просят, значит, нужно. Давай, не отказывай. А то я сам номер назову. Мне он больше не понадобится. Я в армию ухожу. И обязательно вернусь с краповым беретом!

ЛИЛЯ. Ну, хорошо... вот папина визитка... Звоните!

ГРИНЕВ. Все собрались? Все прибрали?.. Тогда поехали! Ребята, вперед!

ЕГОР. Нет, они остаются. Но мы с ними еще встретимся.

ФЕДОТОВ. Что ж, тогда до свидания! Спасибо вам, наследники! Вы нам очень помогли.

АНДРЕЙ. Не за что! У нас было сегодня с кого брать пример.

ВИКТОР. Подождите! Одну минуточку... Встаньте все на фоне нашего дома!.. Минуточку, минуточку... *(Достает из кармана новую кассету, вставляет в видеокамеру. Затем устанавливает камеру на одной из скамеек. Заглядывает в видоискатель).* Отлично! Все в кадре!.. Съемка началась!

ЗУБОВ. А ты чего сам застыл? Иди к нам! Вставай рядом с генералом! Вот так!.. Надеюсь, все запечатлелось?

ВИКТОР *(возвратившись к скамейке, проверил запись).* Все отлично! Каждому будет по экземпляру!

ЗУБОВ. Красота! Но... но... дорогие мои! Что же это такое? В наши квартиры мы уже не зайдем? Вот так и уедем?

ФЕДОТОВ. Зайдем. Но в следующий раз. Может, через недельку? Тоже с утра, на этом же самом месте. Ну? Голосую!

*Голоса: Согласны! Без возражений! Встречаемся! Только без опозданий!..*

ГРИНЕВ. А теперь поехали, поехали! Сколько у нас машин?

СВЕТЛАНА. Наша...

ФЕДОТОВ. Моя «Волга».

ЗУБОВ. И мой «Опель». Достаточно!

ГРИНЕВ. Егор? Ну, ты чего?

ЕГОР. Идите! Я вас догоню. *(Лиле.)* Можно я позвоню вам уже сегодня? Вы позволите?

ЛИЛЯ. Конечно. Звоните. Я буду ждать!

*Егор присоединяется к старшим.*

ЕГОР. До встречи, ребята!

ПАРНИ И ЛИЛЯ. До свидания! До встречи! Будь здоров!

ЛЮБА *(машет кому-то рукой, кричит).* Же-е-енька! Поставь нашу московскую! Гимн наш давай!

*Звучит песня о Москве.*

Я по свету немало хаживал,
Жил в землянке, в окопе, в тайге.
Похоронен был дважды заживо,
Знал разлуку, любил в тоске.

*Все подхватывают припев:*

Но всегда я привык гордиться,
И везде повторял я слова:
«Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!»

*Нарастает, продолжается песня.*

# «ВАЛГАЛЛА»*

*драма для чтения в трех действиях*

*Моему другу Рустаму Бикбову посвящается*

**Андрей ИЛЬИН**

**г. Екатеринбург.**

**ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:**

АДОЛЬФ ГИТЛЕР, фюрер НСДАП,

ГЕРМАН ГЕРИНГ, его ближайший соратник, председатель Рейхстага Германии,

ЙОЗЕФ ГЕББЕЛЬС, руководитель пропаганды НСДАП, гауляйтер Берлина,

РУДОЛЬФ ГЕСС, личный адъютант Гитлера,

ГЕНРИХ ГИММЛЕР, рейхсфюрер СС,

ФРИЦ ТИССЕН, крупный промышленник, председатель наблюдательного совета концерна «Объединенные сталелитейные заводы»,

МАКС ГЕЙФЕЛЬД, его специалист по финансам,

РОБЕРТ КОКС, главный редактор газеты «Обозрение» в Лейпциге,

РИХАРД ДЕТИНГ, его заместитель,

КОРРЕСПОНДЕНТ,

ЖУРНАЛИСТ,

МАКС АЛЬТМАН, секретарь и телохранитель Гитлера,

ГЕНРИХ ГОФМАН, личный фотограф Гитлера.

*Действие происходит на рубеже 1932–1933 годов в Мюнхене, в последние месяцы Веймарской республики.*

**ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ**

*Кабинет Адольфа Гитлера в «коричневом доме» на Бриннерштрассе в Мюнхене. Дорогая старинная мебель. В центре – стол и стул с высокой кожаной спинкой. Перед столом стоят еще четыре стула. Слева – дверь в кабинет из приемной и высокое, в полный рост, зеркало на стене. Справа – дверь в комнату отдыха. Дверь на балкон в центре широко открыта. По бокам от нее два окна, за которыми открывается вид на стоящее на другой стороне улицы посольство Папского нунция в Баварии. Гитлер, то и дело покачиваясь с пятки на носок, стоит спиной к зрителям в проеме балконных дверей и молчит.*

*Перед ним, вытянувшись как на плацу, стоят Рудольф Гесс, Герман Геринг, Йозеф Геббельс и Генрих Гиммлер. Время идет, но никто из них не решается нарушить молчание. Яркий солнечный день. На улице громко заливаются птицы.*

ГИТЛЕР *(вяло, словно в прострации).* Как все-таки красив Мюнхен в ноябре. Есть в нем что-то такое, что заставляет задуматься о вечном. Листва на деревьях уже пожелтела, и они как будто замерли в каком-то предчувствии. Что-то уже безвозвратно ушло, а что-то еще не наступило. Пейзаж вдалеке прозрачен, воздух свеж и чист, и вдруг, как резкие удары кисти по холсту, багряное с зеленым. Такая палитра даже самого черствого человека настроит на поэтический лад. В такие дни хорошо сочинять музыку, писать картины или стихи. Не так ли, друзья мои?

ГЕРИНГ. Да, мой фюрер. Я тоже побродил бы сейчас с ружьем по лесу, если бы не наши цифры на вчерашних выборах.

** Валгалла – это, в романо-скандинавской мифологии, небесный чертог, в который валькирии сносили тела погибших в битвах со своими врагами героев, чтобы они, воскреснув, снова отправились совершать свои бессмертные подвиги.*

*Валгалла сегодня – это вся либеральная Европа, в которой вместе с пересмотром итогов Второй мировой войны вновь возрождаются идеи германского нацизма и нового переустройства мира.*

*И такие зловещие фигуры, как Гитлер, Геринг, Геббельс, Гиммлер и Тиссен – это совсем не тени далекого и уже канувшего в Лету прошлого – это призраки нашего настоящего, и поэтому мы должны еще и еще раз повторять уроки пройденного… (Прим. автора).*

ГИТЛЕР. Цифры? Вы лишены поэзии, Геринг. А птицы! Вы только послушайте, как они поют нам свою прощальную песнь.

ГЕББЕЛЬС. Почему прощальную, мой фюрер?

ГИТЛЕР. Как? Потому что скоро они почти все улетят на юг.

ГЕББЕЛЬС. Однако самые верные своим краям все равно останутся.

ГИТЛЕР. Да, но такая шумная разноголосица скоро кончится, и скучать мы будем лишь по тем, кто переберется в теплые края.

ГЕРИНГ. Ну, если я верно понимаю вашу аллегорию...

ГИТЛЕР. Аллегорию?

ГЕРИНГ. А разве нет? «Разноголосица» – это же вы про нас, не так ли?

ГИТЛЕР. Какая проницательность.

ГЕРИНГ. Так вот смею вас заверить, мой фюрер. Мы, в отличие от этих пернатых, ни в какие теплые края улетать не собираемся.

ГЕСС. А если кто и улетит, то мы по таким скучать не будем.

ГИТЛЕР *(едва слышно)*. Как знать, Рудольф. Как знать.

*Пауза.*

А как листопад неторопливо обнажает нашу Бриннерштрассе. Смотришь – один листик с ветки сорвался, за ним другой, третий... Вся улица становится такой прозрачной, что даже особняк нунция Пачелли как-то приоткрылся в своей неприступности.

*Показывает на особняк нунция.*

А ведь подписание конкордата с Ватиканом даст нам такие козыри, что все наши недруги в Европе только руками разведут. Сам Папа уже очень плох, так что нашему другу Пачелли и карты в руки. Впрочем, теперь этот лакомый кусок достанется уже не нам.

ГЕРИНГ. Я не понимаю вас, мой фюрер. Ситуация у нас после провала на выборах хуже некуда, а вы – о каких-то ватиканских происках.

ГИТЛЕР. Вот я и говорю – вы не способны даже на минуту подняться над этой грубой реальностью. А я смотрю на этот древний город, на то, как люди на улицах живут своими обычными заботами, и в который раз понимаю, почему даже после унизительного для них Версаля немцы все равно остаются немцами.

ГЕББЕЛЬС. Почему?

ГИТЛЕР. Потому что они по-прежнему верят в справедливость.

*Неожиданно с улицы доносится шум демонстрации. Слышны громкие лозунги: «Нет коричневой диктатуре!», «Долой Гугенберга, фон Папена и Гитлера!», «Долой фашизм!»*

*(Спрятавшись за штору.)* Черт! Ну, вот вам, Геринг, и вся ситуация, которая вас почему-то только после выборов так встревожила.

ГЕРИНГ. Осмелели, мерзавцы! *(Все вместе с ним подходят к окнам и, тоже прячась за шторы, смотрят на улицу.)*

ГИТЛЕР. Полюбуйтесь, Геринг, полюбуйтесь.

ГЕРИНГ. Ничего. Сейчас наша охрана задаст им перцу.

ГЕСС. Ага, нам только побоища здесь не хватало.

ГЕББЕЛЬС. Ты прав, Рудольф. Сегодня нам тут бойня ни к чему. Да и в оцеплении у них одни громилы.

ГЕРИНГ. Ну, наши ландскнехты внизу тоже не лыком шиты.

ГЕСС. Вот об этом я и говорю. *(Открывает дверь в приемную и зовет Альтмана.)* Макс! Немедленно позвони начальнику охраны и скажи, чтобы никакого рукоприкладства. Даже если их будут провоцировать на это.

ГОЛОС АЛЬТМАНА. А это за что им такие почести?

ГЕСС. Звони, я тебе сказал! *(Закрыв дверь.)* Прошу прощения, мой фюрер.

*Гитлер молча кивает, в то время как голоса на улице продолжают скандировать: «Долой Гугенберга, фон Папена и Гитлера!»*

ГИТЛЕР *(тихо)*. Вы слышите? Вы слышите, Геринг, что они кричат? Мало того, что они осмелились явиться прямо к окнам нашей резиденции, так они еще поставили меня в один ряд с этими веймарскими бонзами во фраках. *(С улицы доносится шум перебранки.)*

ГЕРИНГ. Да, мой фюрер, это уже верх наглости.

ГЕСС. Нет, Герман, это не наглость. Если все эти демократы вместе с коммунистами так открыто пришли сюда, значит, мы с тобой просто не представляем, что происходит сейчас в Берлине. А происходить там теперь может все, что угодно.

ГЕРИНГ. Но что? Что такое может там происходить, чтобы все эти крикуны заявились прямо к нам? Не революция же там.

ГЕСС. От красных после таких выборов всего можно ожидать.

*Пауза.*

ГИММЛЕР *(Гессу)*. А почему вы решили, что демократы вместе с красными?

ГЕСС. Потому что без красных они орали бы: «Долой Гитлера и Тельмана!» Ну, а раз не орут, значит, они снова спелись.

ГИТЛЕР. Да, Рудольф. Остается лишь представить, с какой радостью все эти горлопаны беснуются сейчас на берлинских улицах.

ГЕББЕЛЬС. Берлин, мой фюрер, в наших руках.

*Гитлер взрывается.*

ГИТЛЕР. Да? Так же, как в 31-м, когда вы трусливо сбежали оттуда в Мюнхен? Или вы уже забыли, как вы названивали отсюда в Берлин? И не шефу полиции Гжезинскому, – он вас даже слушать не захотел! – а его заместителю, этому еврею Вайссу, чтобы он очистил ваш дом от взбунтовавшихся при вашем полном попустительстве штурмовиков Штеннеса! Вы и вчера бросили Бер-

лин на растерзание этим ордам красных, а теперь хотите убедить меня, что город в наших руках. Это ложь, Геббельс! Самая откровенная ложь!

ГЕРИНГ *(Гитлеру, тогда как шум потасовки на улице стихает)*. Разрешите, я позвоню в Рейхстаг, мой фюрер?

*Гитлер, расхаживая по кабинету, молча машет рукой. Геринг снимает трубку и набирает номер, потом еще один.*

ГЕСС *(Герингу)*. Ну, что?

ГЕРИНГ *(опустив трубку)*. Никто не отвечает. Нет ни Фрика в нашей фракции, ни моего секретаря.

ГИТЛЕР *(удрученно качая головой)*. Председатель Рейхстага не знает, куда подевались в Берлине его люди. Отлично, Геринг! Вы прекрасный руководитель.

ГЕРИНГ. Но, мой фюрер, я вчера лично...

ГИТЛЕР. А что вы здесь, Геринг, делаете? *(Геббельсу.)* А зачем приехали вы, Геббельс, когда вы должны быть там? Там, где остались сейчас брошенные вами на произвол судьбы наши берлинские соратники! Или вы рассчитываете на то, что если в Берлине произойдет что-нибудь в ваше отсутствие, то с вас и спроса не будет? Будет, Геббельс! Вы оба ответите мне за свою политическую близорукость и бездействие.

ГЕРИНГ. Но... мой фюрер, вы же сами назначили нам эту встречу.

ГИТЛЕР. Я назначил ее исходя из совсем другого расчета.

ГЕРИНГ. В таком случае я готов отправиться в Берлин хоть сейчас же.

ГЕББЕЛЬС. Я тоже, мой фюрер.

ГИТЛЕР. Вот и отправляйтесь туда хоть сейчас же! А на вечернем банкете у меня и без вас статистов хватит.

*Геринг и Геббельс остаются стоять.*

Что? Не можете решить, где вам сейчас выгоднее быть? *(Машет на них рукой и, отойдя к двери на балкон, снова смотрит на улицу.)*

ГИММЛЕР. Прошу прощения, мой фюрер, но вам не следует так рисковать.

ГИТЛЕР. В каком смысле?

ГИММЛЕР. Вас могут заметить с улицы и...

ГИТЛЕР. И что? Я теперь не могу выйти даже на свой собственный балкон?

ГИММЛЕР. В целях вашей же безопасности – да. Снайперы красных обнаружены уже и в Мюнхене, мой фюрер.

ГИТЛЕР *(испуганно)*. Что? В Мюнхене? *(Отходя в глубь кабинета.)* Но это невозможно! Это... Это неслыханно, Гиммлер!

ГИММЛЕР. Но, к сожалению, это так. Одного из них мы уже засекли, – правда, он успел застрелиться при задержании, – но кто знает, сколько их еще в городе.

ГИТЛЕР *(в крайнем возмущении)*. Вы слышите, Геринг?

ГЕРИНГ. Ну, если об этом сам Гиммлер говорит...

ГИТЛЕР. Не ерничайте, Геринг. Мало мне было покушений в других городах, так теперь мне еще и в Мюнхене покоя не будет.

*Пауза.*

*(Гиммлеру.)* А как вы обнаружили этого мерзавца?

ГИММЛЕР. На основе опыта, который мы обрели в ходе ваших предвыборных поездок, я отдал приказ регулярно проверять чердаки и лестничные площадки всех соседних домов на Бриннерштрассе на предмет видимости из них нашей резиденции. Вот во время одной из таких проверок мои люди и обнаружили его вместе с оружием.

ГИТЛЕР. И когда это было?

ГИММЛЕР. Три дня назад, мой фюрер.

ГИТЛЕР. Что? А почему я слышу об этом только сейчас?

ГИММЛЕР. Вы были заняты, и я, чтобы не отвлекать вас, решил несколько придержать эту информацию.

ГИТЛЕР. Напрасно. Все, что касается угроз моей безопасности, должно быть известно мне своевременно и во всех деталях. Вы поняли меня, Гиммлер?

ГИММЛЕР. Так точно, мой фюрер!

*Гитлер подходит к столу и упирается в него кулаками. Геббельс в знак благодарности пожимает Гиммлеру локоть, и тот прикрывает балконную дверь.*

*Все возвращаются на свои места.*

ГЕРИНГ. Да, жаль, что этот подонок Штеннес отделался только тем, что мы его просто выгнали из партии. *(Гитлеру.)* Я тоже не стал вас отрывать от дел, мой фюрер, но в конце октября, после бунта штурмовиков в Галле, на сторону «Черного фронта» Отто Штрассера перебежал уже Бруно Грот вместе со всем своим паршивым отрядом в Данциге.

ГИТЛЕР. Еще один! Вы что сегодня, Геринг, сговорились все? В Мюнхене – снайперы, в СА – очередной бунт, а вы хотите успокоить меня своим молчанием.

ГЕРИНГ. Никак нет, мой фюрер. Я понимаю всю серьезность ситуации, и будь моя воля, я бы этих бузотеров давно в бараний рог согнул, но...

ГИТЛЕР. Что, опять Рем?

ГЕРИНГ. Ну, а кто же еще! СА – это же его личная армия.

ГИТЛЕР. Черт! На фронте за такие дела вмиг бы к стенке поставили, а мы все возимся с ним, как с больным родственником.

*Пауза. Слышно, как на улице появляется новый пикет. Несколько голосов скандируют: «Гитлер – предатель национал-социализма!»*

ГЕСС. Да что сегодня за день такой! *(Все, кроме Гитлера, который оказывается спиной ко всем, снова спешат к окнам.)* А-а... Ну, вот уже и бывшие наши.

ГЕРИНГ. Да, это кликуши Отто Штрассера.

*Голоса на улице: «Гитлер – предатель революции!»*

Нет, но откуда этих-то раскольников черти принесли?

ГИТЛЕР. Нет, Геринг. *(Все возвращаются.)* Это мы с вами «раскольники», а они – борцы за идейную чистоту национал-социализма.

*Слышно, как с разных сторон улицы перекрикиваются штурмовики из охраны «коричневого дома» и пикетчики.*

ПЕРВЫЙ. Эй, Виллибальд! Ты почему, сукин сын, торчишь на той стороне улицы, а не на нашей?

ВТОРОЙ. Тебе-то что? Ты на той стороне, я на этой! Улица-то одна!

ПЕРВЫЙ. Улица-то одна, да пути разные!

ВТОРОЙ. Ну, так давай к нам! Мы – за рабочих!

ПЕРВЫЙ. Дурак! Это мы за них!

ВТОРОЙ. Вы с вашим продажным Гитлером – за буржуев, а не за рабочих!

ПЕРВЫЙ. Ты лучше придержи свой поганый язык, Виллибальд! А то ты у меня сейчас договоришься!

ВТОРОЙ. Ну, так давай! Или у тебя после того, как вы жидко обделались на вчерашних выборах, кишка не держит? *(Общий гвалт.)*

ГЕРИНГ. Агитаторы, черт!

ГИТЛЕР. Ну, и долго, Гиммлер, эти отщепенцы будут мозолить мне глаза? Или, может, вы хотите, чтобы они еще тут братание устроили?

ГИММЛЕР. Я сейчас распоряжусь, мой фюрер. *(Идет к двери.)*

ГЕСС *(вслед ему)*. Только чтобы без поножовщины, Генрих!

*Гиммлер уходит.*

ГИТЛЕР. Впрочем, хватит с меня этих уличных представлений. *(Гессу.)* Повторите еще раз наши результаты, Рудольф. Пусть Геббельс еще раз послушает, до чего он докатился со своей агитацией. *(Слышно, как охрана на улице с криками разгоняет пикет.)*

ГЕСС *(открыв папку)*. На прошедших вчера, 6 ноября 1932-го года, досрочных выборах в Рейхстаг партия потеряла 34 депутатских места. Это серьезно ослабило наши позиции, в то время как социал-демократы и особенно коммунисты значительно усилили свои. Мы не получили перевеса ни в одном из избирательных округов, а в округе Шлезвиг-Гольштейн даже утратили его. Сегодня, если суммировать цифры, демократы вместе с коммунистами имеют уже 221 голос, а это уже прямая угроза для нашей фракции.

ГИТЛЕР. Полный провал. Такой грандиозный успех летом – и такой провал через какие-то три месяца. Еще вчера у нас было 230 мандатов и мы должны были не только закрепить этот успех, но и развить его, чтобы навсегда очистить Рейхстаг от коммунистов. А теперь, выходит, они сами очистят его от нас. И самое ужасное, что мы не просто потеряли голоса. Мы их отдали. И кому! Этим жидо-большевикам! Мюнхен ждет сегодня нашего митинга, о котором мы с вами так громко объявили. К нам приедут наши соратники со всех уголков Германии. И что я теперь должен буду сказать им, а? Я обещал им праздник! Я обещал им триумф! А теперь я буду вынужден исполнить им заупокойную по их надеждам и чаяниям! *(Геббельсу.)* Вы *это* мне предлагаете, Геббельс? Вы *этого* от меня хотите?

*Шум на улице стихает.*

ГЕББЕЛЬС. Временный отход, мой фюрер, – еще не поражение. Успех красных, если мы сегодня же сделаем на нем акцент, отрезвит многих.

ГИТЛЕР. Снова запугивать? Это старо, как мир, Геббельс! Как будто никто в Германии не видит, что происходит в действительности. А происходит деградация нашей партии. И виновата в этом прежде всего ее верхушка. Так что предложите мне что-нибудь поновее из своего пропагандистского арсенала. *(Ходит из угла в угол.)* Да... Я представляю, с какими ухмылками потирают сейчас руки все эти буржуа на своих фуршетах.

ГИММЛЕР *(из двери)*. Разрешите?

ГИТЛЕР *(разрешив жестом)*. И я их понимаю: Гитлер, и так просчитался.

*Пауза.*

*(Медленно обходя всех по кругу.)* Если мы сегодня же не отдадим себе отчет в том, почему мы вчера так позорно откатились назад, на нашем движении можно будет поставить крест. Второе. Мы должны срочно пополнить нашу кассу, потому что в противном случае мы уже завтра окажемся банкротами, и следующие выборы пройдут уже без нашего участия. Они нам будут просто не по карману. *(Кричит.)* Но я даже думать об этом не хочу! Вы слышите меня? Я даже мысли такой не допускаю! *(Упавшим голосом.)* Однако если мы не добьемся этого, партию ждет неминуемая катастрофа. Да-да, партию ждет крах, а нас всех забвение. Я не хочу никого пугать, но забвение – это еще мягко сказано.

*Выходит на просцениум.*

Да, такого позора я не испытывал даже в ноябре 23-го, когда после нашей славной битвы на площади Одеон я оказался в кутузке и где я продиктовал Гессу «Майн кампф». *(Пауза.)* Правда, Рудольф тогда сначала спрятался в одном уютном еврейском домике в Альпах, а вы, Геринг, – тоже, кстати, благодаря одной еврейской семейке, – благополучно улепетнули в Швецию и забылись там в объятиях своей скандинавской баронессы.

ГЕРИНГ. Да, но я ведь, как вы знаете, был ранен. Врачи даже прибегли к морфию, после которого я до сих пор выхожу из этого пике.

ГИТЛЕР *(возвращаясь)*. Да-да... Я помню о ваших страданиях.

*Пауза.*

Так вот я был счастлив даже в дни того суда. Я намеренно отказался от адвокатов, потому что решил использовать этот суд как

единственную в тот момент трибуну. С нее я открыто обвинил правительство Баварии в том, что оно предало не только нашу революцию, – оно предало будущее всей Германии. Это от ее имени я сказал, что придет время, и на скамье подсудимых окажутся уже сами судьи. И сказал я так потому, что уже тогда я прозревал ее великое будущее. Я был уверен в нем. И я привел партию на самый верх. А теперь? Что, я спрашиваю, теперь, когда мы, едва показав Германии нашу силу, сами поставили себя под удар? А ведь вера – это последнее, что мы можем потерять на этом пути. И нужно быть последним глупцом, чтобы не видеть – Веймарская республика трещит по швам. Чехарда с выборами затянулась так, что немцы уже совсем в них запутались. Это ведь даже в голове не укладывается – 30 выборов только за последние 8 лет! А все эти безмозглые канцлеры! Все эти Мюлеры, Брюнинги, фон Папены! Однако их время, когда они столько лет дурили наш народ, уже проходит. И чем хуже будет ситуация в Берлине, тем лучше будет для нас – вот в чем состоит сегодня наша главная линия. А этот двурушник Штрассер не только не хочет принять ее – он еще и всячески вредит ей. И наш вчерашний провал – это и его рук дело. *(Герингу.)* А что делаете в это время вы, Геринг? Что делают наши гауляйтеры? Что делает Рем вместе со своей шпаной из СА? Что делают наши СС? *(Всем.)* Извините, но я теперь совсем не представляю, как мы будем выбираться из этой ямы.

*Возвращается к столу и бесцельно, словно прощаясь с ними, перебирает лежащие на нем бумаги.*

Что у нас еще на сегодня, Рудольф?

ГЕСС. На сегодня это все, мой фюрер. Ну, за исключением нашего митинга и вечернего банкета. Если вы его, конечно, не отмените.

ГИТЛЕР. Наоборот! Мы проведем его на самой позитивной ноте. А что у нас по поводу контактов на ближайшее время?

ГЕСС *(открыв папку)*. Из тех, с кем вы приказали мне связаться: Фриц Тиссен в отъезде, и с ним пока нет связи; адъютант генерала Бломберга уверил меня, что он пока просто не в состоянии выкроить для вас времени; в офисах Гугенберга и фон Папена пообещали, что они сами выйдут с вами на связь, как только это представится им возможным.

ГИТЛЕР. «Как только это представится им возможным»... Каково, а? А что эти вояки из «Стального шлема»?

ГЕСС. Пока ни да, ни нет. Колеблются.

ГИТЛЕР. Или, как все эти ура-патриоты, выжидают.

ГЕРИНГ. Монархисты, они и есть монархисты.

*Входит без стука Альтман.*

АЛЬТМАН. Адольф...

ГИТЛЕР *(гневно)*. Я тебе не Адольф, Макс! Я – фюрер!

АЛЬТМАН. Ну... Ладно, виноват.

ГИТЛЕР. Что там у тебя?

АЛЬТМАН. Только что позвонил Роберт Лей, мой фюрер. Он, правда, как всегда лыка не вяжет, но...

ГИТЛЕР. Ну, не тяни, Макс! Что там у него?

АЛЬТМАН. Да я, по правде сказать, мало что понял из того, что он наплел, но он сказал, что у него сегодня уже отбоя нет от желающих выйти из партии.

ГИТЛЕР *(оторопев)*. Что?

АЛЬТМАН. Что Лей сказал, то я вам и доложил.

ГИТЛЕР *(пройдясь с убитым видом по кабинету)*. Ладно, Макс, ступай.

*Альтман уходит. Гитлер, когда он закрывает за собой дверь, показывает в его сторону пальцем.*

Вот. Вот вам результат вашей эйфории. Полное фиаско. *(Кричит.)* От нас уже бегут, как от чумы! И я подозреваю, что такая же неразбериха... нет, такая же паника царит не только у Лея в Рейнланде, но и в других округах! *(Геббельсу.)* Она наверняка царит и в Берлине, но вы бросили его, как самый последний трус! *(Ходит туда-сюда по кабинету.)* Но нет, нет, я не сойду с ума, не надейтесь. Я лучше застрелюсь к чертовой матери, чем буду безропотно смотреть на то, как разваливается дело всей моей жизни. Да-да, господа соратники, лучше уж самоубийство, чем сумасшествие в вашей никчемной компании. И если вы думаете, что я вас шантажирую или запугиваю, то будьте уверены – у меня, солдата-фронтовика, хватит мужества пустить себе пулю в лоб. *(Идет в комнату отдыха и вдруг срывается на крик.)* И прекратите, наконец, пялиться на меня своими кроличьими глазками! Меня уже воротит от вашего безволия! *(Скрывается за дверью и закрывается на ключ.)*

*Геринг сразу же садится.*

ГЕРИНГ *(отдуваясь)*. Да... Дело – дрянь. Я, честно говоря, такого Адольфа еще никогда не видел.

ГЕСС. А я видел. И должен сказать тебе, что все это более чем серьезно.

ГЕРИНГ. Я же говорю, у меня даже внутри что-то защемило.

*Геббельс, уставший стоять, тоже садится. Пауза. Геринг вдруг встает и снова берется за телефонную трубку.*

ГЕСС. Кому ты звонишь?

ГЕРИНГ. Штрассеру.

ГЕББЕЛЬС *(фыркнув)*. Нашел, кому звонить.

ГЕРИНГ. А кому еще? Фрика нет... Я его, когда в Берлин вернусь... *(потрясая кулаками)* вот этими вот руками удавлю!

ГЕСС *(весь в ожидании)*. Ну, что?

ГЕРИНГ. Не отвечает. *(Бросает трубку.)* Скотина!

ГЕББЕЛЬС. А чего ты от них хочешь? Они же соображают, что фюрер теперь не даст им спуску, вот они и попрятались в свои норы.

ГЕРИНГ. Ну да! А потом будут травить нам байки про то, как они без устали работали с нашими партийцами и успокаивали их своими пламенными речами. *(Бесцельно бродит по кабинету.)* Главное, если бы мне еще вчера кто-нибудь сказал, что все закончится таким откатом, я бы ему в морду дал. И самое поганое, что нервишки у Адольфа уже совсем ни к черту. А ему надо бы держаться. Надеюсь, у него там нет пистолета, Рудольф?

ГЕСС. Там даже столовых ножей нет.

ГЕРИНГ. Вот и хорошо. Пусть хоть немного успокоится.

*Пауза.*

ГЕББЕЛЬС *(Гессу).* А, может, Лей что-то там напутал? Перебрал вчера и... Мало ли что с перепоя померещится.

ГЕСС. Нет, Роберт ничего не путает.

ГЕРИНГ *(Гессу).* Переживаешь за своего зятька?

ГЕСС. Я переживаю, Герман, за фюрера.

ГЕББЕЛЬС. А почему ты так уверен, что Лей ничего не путает?

ГЕСС. Потому что мне об этом звонят уже и из других наших округов.

ГЕРИНГ. Что? Ты серьезно?

ГЕСС. Серьезней не бывает. *(Пауза.)* А во Франконии, так там уже не просто разброд – там наша организация вообще на грани полного развала. Ситуация настолько сложная, что я тоже решил пока попридержать эти сообщения.

ГЕРИНГ. Ну, и правильно, что попридержал... а то бы Адольф нас всех тут изничтожил. *(Пауза.)* Но тогда нам нужно самим над этим покумекать, потому что если дело и дальше так пойдет, то партия скоро не то что до Баварии – до Мюнхена скукожится.

*Пауза.*

*(Всем.)* Ну, и какие у кого соображения, господа соратники?

ГЕББЕЛЬС. Да, эйфория в нашем деле опасная вещь. Я, признаться, и сам после такого успеха летом стал подумывать, что дело сделано.

ГЕРИНГ. Но ты же пришел в себя.

ГЕББЕЛЬС. Пришел. Но у некоторых словно до сих пор похмелье.

ГЕСС. Дело не в похмелье – дело в наших собственных дрязгах и шатаниях. Как бы там ни было, но летом наш парламентский успех обеспечил участие фюрера в президентских выборах. Наша партия тогда впервые вышла на всегерманский уровень. О нас заговорили. И не как о какой-то провинциальной партии, а как о партии для всех немцев. Мы для них стали партией надежды. Но после того как многие из наших соратников стали депутатами Рейхстага и получили ряд положенных им по закону привилегий, среди наших товарищей появились недопустимые в наших рядах зависть, склоки, а порой и откровенные интриги. *(Геббельсу.)* А что творится в нашей «Фелькишер Беобахтер»?

ГЕББЕЛЬС. Что?

ГЕСС. А ты не знаешь?

ГЕББЕЛЬС. Я? *(Пожимая плечами.)* Нет.

ГЕСС. Хорошо. Тогда я объясню тебе. Розенберг, как ее главный редактор, буквально из кожи вон лезет, чтобы каждый призыв, каждое сказанное фюрером слово дошло до всех членов партии, а у этого горе-коммерсанта Аманна одни деньги в голове. Они ведь уже так цапаются, что в ход идут папье-маше и ножницы.

ГЕББЕЛЬС. А чего ты от Аманна хочешь? Он ее коммерческий директор, вот он и думает о прибыли.

ГЕСС. О прибыли для кого? Для партии? Или для себя? Так что пусть он лучше скажет спасибо генералу Шлейхеру, который отвалил ему летом из бюджета рейхсвера 60 тысяч и буквально спас его от банкротства. А что *ты* вытворяешь со своей «Ангриф»?

ГЕББЕЛЬС. Что я вытворяю?

ГЕСС. «Фелькишер Беобахтер» выходит в Мюнхене утром, и только через 12 часов она попадает в Берлин. Твоя «Ангриф» выходит там в полдень, то есть, она приходит к членам партии на 6 часов раньше, чем они получают нашу главную газету.

ГЕББЕЛЬС. Да, но это всего лишь география, а не бизнес.

ГЕСС. Ты думаешь? А вот фюрер думает об этом иначе. И не забывай: типография твоей «Ангриф» находится в твоем же доме, а он приобретен на деньги партии.

ГЕББЕЛЬС. Но... Это ведь только экономия.

ГЕСС. Да, но ведь «Ангриф»-то принадлежит тебе. И прибыль от нее получаешь ты, а не партия.

ГЕББЕЛЬС. Да уж! Там прибыли-то кот наплакал.

ГЕСС. Охотно верю. Но ведь собственность, как ты говоришь, не только привязывает, но и обязывает.

ГЕББЕЛЬС. Ты не путай. Я говорю это о капиталистах, а не о нас.

ГЕСС. А в чем разница?

ГЕББЕЛЬС. В том, что мы – социалисты, а не буржуа. И газеты нужны нам для борьбы, а не для получения какой-то там прибыли.

ГЕСС. Допустим. Тогда как насчет совести? У тебя, Йозеф, совесть есть?

ГЕББЕЛЬС. Совесть, Рудольф, – это еврейская выдумка. Что-то вроде обрезания. Так что меня ты об этом даже не спрашивай.

ГЕСС *(Герингу.)* То же самое и с твоей газетой в Эссене, которой – тоже, кстати, в обход партийной кассы, – щедро помогает не только твой друг Тиссен, но и еще кое-кто из твоих богатых приятелей. Или ты думаешь, фюрер ничего этого не знает?

ГЕРИНГ. Но... я никогда и не скрывал этого.

ГЕСС. Но и не говорил об этом.

ГЕРИНГ. Ну, не говорил. У нас никто об этом не распространяется.

ГЕСС. Тогда повторный вопрос. А у тебя, Герман? У тебя совесть есть?

ГЕРИНГ. У меня? Нет. Мою совесть зовут Адольф Гитлер.

ГЕСС. Да? Ну что ж, жаль, что он этого не слышит.

ГЕРИНГ *(надувшись).* Что-то тебя, Рудольф, понесло куда-то не

туда. Тебе не кажется, а? Я понимаю, ты переживаешь за случившееся, ты устал. Но мы с Йозефом, представь, тоже переживаем, и не меньше, чем ты. Так что зря ты... А что касается помощи Тиссена, то он, как ты знаешь, помогает не только мне, но и всей партии. Он мне и на лечение деньги дает. Так что мне теперь, не брать их и загибаться потихоньку на радость совестливым?

*Пауза.*

ГЕСС. Ладно, друзья. Никто вас и ни в чем не обвиняет. Но вы же сами слышали: у нас сегодня каждый пфенниг на счету, так что думать нужно, прежде всего, о нуждах партии, а не о своих делах. Наш главный вопрос сегодня – Грегор Штрассер. Фюрер, по понятным причинам, не стал говорить всего, но Грегор уже открыто не хочет быть вторым не только в нашей парламентской фракции – он не хочет быть вторым и в партии. Но такая ситуация губительна для нашего движения, и поэтому мы должны как-то урегулировать этот вопрос. Отто за свое предательство уже получил свое...

ГЕРИНГ. А не прекратит свое вредительство, и еще получит.

ГЕСС. Нет, Герман, теперь, когда он уже вне партии, для нас он пока недосягаем. Так что главный вопрос – о Грегоре. Да, мне тоже не по нутру, что мы, партия социалистов, берем деньги у буржуев. Но это Грегору легко разглагольствовать о чистоте нашего движения – у него свой бизнес. А что делать тем нашим активистам, для которых партия – это все, что у них есть в жизни? На какие шиши жить им? В середине 20-х, когда фюрер снова возродил нашу партию, буржуазные круги вдруг сами обратили внимание на этот факт. Однако мы не просили у них денег – они сами принесли их нам на блюдечке. И что мы тогда должны были сделать? Отказаться? Но фюрер принял правильное решение, – если уж германские богатеи задумали использовать нас в своих целях, – значит, мы используем их в своих. Что тут непонятного? Мы ведь на эти деньги создали весь свой партийный аппарат. Однако до тех пор, пока Штрассер будет упрямо молиться на свой немецкий социализм, единства в нашем движении, а значит, и победы у нас никогда не будет. Раскол – вот главная причина нашего провала на вчерашних выборах. И это сегодня должно быть ясно всем.

*Пауза.*

ГЕРИНГ. Да... Ведь говорил же мне Адольф, что с этим Рейнекелисом нужно держать ухо востро.

ГЕББЕЛЬС. А ты что? Не внял?

ГЕРИНГ. Выходит, что не внял. Даже помню, подумал, что Адольф его просто ревнует к его влиянию в партии.

ГЕББЕЛЬС. Да уж языком трепать – это он умеет.

ГЕРИНГ. Ладно, Йозеф! Ты в этом деле тоже не промах.

ГЕББЕЛЬС. Так у меня, Герман, должность такая – людей просвещать.

*Пауза.*

ГЕРИНГ *(Гиммлеру)*. Ну, а ты что, Гиммлер, притих?

ГИММЛЕР *(рассеянно)*. Почему я притих? Я не притих. Я думаю.

ГЕРИНГ. Ах, он думает! И о чем же, позволь тебя спросить? Опять о снайперах? Или у тебя и другие мысли водятся?

ГЕСС *(Герингу)*. Ну, хватит тебе, Герман! А ты, Генрих, в следующий раз придумай что-нибудь поумнее, чем снайперы. Так что давайте по существу.

ГЕРИНГ. Ну, а если по существу, то пора Штрассера на цугундер вызывать. Я понимаю, они с Адольфом еще с 20-го друзья. Грегор тогда помог ему деньгами, свел его с нужными людьми. *(Геббельсу.)* А с какой сердобольной дамочкой он его познакомил.

ГЕББЕЛЬС. С какой?

ГЕРИНГ. С самой фрау Бехштейн! И пока ее благоверный муженек пропадал на фабрике своих знаменитых роялей, она снабжала Адольфа определенными суммами. Деньги были, конечно, не очень большими, но мы тогда и этому были рады. *(Пауза.)* Да... Так вот Грегор даже передал Адольфу свой штурмовой отряд, когда он начал сколачивать нашу партию, и мы стали готовиться к грядущим битвам. Помнишь, Руди, те горячие деньки, когда у нас постоянно кто-нибудь то с фингалом под глазом, то с пробитой головой ходил?

*Гесс кивает.*

У Адольфа тогда был один-единственный костюм и старая фетровая шляпа, которую ему позаимствовал кто-то из наших. Она еще очень смешно сползала ему на уши. Но мы были молоды, рады, что вернулись с войны живыми, и нам все было нипочем.

ГЕСС. Ты, Герман, о деле говори, а не о прошлых драках.

ГЕРИНГ. Вот я и говорю. Грегор теперь вовсю пользуется этим, а Адольф, как честный человек, никак не решится переступить через это прошлое. Но дружба дружбой, а табачок врозь. И сейчас, когда разговор идет уже о судьбе партии, Адольф просто обязан найти в себе силы и как следует дать ему по рукам. А еще лучше по башке.

ГЕСС. А ты не забыл, что за его спиной стоит чуть ли не половина партии, особенно на северо-западе?

ГЕББЕЛЬС. Да, северо-западные округа – это его вотчина. Хотя сама ситуация с ним уже перезрела, как фурункул.

ГЕРИНГ. Вот поэтому я и предлагаю – партийный суд. Нечего с ним в бирюльки играть. Главное, правильно подобрать состав.

ГЕСС. Суд над Штрассером?

ГЕРИНГ. Ничего, ему не впервой каяться.

ГЕСС. Да, но для суда нужно что-то более веское, чем идейные разногласия. Иначе мы, Герман, рискуем своими же руками партию развалить.

ГЕРИНГ. Не развалим, если примем меры. Откровенно говоря, партия уже с 25-го, когда Адольф отправил его на Рейн, находится в состоянии раскола. И многие уже так привыкли к этому раздраю, что просто его не замечают. Ну, а раз так, то с этой неопределенно-

стью пора кончать. Иначе, пока мы тут всю эту баланду разводим, он сам ее развалит.

ГЕББЕЛЬС *(Гессу)*. Да, паника, о которой ты сказал, Штрассеру сейчас как нельзя кстати. А Отто по-братски еще и плечо ему подставит.

ГЕСС. Ну, вот тогда, Йозеф, и разговор с ним будет уже другим.

ГЕРИНГ. Смотри, Руди, как бы потом поздно не было.

ГЕСС. Ничего. В таких делах лучше поздно, чем никогда.

ГЕББЕЛЬС. Да... Цугцванг.

*Пауза.*

*(Герингу.)* А Рем? Почему ты об этом хряке ничего не говоришь?

ГЕРИНГ. С этим служакой не все так просто. Рем, несмотря на то, что они с Адольфом уже с 24-го живут как кошка с собакой, попрежнему с ним на короткой ноге. И хотим мы этого или нет, но Адольф пока не может задвинуть его просто так. Ни его, ни его вонючие СА. Поэтому когда он собрался вдруг военным советником в Боливию, Адольф с большой радостью узнал об этом. Но Рем-то тогда уехал, а его отряды как были, так и остались. И год назад, Йозеф, ты уже на собственной шкуре испытал, что это за сброд.

*Пауза.*

Причем, я ведь как-то предложил Адольфу слить эти чертовы СА в «Стальной шлем», и он было ухватился за эту мысль, но...

ГЕББЕЛЬС. Что?

ГЕРИНГ. Фриц Тиссен тогда всю ночь уговаривал Дюстерберга, чтобы тот взял их под свое попечительство. Но так ничего и не добился – слишком много всякого дерьма на этих СА, чтобы кто-то да еще по своей воле захотел с ними связываться.

ГЕББЕЛЬС. А почему ты мне не рассказал об этой идее?

ГЕРИНГ. Потому что Адольф сам попросил меня помалкивать об этом. Ну, а потом уже и говорить стало не о чем.

*Пауза.*

ГИММЛЕР. Прошу прощения, партайгеноссе... Я, возможно, еще не так опытен, как вы, но... неужели у нас действительно все так сложно?

ГЕСС. Ты что, Генрих, так ничего и не понял, что ли?

ГЕРИНГ. Или прикидываешься?

ГЕСС. У нас, Генрих, не просто сложно – у нас теперь все *очень* сложно. Я уж не говорю о том, что как у нас в СА, так и у Тельмана в «Рот-фронте» не какие-то зеленые мальчишки в коротких штанишках, а прошедшие сквозь огонь и воду фронтовики.

ГЕРИНГ. Которые регулярно перебегают то к нам, то к ним. Мы им готовим кадры, они нам. Полная взаимовыручка.

ГЕСС *(Гиммлеру)*. А теперь еще и Отто Штрассер заимел свою «черную армию», и она у него тоже не для шагистики по улицам.

ГЕББЕЛЬС *(невесело)*. Да, «призрак бродит по Европе...»

*Пауза.*

А я ведь в свое время доказывал фюреру, что у нас с красными столько общего, что лучше было объединиться, чем все эти годы бить друг другу морды на улицах. В крайних точках противоположности все равно ведь сходятся. И они ведь пошли на это сближение. Пошли, хоть и держали кирпич за пазухой. А Клара Цеткин, так та просто задрав юбки побежала. *(Герингу.)* Помнишь забастовку берлинских трамвайщиков, когда мы вместе защитили их от наскоков полиции?

ГЕРИНГ. И ведь неплохо получилось, черт возьми!

ГЕББЕЛЬС. А какие совместные издания мы выпускали! «Свастика и советская звезда – боевой путь коммунистов и фашистов».

ГЕРИНГ. Да, было дело.

ГИММЛЕР. А что помешало дальнейшему сближению?

ГЕББЕЛЬС. Их полная финансовая зависимость от Москвы, не говоря уж о том, что в их руководстве, так же, как и в Коминтерне, оказалось полно евреев. К тому же Сталин тогда сначала свернул шеи Зиновьеву и Каменеву, а, начав свое сближение с США и Францией, вообще свернул свой антиверсальский курс. Так что близкие отношения с Коминтерном остались только у твоего друга Штрассера.

ГИММЛЕР. Он мне не друг.

ГЕРИНГ. Ух, ты! Так сразу и не друг?

ГИММЛЕР. Не сразу, а уже давно. *(Геббельсу.)* А фюрер знает об этом?

ГЕББЕЛЬС. О чем?

ГИММЛЕР. О связях Штрассера с Коминтерном.

ГЕРИНГ. Фюрер о твоем учителе еще и не такое знает.

ГИММЛЕР. Он мне не учитель.

ГЕРИНГ. Да? А кто столько лет в секретарях у него просидел?

ГЕСС. Ну, ладно. Мы отвлеклись. Так вот если коммунисты завтра будут хоть чуть-чуть решительнее да еще договорятся с армейскими и полицией, – они сметут нас, как хлебную крошку со стола. Так, как они сделали это недавно в Вуппертале, когда нашим, чтобы им ребра не переломали, даже форму пришлось скинуть. Кроме этого, хочу напомнить о том, что бывший премьер Пруссии Браун еще весной передал Брюнингу доклад, в котором он напрямую обвинил не только фюрера, но и всю нашу партию в государственной измене и подстрекательстве к политическим убийствам. Есть там кое-что и о наших делах в МВД и армии. Брюнинг, конечно, сам тогда струхнул, потому что сам хотел использовать фюрера в своей собственной игре. Тем не менее, его указ о запрете на деятельность СА и СС был основан именно на этом докладе.

ГЕРИНГ. Но ведь фон Папен, разогнав правительство Брауна, благополучно сплавил его в архив.

ГЕСС. Сплавил. Но не уничтожил.

ГЕРИНГ. Улики на Рема уничтожены. Я это точно знаю.

ГЕСС. Я тоже. Но борьба не кончена, и я не уверен, что этот донос не всплывет на столе у новоявленного канцлера Шлейхера. Так что сделай мы сегодня хоть один необдуманный шаг, партия может

быть объявлена вне закона, а сам фюрер арестован.

ГЕРИНГ. Ага, руки у них коротки! Фон Папен хоть и изрядная сволочь, но он свое дело все-таки успел сделать.

ГЕСС. Да, сегодня расклад уже не тот, но и забывать об этом нам нельзя. *(Гиммлеру.)* Ты, Генрих, готов к такой бесславной участи?

ГИММЛЕР. Что касается меня, то я – за фюрера...

ГЕСС. Перестань! Сейчас не время для громких фраз. Я спрашиваю – ты готов, что тебя вздернут на каком-нибудь фонарном столбе? *(Гиммлер молчит.)*

ГЕРИНГ. Да, на фонарном столбе – это отвратительно.

*Пауза.*

ГЕСС *(Гиммлеру)*. Ты помнишь, Генрих, нашу первую с тобой встречу, когда ты – тогда еще совсем зеленый – принес нам свой проект свастики? Она тогда так нам понравилась, что мы сразу же решили принять ее как личный лейб-штандарт фюрера, а этот болван Рем еще и разобиделся на нас за то, что мы не сделали ее, как он хотел, эмблемой СА. Я тогда проводил тебя до самых дверей и громко, чтобы все услышали, сказал: «Клянусь, Адольф, придет время – и ты будешь иметь свою преторианскую гвардию». Помнишь?

ГИММЛЕР. Разумеется, помню.

ГЕСС. Так вот теперь, когда запрет с СС снят, ты должен превратить их в карающий меч в руках фюрера.

ГЕРИНГ. Только смотри, сам на него не напорись.

ГИММЛЕР. Не напорюсь.

ГЕСС. Пора тебе, как мифическому Гераклу, перенаправить бурлящие воды Алфеи и как следует прочистить наши Авгиевы конюшни.

ГЕРИНГ. Только смотри, сам потом в дерьме не окажись.

ГИММЛЕР. Не окажусь.

ГЕРИНГ. И запомни, преторианец, это я придумал название СС. И у нас, в авиации, оно означает эскадрилью прикрытия. Ты понял? Прикрытия, а не атаки.

*Пауза.*

ГИММЛЕР *(осторожно)*. Так, может, доктор Геббельс все же прав? Мы должны усилить в обществе страхи перед новым усилением красных, и...

ГЕББЕЛЬС. И прозревшие обыватели, как по взмаху волшебной палочки, вновь бросятся к нам. Ты *это* хочешь сказать?

ГИММЛЕР. Но вы же сами это предложили, доктор Геббельс.

ГЕББЕЛЬС. И что? Как предложил, так и забыл. К тому же это относится только к моим делам. Ты сам-то что предлагаешь?

ГИММЛЕР. Я все же предлагаю развить вашу мысль. И если общество пока не чувствует всей грозящей ему опасности, мы должны сделать так, чтобы эта опасность стала для него реальностью. Например, организовать в Берлине поджег какого-нибудь значимого для всех здания или какую-нибудь автомобильную аварию с какимнибудь важным чиновником. А потом, при помощи нашей пропаганды, перевести стрелки на красных.

ГЕРИНГ. Ничего себе, замах! И при этом «кого-нибудь, гденибудь, как-нибудь!» А если в полиции выйдут именно на наш след?

ГЕББЕЛЬС. Да еще в прессу дадут утечку.

ГЕРИНГ. Ты хоть соображаешь, что ты предлагаешь?

ГЕББЕЛЬС *(Гиммлеру)*. Шерль тебе за это только спасибо скажет.

ГЕРИНГ. Еще и ручку тебе пожмет.

ГИММЛЕР *(пожимая плечами)*. Дело в подготовке.

ГЕРИНГ. Дело в железном прикрытии, а не в подготовке.

*Пауза.*

ГЕББЕЛЬС. Да, будь хотя бы часть газет Шерля в наших руках, – я бы запросто соорудил такую ширму, но пока это, Генрих, очень рискованно.

ГЕРИНГ *(подняв палец)*. Хотя идея сама по себе верная. *(Гессу.)* А, Руди?

ГЕСС *(мрачно)*. Да, как раз для Рема.

ГЕРИНГ *(всплеснув руками)*. Упаси боже! Вот тогда нам действительно крышка.

ГИММЛЕР. Нет, самовольно Рем никогда не пойдет на это.

ГЕРИНГ. Ишь, ты! Как он за него... Главное, ты сам не сболтни.

ГИММЛЕР. Я тоже солдат фюрера.

ГЕРИНГ. Кто солдат? Ты солдат? *(Смотрит на Гесса.)* Ты, Гиммлер, не лезь туда, куда тебе вход заказан. Создаешь свою внутрипартийную жандармерию – ну, и черт с тобой! Но в наши военные дела не лезь. Да, Рем солдат до мозга костей. Согласен. Да, теперь у него в СА в три раза больше штыков, чем во всей германской армии. Признаю. Но в 24-м Адольф ему уже сказал – *больше* он в его услугах не нуждается. И сегодня нам было бы спокойнее, если бы он так и сидел в своих пампасах. Нет, он вернулся на мою голову.

ГЕСС. Ну, хватит тебе, Герман! Мы и так уже заговорились.

ГЕРИНГ. Так вот что касается меня, Рудольф, то я уже сказал и хочу повторить еще раз. Отныне – никакой пощады нарушителям партийной субординации, какое бы положение в партии они ни занимали. А сама партия должна стать армией, в которой действует только один закон – закон единовластия: командир отдает приказы, подчиненные их выполняют. Все. И никаких Штрассеров у руля партии.

ГЕСС. Ну, вот на этом давайте пока и остановимся.

ГЕРИНГ.. А все несогласные с этим пусть ищут себе другую партию.

*Пауза.*

Ну, так какого дьявола мы тут тогда сидим? *(Взяв Гесса за плечи.)* Иди к нему, Рудольф. Ты ведь уже опытный в таких делах. Иди.

ГЕСС. Ох, Герман, если бы ты знал, как это все непросто.

ГЕРИНГ. Я знаю. С Адольфом всегда так. Но ты его адъютант, и...

Ну, иди. Успокой его, я не знаю... Скажи, что мы ждем его указаний. Иди.

ГЕСС. Спокойно, Герман, спокойно. Без нервов. *(Подходит к комнате отдыха и стучит в дверь.)* Прощу прощения, мой фюрер! Это я, Рудольф!

*Из комнаты отдыха ни звука.*

Мне нужно поговорить с вами! *(В двери щелкает замок, Гесс входит.)*

ГЕРИНГ. Ну, слава тебе... Открыл, и уже хорошо.

*Из комнаты доносятся едва слышные голоса.*

ГЕББЕЛЬС. Ничего. Рудольф найдет нужные слова. А вот кого теперь, кроме Штрассера, фюрер еще назначит козлом отпущения – это вопрос.

ГЕРИНГ. А ты что, не догадываешься? Ответственным за выборы был назначен ты, так что тебе теперь и придется отдуваться.

ГЕББЕЛЬС. Ну, за результаты своей работы я готов ответить, потому что тут мне не в чем себя упрекнуть. А вот за других...

ГЕРИНГ. Что ты, Йозеф, как будто рулетку крутишь! Ты ведь понимаешь, что мы сейчас должны отбросить выяснение всяких личных отношений.

ГЕББЕЛЬС. Понимаю. Но на моих, заметь, не самых широких среди вас плечах лежит не меньший груз, чем у фюрера.

ГЕРИНГ. Ух ты, ах ты! Какие мы важные. А, может, ты заблуждаешься и слишком много на себя берешь, а, Йозеф?

ГЕББЕЛЬС. Нет. Это фюрер берет на себя всё. Я – всё остальное.

ГЕРИНГ. Хм... Черт! Умеешь ты все-таки ответить.

*Пауза.*

Эх! Мне бы, Йозеф, хоть малую часть твоего ораторского таланта. Хоть бы частичку твоей харизмы. Каким бы я трибуном стал.

ГЕББЕЛЬС. Ну что ж, Хорст Вессель у меня тоже начал простым командиром отряда, а за пару уроков я сделал из него одного из самых ярких ораторов Берлина.

ГЕРИНГ. Ну, уж нет! Твоего Весселя, мир праху его, уже благополучно пристрелили, а я еще, извини, хочу пожить.

ГЕББЕЛЬС. Да, но какие шикарные похороны я ему сварганил! Какой резонанс в партии вызвала его смерть! Какая взметнулась волна гнева и ненависти к красным! А какой фильм мы о нем сделали! Его даже Муссолини приказал пустить по всей Италии. Недаром же его не бог весть какую песню горланят теперь все штурмовики.

ГЕРИНГ. Я же говорю, у тебя талант.

*Пауза.*

*(Задумчиво.)* Да, бедная Германия. Бедный Берлин. Люди готовы уже на что угодно, лишь бы только выжить. Молодые пары избегают заниматься любовью, потому что им, случись что, нечем будет заплатить за аборт. В рабочих кварталах открыто процветает уголовщина. Безработные мужья толкают своих жен и дочерей на проституцию, и те, чтобы прокормить своих близких, не раздумывая идут на панель. А кто в сутенерах? Как наши штурмовики, черт бы их побрал, так и оголодавшие «рот-фронтовцы». Причем, интересная штука – на одной улице наши обирают ихних жен, на другой – ихние наших. Это такое великолепное равновесие, что просто диву даешься, как они достигли такого паритета. А эти длиннющие очереди к продовольственным лавкам! В центре – толпы иностранцев с пачками долларов в руках, а тут люди с утра за куском ливерки толкутся. А что у людей в головах творится! Тут, посмотришь, какой-то Шпенглер со своими заумными лекциями, там – какой-то Брехт со своими дурацкими куплетами... Это такая каша, от которой у простого человека может только понос случиться. А зайдешь, бывает, в кабаре душой отдохнуть, и там не лучше. На сцене сплошь голые мужики задницами вертят, а вокруг целое сонмище каких-то темных личностей – наркоманы, гомосексуалисты, какие-то маньяки с испитыми рожами, гадалки, прорицатели, лесбиянки всех мастей. Это какая-то канализация, а не кабаре.

ГЕББЕЛЬС. А как тебе Марлен Дитрих в «Голубом ангеле»?

ГЕРИНГ. Это похабный фильм! Совратить школьного учителя... Я бы за такие фильмы режиссеров кастрировал. А твоя Марлен Дитрих самая отпетая шлюха.

ГЕББЕЛЬС. Да ну! Неужели она тебя не заводит?

ГЕРИНГ. Я говорю о фильме, а не об этой вампирше в чулках.

ГЕББЕЛЬС. Ну, и зря. Я бы от такой не отказался. Заманчива, порочна до бесконечности. *(Мечтательно.)* Эх!..

ГЕРИНГ. Ну, ты и бычок, Йозеф! *(С досадой.)* Но ты меня отвлек! Черт, на чем же это я остановился... А, так вот все это происходит у нас потому, что мужчины уже не верят, что придет время, и они снова станут мужчинами. А женщины, – что они когда-нибудь снова станут женщинами. То есть, что жизнь у нас снова станет обычной человеческой жизнью, а не ежедневной борьбой за выживание. Меня, Йозеф, просто убивают эти настроения. И самое ужасное, – что всё это происходит не где-нибудь, а в Берлине, и не с кем-нибудь, а с нами, немцами. Это Содом и Гоморра. Это конец света, что у нас творится.

ГЕББЕЛЬС. Э, Герман! Я тоже сначала впал в отчаяние, когда мне пришлось возглавить в 26-м нашу берлинскую организацию. Мало того, что ты один как перст, так еще и красные на каждом углу. Сама организация ютилась тогда в грязном подвале, и я этот подвал так и назвал – «курильня опиума». В углах какое-то старое барахло, в передней вечно толкаются безработные партийцы, все орут, курят, спорят до остервенения. Словом, полная кутерьма. А из тысячи человек на учете человек четыреста случайных. Ну, и я начал с того, что сразу же разогнал к чертям лишних. Потом собрал актив и сказал: сегодня нас шестьсот че-

ловек. Завтра нас будет уже шесть тысяч. Наша задача, чтобы нас стало шестьдесят тысяч. Потом я выдал им по пачке новых листовок и сказал – идите на улицы, нечего вам в этом подвале штаны протирать. Пусть берлинцы вместе с красными порочат, оскорбляют, а то и просто бьют нас, но они должны *говорить* о нас... А драки были знатные, особенно с красными. Мы же стали приходить даже на их митинги. Они протестуют, орут на нас, а мы все равно к трибуне прорываемся. Ну, а когда словесные аргументы и у них, и у нас заканчивались, в ход шли кулаки, и все кончалось грандиозным мордобоем. Бывало, и одну пивную могли не поделить. Помнится, как-то раз одному нашему парню так стеклянной кружкой заехали, что у него лица от кровищи не стало видно. А он только утерся, бедолага, хвать ножку от сломанного стула – и опять в самую гущу.

ГЕРИНГ. Что, и ты дрался?

ГЕББЕЛЬС. Нет, меня парни из СА в обиду не давали. Но случалось, что пара тумаков и мне доставалась. Однажды на мне даже мою любимую кожаную куртку чуть не разодрали. *(Гиммлеру.)* Да-да, Генрих! Это где-нибудь в провинции можно было свободно носить свой партийный значок, а в Берлине за это могли и ножом пырнуть. Недаром же его «красным» в те годы называли. Но ничего. Притерпелись. Выжили.

ГЕРИНГ. Ага, зато теперь вот сидим, как бараны на заклании, и ждем, когда красные нас отсюда поганой метлой выметут.

*Пауза.*

ГЕББЕЛЬС *(мечтательно).* Да, махнуть бы сейчас куда-нибудь в Альпы, в какую-нибудь маленькую деревушку на берегу озера, и хотя бы пару недель ни о чем не думать. Я иногда даже представляю, как я завтракаю яичницей со свежей ветчиной, пью кофе, а потом лежу, закрыв глаза, в каком-нибудь тихом месте и греюсь, как кот, на солнышке.

ГЕРИНГ. А тут, как черт из кубышки, появляюсь я и говорю: «Слушай, Йозеф, давай-ка, мы с тобой подумаем о причинах нашего провала на выборах!»

*Оба смеются. Неожиданно из комнаты отдыха выглядывает Гитлер.*

*Геринг с Геббельсом обрывают смех и вытягиваются в струнку. Гитлер окидывает их полным гнева взглядом и снова скрывается за дверью.*

ГЕРИНГ *(утирая пот со лба).* Уф, черт!

ГЕББЕЛЬС. Да, что-то мы с тобой совсем уже...

ГЕРИНГ. Да уж попались, так попались... Как школяры, черт! Ты заметил, какие у него были глаза?

ГЕББЕЛЬС. Заметил.

ГЕРИНГ. Прямо как две молнии сверкнули... Черт!

ГЕББЕЛЬС. Да, но мне они как раз этим и понравились.

ГЕРИНГ. Это почему же?

ГЕББЕЛЬС. Потому что в них, Герман, я снова увидел жизнь.

ГЕРИНГ. Ну, не знаю. Может быть.

*Пауза.*

*(Сделав несколько шагов.)* Нет, все-таки ты прав, Йозеф, – все-таки нагнать страху на этих буржуев надо, чтобы они быстрее соображать начали.

ГЕББЕЛЬС. Нет, Герман. Запугивать их сейчас красными значит каждый раз напоминать им о нашем собственном провале. К тому же они, по-моему, и без нас уже полные штаны наделали. И чует моя печенка, они скоро сами прибегут к фюреру.

ГЕРИНГ. Ты думаешь?

ГЕББЕЛЬС. А куда им деваться? Гугенберг с фон Папеном для них уже не сила, так что остается, как бы они не кривили свои рожи, только фюрер. Ясно же, что пока за красными стоит Коминтерн, а за ним – вся мощь сталинской России, покоя Германии не будет.

ГЕРИНГ. А если они не прибегут?

ГЕББЕЛЬС. Прибегут, Генрих. Должны прибежать.

ГЕРИНГ. Легко сказать – должны... А если мы при таких делах развалимся раньше, чем они к нам прибегут?

ГЕББЕЛЬС. Да, это вопрос. Но другого выхода у них все равно нет.

ГЕРИНГ. Почему ты так уверен в этом?

ГЕББЕЛЬС. Потому что они не самоубийцы, и им, в отличие, скажем, от нас с тобой, есть что терять. Так что фюрер прав. Главное сейчас удержать партию от развала и сплотить ее как армию перед решающим наступлением. А параллельно мы должны серьезно подумать о том, как мы разлепим эти братские объятия между демократами и красными.

ГЕРИНГ. Черт! Ну, вот об этом мы и должны сказать Адольфу.

ГЕББЕЛЬС. А ты думаешь, он сам этого не понимает?

ГЕРИНГ. Ну... Вот и хорошо, если наши мнения сойдутся.

*Пауза.*

ГЕББЕЛЬС *(встает и, подойдя к зеркалу, принимает несколько эффектных ораторских поз).* Да-а... Какую же пластинку мне на сегодняшнем митинге поставить – национальную, социальную или сентиментальную? А, Герман? Все они у меня вот тут, в голове, главное – выбрать подходящую.

ГЕРИНГ. Перестань острить, Йозеф! Ситуация сейчас такова, что главное – выбрать не подходящую, а единственно верную.

ГЕББЕЛЬС. Верную для кого? Если для нас, то всем, я думаю, и так все ясно. А если для толпы, то мне нужен всего лишь один процент правды и хороший рупор, чтобы она снова вскинула руки в нашем партийном приветствии. И чем откровеннее я буду лгать ей, – тем быстрее она мне поверит.

ГЕРИНГ. Ох, Йозеф! Любишь ты всякие заумные штучки.

ГЕББЕЛЬС. Да, потому что у меня задача добиваться эффекта, а не правды.

*Пауза.*

ГЕРИНГ *(подходит к двери на балкон, открывает ее и смотрит на город).* Да, Мюнхен сегодня

нужно действительно встряхнуть. Вообще всю Германию – вот так прямо взять ее за шиворот и потрясти, чтобы она, наконец, очухалась. *(Закрывает дверь и берется, как за штурвал, за спинку стула Гитлера.)* Ну что ж, терять нам больше нечего, так что...

*Гесс открывает дверь комнаты отдыха, откуда медленно выходит Гитлер.*

*Геринг осекается, все подтягиваются. Движения Гитлера замедленны, руки сложены за спиной. Пауза.*

ГИТЛЕР. Вы что, Геринг, решили уже занять мое место?

ГЕРИНГ. Никак нет, мой фюрер! *(Отходя от стула.)* Просто... мы тут обсудили кое-что. Прикинули, так сказать, план наших действий.

ГИТЛЕР. Да? И что же в нем главное?

ГЕРИНГ. Главное в том, что мы должны честно и без всяких скидок на прошлые заслуги признать наши ошибки и немедленно взяться за их исправление.

ГЕББЕЛЬС. При этом следует принять все необходимые меры для того, чтобы укрепить в партии единовластие.

ГИТЛЕР *(вяло)*. Ну что ж... Очень содержательно.

*Подходит к Геббельсу и долго сверлит его глазами.*

Скажите, Геббельс. Когда вы в 25-м бросили вдруг всех своих старых друзей и примкнули к компании Штрассера... вы исходя из каких соображений это сделали? Ведь те 200 марок в месяц, которые он положил вам за место редактора своего левацкого журнала, – они ведь так похожи на 30 серебреников... А, Геббельс? Вы не находите?

ГЕББЕЛЬС. Да, я понимаю вас, мой фюрер. Но я сделал это совсем не из-за денег, хоть я и очень нуждался в то время. Я сделал это потому, что увлеченность Штрассера успехами большевизма в России оказалась настолько близка моим собственным убеждениям тех лет, что я принял его предложение, не раздумывая. Более того, я еще подумал, что наконец-то мне удалось встретить на Рейне такого близкого мне по духу человека.

ГИТЛЕР. Настоящего друга рабочих, да?

ГЕББЕЛЬС. К сожалению, мой фюрер. Тем более что он сразу же начал действовать под видом возрождения вашей запрещенной тогда еще партии, хотя на самом деле приступил к созданию своей собственной организации. Но я тогда так погрузился в работу, что даже не заметил, когда и как это произошло. Мы с Отто разработали ему новую программу, вернее, сократили вашу до 15 пунктов, и Грегор огласил их на конференции в Ганновере.

ГИТЛЕР. Прямо как новый Лютер со своими тезисами, да?

ГЕББЕЛЬС. Да, мой фюрер, нетерпимость – это его главная черта.

ГИТЛЕР. А зачем вы потребовали тогда моего исключения из партии? Да еще обозвали меня «мелким буржуа».

ГЕББЕЛЬС. Это произошло в горячке общей полемики, мой фюрер. После выступления Штрассера слово сразу же взял Готтфрид Федер и, ссылаясь на вас, в категорическом тоне заявил, что наша программа совершенно неприемлема и незаконна, ну, и мы...

ГИТЛЕР *(подсказывая)*. Возмутились.

ГЕББЕЛЬС. Ну... Да, мой фюрер. Подвели эмоции.

ГИТЛЕР. Да... *(Сочувствующе.)* Печально.

*Пауза.*

Хорошо. А что за неожиданное прозрение снизошло на вас на конференции в Бамберге, когда вы бросили вдруг Штрассера и переметнулись уже ко мне?

ГЕББЕЛЬС. Там я, наконец, встретил вас, мой фюрер. И сегодня я благодарю бога за то, что это произошло так быстро.

ГИТЛЕР. И что же стало главным в тот раз?

ГЕББЕЛЬС. Главным стало ваше выступление, в котором вы камня на камне не оставили от его идей сделать из национал-социализма партию классовой борьбы. И особенно от его претензий на полную автономию от Мюнхена. И я, признав свои ошибки, решил открыто, перед всеми товарищами, поддержать именно ваш курс.

ГИТЛЕР. А вы никогда не задумывались над тем, что как Штрассер на Рейне переманил вас к себе, так и я в Бамберге просто перекупил вас?

ГЕББЕЛЬС. Нет... Я так не думаю.

ГИТЛЕР. А зря, – потому что это *я* вас выбрал, а не вы меня. *(Пауза.)* Ну, а куда теперь? Снова к Штрассеру?

ГЕББЕЛЬС. Нет, мой фюрер. В Бамберге я уже все решил.

*Пауза. Гитлер подходит к Гиммлеру.*

ГИТЛЕР. Ну, а вы, Гиммлер? Что вас-то, после такого нехлопотного места у Штрассера, привело ко мне? Вы же в душе крестьянин, поборник крестьянского рая на земле. Сидели бы сейчас у себя в партийной ячейке в Ландсхуте и горя бы не знали. Прилежания вам не занимать: приход сюда, расход туда, чик-чик на пишущей машинке, и все дела. Штрассер, как депутат баварского ландтага, в постоянных разъездах, к тому же на ваше место он уже нашел замену в лице Геббельса. Ну, чем не жизнь, а? Садитесь на свой мотоцикл и катите, куда глаза глядят. А вокруг цветочки, девушки в полях. А, Гиммлер?

ГИММЛЕР. Никак нет, мой фюрер. Мотоцикл, бумажки – это не по мне.

ГИТЛЕР. А что по вам? Махнуть на большевистскую Украину и заняться организацией сельскохозяйственных коммун?

ГИММЛЕР. Нет, это было от растерянности. Но с тех пор, как я познакомился с идеями национал-социализма, я понял, что нашел, наконец, свой путь.

ГИТЛЕР. Ишь ты! Как школяр на экзамене. А если своими словами? Или своими уже не получается?

ГИММЛЕР. Я искренен, мой фюрер.

ГИТЛЕР. Вы что, наслушались Геббельса? Напрасно.

ГИММЛЕР. Нет, доктор Геббельс здесь ни при чем. Просто я подумал, что если мне не удалось попасть на фронт, то теперь у меня...

ГИТЛЕР. Ох, ох, ох!.. *(Смеется.)* Да вы хоть представляете себе, что такое фронт? Что такое война? Особенно, когда ты отправляешься на нее из одной страны, а возвращаешься совсем в другую. А вокруг тебя тысячи таких же неприкаянных, как и ты, солдат, которых Германия не может ни принять, ни отторгнуть, потому что она сама как нищенка. Однако пересидевшие всю войну в тылу евреи украли у всех нас не только нашу победу, но и наше будущее. И из этой ситуации у тебя есть только два выхода – или ты хватаешься за какую-нибудь случайно подвернувшуюся тебе работу и превращаешься в тупого обывателя, или ты встаешь в ряды борцов за новую Германию. И тут у тебя начинается новая война – за ее будущее. И вот на эту войну, Генрих, вы успели как раз вовремя, потому что ее решающие битвы, – если вы, разумеется, сегодня не дрогнете, – еще впереди.

ГИММЛЕР. Я не дрогну, мой фюрер. Верные вам СС сделают все для того, чтобы партия вновь превратилась в один крепко сжатый кулак.

ГИТЛЕР *(Геббельсу)*. Это вы его так просветили? Неплохо.

*Пауза.*

*(Герингу.)* Так вот сегодня, Геринг, СС нужны мне не для моей охраны, а для охраны всей партии, если мы намерены сохранить ее идейный дух и единство. Для этого я и поставил Генриха на это место. И задача номер один здесь – Отто Штрассер. Я пожалел его в 30-м, когда просто выдворил его, как паршивую овцу, из партии. Однако теперь, когда он начал действовать уже из Праги, я больше не намерен терпеть его гнусные нападки. *(Гиммлеру.)* Делайте что хотите, Генрих. Я даю вам полную свободу действий, но вопрос с ним должен быть решен в самый короткий срок.

ГИММЛЕР. Слушаюсь, мой фюрер!

ГИТЛЕР. Вторая задача – Рем. С ним и его сбродом из СА все сложнее, но приструнить его тоже следует. Слишком много он стал воображать о себе, чтобы я закрыл на это глаза. Так что отныне вы должны взять его под полный контроль.

ГИММЛЕР. Виноват, но... разве Рем и вы не старые товарищи?

ГИТЛЕР. Да, для партии мы с ним по-прежнему старые боевые товарищи – фронтовое братство, верность по гроб жизни, ну, и вся эта чушь... Однако сегодня, когда он полез уже не в свои дела, он меня уже начал раздражать. А какую отсебятину он несет на митингах? То он твердит о какой-то второй революции в Германии, то он обещает, что создаст из СА новую армию! Да еще и с непременным маршем, с «Хорстом Весселем» на всю округу да так, чтобы стекла в окнах звенели... А я потом должен успокаивать наших генералов, что все это лишь его фантазии. И все это почему-то до сих пор сходит ему с рук.

*Все молчат.*

Теперь о Грегоре Штрассере, а также о том, почему я говорю о нем в последнюю очередь, хотя вопрос с ним является важнейшим для нас. Особенно, не буду скрывать, для меня. Но это вовсе не потому, что меня так уж заботит его личная судьба – меня заботит судьба всей партии. И поэтому я буду краток. Как только мы подготовим все необходимые материалы для партийного суда над ним, этот вопрос будет решен, наконец, раз и навсегда. Заодно мы произведем решительную замену его гауляйтеров во всех наших северо-западных округах. Да, это риск, но видит бог – я долго оттягивал такой исход, но времени для его уговоров у нас уже нет. Афишировать это решение, чтобы не нагнетать обстановку в партии раньше времени, мы не будем. Но пусть никто, включая и нашу старую гвардию, не сомневается в том, что такая же участь постигнет каждого, кто осмелится посягнуть на единство партии. Для нас это теперь вопрос жизни и смерти. Вы поняли меня?

ГЕРИНГ *(вытянувшись)*. Так точно, мой фюрер!

*Остальные по-прежнему молчат. Гитлер окидывает всех долгим взглядом и снова отходит к двери на балкон.*

ГИТЛЕР *(сам себе.)* Да, один – откровенный карьерист, другой – провинциальный юнкер, третий... *(Обернувшись на Геринга.)* Не густо. И это – в тот самый момент, когда каждый из высших руководителей партии должен проявить всю свою волю и стать моей незыблемой опорой в решении судьбы всего нашего движения. *(Повернувшись.)* Ну что ж, господа... Я не боюсь одиночества – бойтесь вы его, когда оно вас настигнет. Ну, а мне остается только отрясти прах со своих ног, как учил Матфей, и найти себе новых соратников.

ГЕРИНГ. Но, мой фюрер...

ГЕББЕЛЬС. Вы... Вы должны верить нам.

ГИТЛЕР. Верить? Я должен вам верить? Я не ослышался? Нет, это вы, господа, должны верить мне, а я должен только знать.

ГЕРИНГ. Но мы верим в вас, мой фюрер. Особенно в этот трудный час. И если мы дали вам повод усомниться в этом, то... Я клянусь вам.

ГИТЛЕР. В чем?

ГЕРИНГ. В том, что отдам за вас всю свою жизнь.

ГЕББЕЛЬС. Я целиком солидарен с Герингом, мой фюрер.

*Гитлер переводит взгляд на Гиммлера.*

ГИММЛЕР *(торжественно)*. Я также в вашем строю, мой фюрер!

*Пауза.*

ГИТЛЕР. Что ж... Я не ожидал от вас такого единства. Это означа-

ет, что меня и в самом деле окружают настоящие товарищи. Но не забывайте: вы это решение приняли сами, так что теперь каждый из вас будет нести за него свою личную ответственность.

ГЕРИНГ. С вами мы готовы к любой ответственности, мой фюрер! Более того, мы даем вам не просто клятву – мы вверяем вам свои судьбы.

ГИТЛЕР. Вы вверяете мне свои судьбы? То есть, вы хотите сказать, что я теперь должен буду отвечать еще и за них?

ГЕРИНГ. Нет, за них мы будем в ответе сами. Но вы вправе распорядиться ими так, как этого требует от вас наше великое дело.

ГИТЛЕР. А если оно прогорит?

ГЕРИНГ. Тогда пусть этот пламень сожжет и нас всех.

ГИТЛЕР. И вы ничего не хотите оставить себе на выживание?

ГЕРИНГ. Ничего, мой фюрер.

ГИТЛЕР. Вы уверены?

ГЕРИНГ. Я – офицер, мой фюрер. И я знаю, что такое клятва.

ГИТЛЕР. И что такое клятвопреступник – тоже?

ГЕРИНГ. Так точно, мой фюрер! *(Пауза.)*

ГИТЛЕР. Ну что ж, будем считать, Геринг, что мы поняли друг друга.

*Гитлер снова, чтобы видеть всех, отходит вглубь кабинета. Гесс открывает блокнот и готовится записывать.*

Ну что ж, земля под нами качнулась, но не ушла из-под ног совсем. И пока наши недруги вокруг будут злопыхать в наш адрес, мы с вами начнем работать. Мы наладим контакты со всеми силами, которые будут готовы не только к пустым разговорам о судьбе Германии, но и к нашим совместным действиям. И горе тем, кто будет подстрекать нас в этот момент на то, чтобы мы ускорили события. Мы никому не позволим лезть в наши дела. И пусть меня обвиняют потом в политической нечистоплотности – для того, чтобы прогнать Вельзевула, я готов прибегнуть сегодня даже к услугам черта.

ГЕББЕЛЬС. Хороший образ, мой фюрер.

ГИТЛЕР. Хороший. Но только, как вы понимаете, для нашего круга.

ГЕББЕЛЬС. Да, мой фюрер, это не для всех.

ГИТЛЕР. И прежде всего, не для веймарских краснобаев справа. *(Гиммлеру).* Вы поняли меня, Генрих?

ГИММЛЕР. Так точно, мой фюрер!

ГИТЛЕР. А теперь поезжайте к Рему и проверьте подготовку охраны нашего митинга. И чтобы никаких снайперов.

ГИММЛЕР. Слушаюсь, мой фюрер! Но, может, я вам еще здесь нужен?

ГИТЛЕР. Идите, Генрих. И помните – ваша война, на которой вы еще сможете проявить себя, только начинается.

*Гиммлер, щелкнув каблуками, уходит.*

ГЕРИНГ *(вслед ему).* Экзекутор из курятника.

ГИТЛЕР. Напрасно ты, Геринг. Котелок у него варит.

ГЕРИНГ. Да, копать под товарищей по партии у него получается.

ГИТЛЕР. Послушай, Геринг. Я знаю, что вся наша верхушка недолюбливает Гиммлера, но это еще не повод сомневаться в его служебных качествах.

*Пауза.*

ГЕББЕЛЬС *(Гитлеру).* Вы будете сегодня выступать?

ГИТЛЕР. Да, я должен. Нет, я просто обязан обратиться сегодня к немцам.

ГЕББЕЛЬС. И что вы им теперь скажете?

ГИТЛЕР *(решительно).* Я скажу им всю правду.

ГЕББЕЛЬС. Как, всю правду?

ГИТЛЕР. Очень просто. Так, как я делал это всегда. *(Выйдя на просцениум.)* Я скажу им, что вчера они выбрали не просто очередной парламент, так как настоящий выбор состоял совсем в другом. Единство или новый разброд – вот как стоял вчера главный вопрос, и они снова выбрали разброд. Вот уже 13 лет, как у нас действует многопартийный парламент, а кризис в Германии становится только глубже и глубже. Так будет и на этот раз. С первого дня революции 1918 года мы видим только ошибку за ошибкой, крах за крахом и бедствие за бедствием. Все, что было раньше, низвергнуто. Все, что раньше казалось нам великим, опрокинуто. Единственное, что нам осталось, – это те люди и те партии, которые повинны в наших несчастьях. Только теперь они придумали прекрасную отговорку, – как только их дела начинают расходиться с их же обещаниями, они заявляют, что вся ответственность за это лежит не на них, а на нас, национал-социалистах. Ну что ж, они правы. За все эти годы они уже не раз показали немцам, на что они способны, – страна разрушена, крестьянство уничтожено, средний класс доведен до нищеты! Ресурсы самых плодородных германских земель исчерпаны, сплошные банкротства и 7 миллионов безработных! Они, разумеется, могут переворачивать все как угодно, но ответственность за это лежит на них. Так неужели кто-то еще верит, что Германия может хоть чего-нибудь достигнуть, если ее политическая жизнь разрывается во внутренней борьбе? Теперь вспомните список предвыборных заявок партий. 34 партии на одну страну! И это в тот момент, когда перед нами стоят величайшие задачи, которые могут быть решены только в том случае, когда будут собраны в один кулак все силы нации! Наши оппоненты называют нас нетерпимыми и не способными ни с кем ужиться людьми. А настоящая правда заключается в том, что сначала эти господа говорят: с Гитлером они не пойдут ни на какие переговоры. Потом, когда у них снова не получается создать в парламенте мало-мальски дееспособную коалицию, они в один голос начинают обвинять меня в несговорчивости и упрямстве. Вдобавок они постоянно путают меня то с буржуа, то с национал-марксистом, тогда как

передо мной стоит всего лишь одна задача – как можно быстрее закопать все эти 34-е партии в могилу! Теперь вспомните: до того, как они у нас объявились, был единый германский народ. И когда все эти партии исчезнут так же, как и появились, германский народ останется. Именно по этой причине мы не служим интересам какого-либо класса или группы. Наша цель – показать всему народу Германии, что нет жизни без справедливости, справедливости – без власти, власти – без силы, а все силы находятся внутри нашего народа! Вот что я им всем сегодня скажу.

ГЕРИНГ. О, это будет великая речь, мой фюрер! Она откроет глаза всем неравнодушным к судьбе Германии немцам.

ГИТЛЕР. Да, я должен сделать еще одну попытку, чтобы объединить их. *(Геббельсу.)* А вы, Геббельс, сделайте так, чтобы завтра же все наши газеты напечатали это выступление. Пусть используют все запасы бумаги, но чтобы тиражи были максимальными.

ГЕББЕЛЬС. Я понял вас, мой фюрер. Наши люди в типографиях не сомкнут сегодня глаз, пока не выпустят этот важнейший для партии тираж.

*Пауза.*

ГИТЛЕР. А теперь о буржуазной прессе. *(Садится.)* Прошу вас, садитесь. *(Все садятся.)* Теперь мне нужны по-настоящему влиятельные буржуазные газеты. Вернее, не они сами, а работающие в них авторитетные и влиятельные журналисты.

ГЕСС. Особенно в Саксонии.

ГЕББЕЛЬС. Роберт Кокс из «Обозрения» в Лейпциге вас устроит?

ГИТЛЕР. О таких, как он, я и говорю.

ГЕРИНГ. А почему именно в Саксонии?

ГЕСС. Потому что Саксония, Герман, последний оплот правых, а такие, как Роберт Кокс со своим «Обозрением», держат их всех на коротком поводке.

ГЕББЕЛЬС. Естественно. У него тираж 200 тысяч экземпляров.

ГИТЛЕР. Поэтому вы, Геббельс, в ближайшее же время должны устроить мне встречу с ним. Кокс уже давно выступает за равные права для нашей партии в Германии, отстаивает мое право на публичные выступления... Так что познакомьтесь с ним, скажите, что фюрер лично хочет с ним встретиться. И пусть он как бы посоветует вам еще пару-тройку таких же умников из других газет. О своих контактах с ними никому ни слова, а саму встречу, в знак нашего «особого» к ним отношения, назначьте в нашей резиденции.

ГЕББЕЛЬС. И в чем вы видите смысл такой встречи?

ГИТЛЕР. Смысл простой. Если главные буржуазные газеты по-прежнему воротят от нас нос, считая разговор с нами пустой тратой времени, я сам расскажу им о наших основных задачах. Я буду предельно откровенен, но я расскажу этим писакам такую правду о нашей программе, что они после этого уже не смогут писать о нас свою обычную чушь.

ГЕББЕЛЬС. О, это будет очень тонкий ход, мой фюрер. Но боюсь, что ни Кокс, ни другие не пойдут на такую встречу.

ГИТЛЕР. Почему? Побоятся подставиться?

ГЕББЕЛЬС. Думаю, что да. Они люди осторожные.

ГИТЛЕР. А если мы гарантируем им конфиденциальность?

ГЕББЕЛЬС. Тогда это другое дело. Тем более что многими из журналистов движет еще и обыкновенный профессиональный интерес.

ГИТЛЕР. Ну, вот и используйте этот интерес так, как вы это умеете.

ГЕББЕЛЬС. Я понял вас, мой фюрер.

*Геринг оживляется.*

ГИТЛЕР. Что, Геринг?

ГЕРИНГ. Я смотрю, вы снова воодушевлены, мой фюрер.

ГИТЛЕР. Да, некоторые идеи откровенно греют мне душу. Но есть время разбрасывать камни, а есть время их собирать. *(Гессу.)* Ты все записал, Рудольф?

ГЕСС *(закрыв блокнот)*. Слово в слово, мой фюрер.

ГИТЛЕР. Хорошо. Теперь мне срочно нужен мой друг Тиссен, – хоть из-под земли мне его достань! – но я должен получить с ним связь.

ГЕСС. Я найду его, мой фюрер.

ГИТЛЕР. Ну, а теперь, господа, пора браться за дела. Время не ждет.

*Все встают.*

Да... От нас, как вы знаете, стали уходить. Это отвратительно, что в партии оказалось так много паникеров и трусов. Но говорить об этом все же не следует. Наоборот, нужно вести себя так, как будто никакого оттока у нас нет. И если все эти элементы от нас уйдут, партия от этого только выиграет. Расклад сил в новом парламенте сейчас таков, что как только мы вобьем клин между демократами и красными, в Германии снова объявят выборы. На них мы должны будем войти в каждый дом, драться за каждый голос, но только так мы займем все главные на этом политическом поле боя высоты. То есть, сначала мы все равно должны переголосовать наших противников, а потом уже перестрелять их.

*Все, вскинув руки в приветствии, уходят. Гитлер, после паузы, подходит к зеркалу и осматривает свое лицо.*

Да, Адольф... Вид у тебя неважный – щеки впали, под глазами мешки, а ты еще на митинг собираешься. Ну, и кого ты хочешь обмануть? Самого себя, что ли? Но себя не обманешь. Десять лет... Десять лет жизни положить на то, чтобы добраться почти до самой вершины и вдруг оказаться чуть ли не на краю пропасти... Нет, Адольф, это не для тебя. Что угодно, но только не это... *(Достает из кармана пиджака пистолет и долго рассматривает его, в то время как в кабинет без стука заглядывает Альтман.)*

АЛЬТМАН. Слушай...

ГИТЛЕР *(наводит на него пистолет и имитирует голосом*

*выстрел).* Пх!.. *(Испуганный Альтман скрывается за дверью.)* Макс!

АЛЬТМАН *(с опаской просунув голову в дверь).* Я здесь, Адольф.

ГИТЛЕР. Извини, если напугал. Принеси мне мой ромашковый чай.

АЛЬТМАН. А ты отдашь мне свою пушку?

ГИТЛЕР. Зачем она тебе?

АЛЬТМАН. А чаю хочешь? *(Забирает у него пистолет.)* Сейчас принесу.

ГИТЛЕР. Много себе позволяешь!

АЛЬТМАН. Сколько нужно, столько и позволяю.

ГИТЛЕР. Слушай, у нас, конечно, много с тобой всякого в прошлом... Но ты теперь мой подчиненный, так что не забывай об этом.

АЛЬТМАН. Ладно, Адольф, не обижайся. *(Собирается уйти)*

ГИТЛЕР *(вслед ему).* Да, а что ты мне хотел сказать?

АЛЬТМАН. Уже неважно.

**ЗАНАВЕС**

**ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ**

*Небольшой конференц-зал в «коричневом доме». За окнами еще день, но в зале уже горит массивная хрустальная люстра. На стене в центре – огромная цветная карта европейского континента, включая и западную часть Советского Союза, а справа – портрет Фридриха II Прусского. В глубине зала стоит широкий стол с двумя стульями. На столе – бюст Бенито Муссолини. На переднем плане еще четыре дорогих стула. Возле двери слева – накрытый закусками банкетный столик на колесах.*

ГЕСС *(входя).* Прошу вас, господа! *(Входят, с блокнотами в руках, Кокс, Детинг и два других журналиста.)* Обычно фюрер принимает в этом зале только самых высоких гостей, но для вас, господа, – в честь нашей встречи – он решил сделать исключение.

КОКС. Что ж, это большая честь для нас, господин Гесс. Хотя нас бы устроила и более скромная обстановка.

ГЕСС. Нет-нет-нет! Это пожелание фюрера, так что располагайтесь, кому где нравится. А чтобы вам было проще скоротать время, то... *(показывая на столик)* прошу вас, господа. Здесь у нас кофе, чай, печенье, так что угощайтесь.

ЖУРНАЛИСТ. О! Вот это кстати, а то я уже... *(Идет к столику.)*

ГЕСС. Еще раз прошу прощения, господа, за непредвиденную задержку, но фюрер скоро освободится.

КОКС. Не беспокойтесь, господин Гесс. Мы подождем. *(Гесс уходит.)*

ЖУРНАЛИСТ *(наливая себе кофе).* Да, после такой впечатляющей экскурсии по чертогам Дракулы осталось лишь выяснить, не отравлен ли кофе. *(Хочет попробовать.)*

ДЕТИНГ *(с деланным испугом).* Осторожнее!

*Журналист едва не роняет чашку, все смеются.*

ЖУРНАЛИСТ. Черт! Ну, у вас и шуточки, господин Детинг!

*Все расходятся по залу.*

ДЕТИНГ. Да, хоромы у господина Гитлера прямо-таки царские.

КОКС *(глядя на карту).* Какая замечательная карта.

ЖУРНАЛИСТ *(встав рядом с ним).* Интересно, она всегда здесь висит?

КОКС. Кто знает... Да, какая же она все-таки пестрая, наша маленькая Европа. Даже не верится, что на таком пятачке умещается столько государств.

ЖУРНАЛИСТ. *Стало* умещаться.

КОКС. Да, это уже не та старая школьная карта, по которой мы столько лет штудировали географию.

КОРРЕСПОНДЕНТ. А вы заметили, какие каменные лица у штурмовиков на входе? Такие прибьют и не поморщатся.

ДЕТИНГ. Так для того они там и стоят, дружище.

ЖУРНАЛИСТ. А какое лицо у Гесса! Это же лицо доминиканского монаха.

КОРРЕСПОНДЕНТ. А вы обратили внимание, господин Кокс, на распятие Христа на столе в зале суда? *(Понизив голос.)* Оно, по-моему, золотое.

КОКС. Оно чисто золотое, Михаэль.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Да... И, главное, оно выглядит как-то странно.

КОКС. Почему?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Ну, как будто это не символ страдания, а символ наказания.

ДЕТИНГ. А что! Оно ведь в зале суда стоит, а не в церкви.

ЖУРНАЛИСТ *(садясь).* Что-то мне кажется, что вся эта задержка неспроста. По крайней мере, маршрут по своему логову господин Гесс разработал очень четко.

КОКС. Осторожнее, Хайнц. Осторожнее.

ЖУРНАЛИСТ. Интересно, курить здесь можно?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Пепельниц нигде нет, значит, нельзя.

ЖУРНАЛИСТ. Жаль.

ДЕТИНГ *(глянув на портрет Фридриха, а потом и на бюст Муссолини).* Да, интересное соседство: портрет Фридриха на стене и вдруг – бюст Муссолини.

КОКС. А что вас, Рихард, смущает? Дуче хоть и не поклонник Германии, но это отнюдь не помеха для его дружбы с господином Гитлером.

ДЕТИНГ. Да, поистине, господин Кокс, миром правят знаки и символы.

ГЕСС *(распахнув дверь зала).* Адольф Гитлер, господа!

*Журналисты занимают места возле своих стульев.*

ГИТЛЕР *(входя).* Добрый день, господа!

ЖУРНАЛИСТЫ *(нестройно).* Добрый день, господин Гитлер.

ГИТЛЕР *(проходя к столу).* Нет-нет, господа, не надо вставать. Я сам пригласил вас, так что давайте без всяких церемоний. Прошу вас, садитесь.

*Журналисты рассаживаются и берутся за свои блокноты. Гесс закрывает дверь и садится рядом с Гитлером.*

Ну, как вам, господа, наш осенний Мюнхен?

КОКС. О! Со времен моей спецкоровской молодости Мюнхен ничуть не утратил своего обаяния. И главное, все пивные на своих местах.

ГИТЛЕР. Любите пиво?

КОКС *(со знанием дела)*. Баварское – да.

ГИТЛЕР. Ну что ж, я рад, господа, что вы приняли мое приглашение и что у нас сегодня такой представительный круг. Я также приношу вам свои извинения за то, что заставил вас ждать. Но вы же сами знаете: политическая жизнь сегодня в Германии так непредсказуема, что чуть ли не каждый день приносит какую-нибудь неожиданность. И на каждую, чтобы не оказаться потом в хвосте событий, нужно реагировать.

ГЕСС *(журналистам)*. Вы можете даже не представляться. Фюрер внимательно следит за прессой, так что он вас уже давно и хорошо знает. Заочно, разумеется.

ГИТЛЕР. Совершенно верно. И особенно господина Кокса – как раз с тех пор, когда он работал здесь еще корреспондентом.

КОКС. Вы помните мои тогдашние заметки?

ГИТЛЕР. Разумеется. Потому что они, в отличие от статей других ваших коллег, были на редкость объективными.

КОКС. Вот уж не ожидал... Благодарю вас, господин Гитлер.

ГИТЛЕР. Наоборот, это я вам благодарен. Хочу сказать также, что мне совсем не нужно от вас интервью. Ваши издания живут ведь благодаря рекламе, так что бойкот ваших газет нашими противниками может нанести вам значительный урон. Поэтому мне важно просто поговорить с вами о тех проблемах, решения которых так ждет от нас Германия. При этом мне совершенно неинтересно, что думают по этому поводу Ватикан, Коминтерн или евреи, потому что все это силы, совершенно враждебные нашей несчастной родине.

КОКС. Я тоже, господин Гитлер, приехал к вам не за тем, чтобы взять у вас обычное для журналиста интервью. Как человек, который много лет пишет о нашей политике, я просто не имел права не принять предложение доктора Геббельса и упустить шанс познакомиться с такой значимой в политике фигурой, как вы. К тому же мой издатель господин Герфурт уже давно планирует посвятить вам целую полосу в нашей газете.

ГИТЛЕР *(явно довольный)*. Ну, целая полоса – это, пожалуй, слишком, хоть я понимаю, какую важную роль ваша газета играет в жизни германской буржуазии и интеллигенции. Скажу прямо: мне сегодня нужны даже не газеты – мне нужны немцы. Я также знаю, что все вы отличные стенографисты, так что можете даже записывать ход нашей встречи. Но у меня одно условие – писать о ней напрямую все же не следует.

КОКС. Но тогда в чем ее смысл?

ГИТЛЕР. Смысл в том, что свои записи о ней вы можете использовать в своих будущих статьях о германской политике. Однако даже если сам факт нашей встречи станет известен за рубежом, это нанесет Германии непоправимый политический ущерб.

КОКС. Простите... Германии? Не вам?

ГИТЛЕР. Разумеется, мне тоже. Потому что я хочу откровенно и без всяких недомолвок поговорить именно о ее ближайшем будущем.

КОКС. Хм!..

ГИТЛЕР. Я сказал что-то не то, господин Кокс?

КОКС. Нет-нет! Просто у меня сразу же возник вопрос.

ГИТЛЕР. Я слушаю вас.

КОКС. А как же в случае с корреспондентом английской «Дейли Экспресс» господином Делмером, который постоянно сопровождал вас во время вашей предвыборной кампании прошедшей осенью? Или у него были какие-то особые функции?

ГИТЛЕР *(не сразу.)* Нет, никаких особых функций у него не было. Он представлял лишь интересы своих английских читателей. А мы, в свою очередь, были заинтересованы в том, чтобы зарубежная публика получила объективную информацию о нашем движении. Если, конечно, журналист не смотрит на происходящее сквозь черные очки.

*Журналисты переглядываются.*

КОКС. Ну что ж, в таком случае, господин Гитлер, я от лица моих коллег даю вам слово, что мы выполним ваше условие.

ГИТЛЕР. Хорошо. Я верю вам. Когда-нибудь и у нас будут большие газеты, и мы будем в состоянии сами обеспечить свою пропагандистскую работу. Но сейчас дело в том, чтобы в ведущих германских газетах нашлись разумные журналисты, которые объяснили бы своим читателям, в чем суть нашей борьбы за новую Германию. Мы ведь стоим на пороге эпохи, ничего похожего на которую в нашей истории еще не было. Мы переживаем такой момент, когда буржуазные круги должны решить, выбирают ли они большевистский хаос в стране, а затем и во всей Европе, или же они выбирают национал-социалистическую Германию и новый порядок на всем нашем континенте. А чтобы им было проще сделать такой выбор, нужно довести до них некоторые принципы, которые касаются наших политических целей в данный момент. Вы ведь, надеюсь, не являетесь приверженцами коммунизма?

КОКС. Разумеется.

ГИТЛЕР. Поэтому вы, как полноправные властители умов ваших читателей, и должны внести ясность в этот главный для судьбы Германии вопрос.

ДЕТИНГ. А третьего пути у нее нет?

ГИТЛЕР. А он вам известен? Ну, так назовите его.

ДЕТИНГ *(уклончиво)*. Ну...

ГИТЛЕР. Вот и все, что я обычно слышу в ответ на этот вопрос.

*Пауза.*

КОКС. То есть, вы как бы предлагаете нам стать негласными проводниками ваших идей в наших газетах?

ГИТЛЕР. А вы считаете это невозможным?

КОКС. Нет, но вопрос – правильно ли я вас понимаю?

ГИТЛЕР. Да, правильно. Притом что сегодня нам нужна если уж и не поддержка ваших газет, то хотя бы их взвешенный нейтралитет по отношению к нашей партии. Мы никогда не скрывали от германского общества наших политических целей, но буржуазная пресса, монополия на которую находится в руках кучки евреев, не только всячески искажает их – она осуществляет настоящую травлю нашего движения. А ваши правые, которые не хотят встать в общие с нами ряды, еще и потворствуют ей в этом.

КОКС. Возможно. Но ведь год назад, когда в Гарцбурге собрались делегаты практически всех правых сил Германии, у вас была возможность не только открыто объяснить им свои политические взгляды, но и возглавить этот желанный для всех союз.

ГИТЛЕР. Да, у нас был такой шанс. Но вспомните, представители каких самых разных партий и групп приехали тогда в Гарцбург и чьи интересы они стали выдвигать на первый план. Нет ничего удивительного в том, что мы так и не смогли найти с ними общий язык. А ведь сегодня перед нами стоит более серьезная угроза, чем при Брюнинге.

КОКС. И теперь, вы считаете, ваш час пробил?

ГИТЛЕР. А вы считаете, что нет?

КОКС. К сожалению. Хотя сомнения, не скрою, остаются.

ГИТЛЕР. Что ж, я отлично понимаю природу вашего скепсиса. У вас тоже искаженное понимание существа нашего движения. Это самая типичная ошибка – сразу же отметать с порога то, что кажется вам непонятным и даже каким-то несуразным. Однако можно даже установить закон, в силу которого только те успехи были наиболее прочными и великими в истории, которые вначале встречали наименьшее понимание у простой толпы. А потом, увидев положительные изменения в жизни, эта самая толпа начинала удивляться, как это она так заблуждалась? И время для такого прозрения уже пришло.

КОКС. А как же тогда ваш недавний... *(быстро поправившись)* ваша недавняя неудача на выборах в ландтаг Тюрингии?

ГИТЛЕР. Вы хотели сказать – наш провал, не так ли?

КОКС. Ну...

ГИТЛЕР. Да, Тюрингия – наша ближайшая соседка на севере, и по всем показателям мы должны были там выиграть.

КОКС. Почему же этого не случилось?

ГИТЛЕР. Потому что эта неудача – еще одно доказательство того, как умело буржуазная пресса дурит головы немецким избирателям, не брезгуя при этом ни клеветой, ни ложью. И это еще одно объяснение того, почему я пригласил вас на эту встречу.

*Пауза.*

ГЕСС *(журналистам)*. На этом вводная часть нашей встречи закончена. Теперь давайте, так сказать, для разминки по два-три вопроса от каждого из вас.

КОКС. Господин Гитлер, я хотел бы, чтобы вы вернулись в 23-й год, к временам вашего похода на Мюнхен и последовавшего за этим суда над вами. Почему вы разошлись тогда с генералом Людендорфом? Он ведь был очень важной фигурой в вашем движении.

ГИТЛЕР. Да, настоящий герой Великой войны, Людендорф тогда был очень популярен. Я расскажу вам одну деталь. Когда мы пошли на Мюнхен и вояки открыли стрельбу, он, не останавливаясь, так и прошел сквозь их кордоны с гордо поднятой головой. То есть, они просто расступились, и никто не решился в него выстрелить. Правда, потом его все-таки арестовали. Но когда суд, приняв во внимание его заслуги, признал его невиновным, он обиделся за это не только на судейских, но и на меня. Как будто я обязательно должен был потянуть его за собой. Его обида была такова, что он так и заявил суду: «Я не заслужил такого к себе отношения». Правда, у него после этого суда начались проблемы с рассудком, и он ударился в какую-то заумную религию. На этом наши пути и разошлись.

КОКС. Жалеете?

ГИТЛЕР. Да. Тяжело терять человека такого достоинства и чести.

ГЕСС. Еще вопросы, пожалуйста.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Господин Гитлер, а зачем вам столько штурмовиков на входе? Вы что, опасаетесь нападения? Или, простите, покушения?

ГЕСС. Это вы для разминки? Или это у вас главный вопрос?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Нет, но... Все-таки столько охраны.

ГИТЛЕР. Нет. Ни того, ни другого я не опасаюсь. Хоть я и не буду скрывать от вас того, что у нашего движения достаточно врагов и самых разных недоброжелателей. И особенно в стане коммунистов, для которых наша партия, как кость в горле. На партию, так же как и на ее отдельных членов, постоянно оказывается давление. Более того, от нас, под угрозой физической расправы, требуют свернуть нашу политическую деятельность или лишить ее всякой национал-социалистической окраски. И нам ничего не остается, как защищать себя всеми возможными средствами. Самое интересное, что полиция сама порой набрасывается на нас и силой разгоняет наши демонстрации и митинги. А буржуазная пресса потом еще и подает это под соусом защиты германской демократии.

ЖУРНАЛИСТ. Но ведь полиция – причем, жестоко, как это было, например, в Гамбурге – разгоняет и коммунистические шествия.

ГИТЛЕР. Да, но это очень большая ошибка – сравнивать нас с коммунистами и вообще с каким-нибудь марксистским движением. Мы – национал-социалисты, и наше движение не имеет ничего общего с еврейско-большевист-

ским учением. Наоборот, наш социализм – это проявление прусского духа, воля к действию, к народному единству и мужеству. Подобный социализм на практике осуществляли старые имперские города и Фридрих Великий. Вот почему нашему движению не могут повредить никакие преследования его вождей, никакая клевета, никакая напраслина. Из всех этих преследований оно выходит все более сильным, потому что все наши идеи верны, все наши цели чисты, а готовность наших сторонников к самопожертвованию вне всякого сомнения. А что касается охраны нашей резиденции, то за нее отвечает Гиммлер, вот у него и спрашивайте.

ГЕСС. Еще вопросы.

ДЕТИНГ. У меня вопрос. Господин Гитлер, ваша резиденция, которую нам так любезно показал господин Гесс, находится в бывшем дворце Барлова. Если не секрет, – сколько вы заплатили за его приобретение, а также за его ремонт и перестройку?

ГИТЛЕР *(Детингу)*. Господин Детинг, если не ошибаюсь?

ДЕТИНГ. К вашим услугам.

ГИТЛЕР. Так вот нисколько. Мы не истратили на это приобретение ни одной партийной марки, потому что это сделали наши друзья.

ДЕТИНГ. Не сочтите меня назойливым: все же сколько?

ГИТЛЕР *(не сразу)*. Мы заплатили полмиллиона марок за его покупку и еще столько же за его ремонт.

ЖУРНАЛИСТ. И это в самый разгар кризиса?

ГИТЛЕР. Да, это было непросто, но они все же нашли такую возможность.

ЖУРНАЛИСТ. Недурно.

КОКС *(Гитлеру)*. И вы можете назвать этих щедрых друзей?

ГИТЛЕР. Могу. Но пока, как вы понимаете, не буду.

КОКС. В таком случае, много их?

ГИТЛЕР. Много. И я обещаю: когда мы придем к власти, вы будете первыми, кто узнает их имена. Вы удивитесь, но многие из них вам уже хорошо знакомы.

КОКС. Звучит интригующе.

ГИТЛЕР. Да, это очень достойные люди.

ЖУРНАЛИСТ *(подняв руку)*. Разрешите, господин Гесс.

ГЕСС. Да-да, пожалуйста.

ЖУРНАЛИСТ *(Гитлеру)*. В «мраморном зале» вашей резиденции висят памятные доски с фамилиями 13-ти погибших в ноябре 1923 года ваших соратников. Но там зарезервировано еще одно и довольно-таки приличное по размерам место. Для чего оно?

ГИТЛЕР. Да, мы чтим память о наших погибших товарищах. Потому что они не просто мученики, и их жертвы не напрасны. Наступит время – и их имена откроют список новых героев Германии. А в том месте, о котором вы сказали, мы увековечим память еще о 300-х наших товарищах, которые погибли за все эти годы в уличных схватках с коммунистами и другими защитниками этой худосочной веймарской системы. Однако перед лицом стоящей перед нами великой цели никакие жертвы не кажутся нам напрасными.

ЖУРНАЛИСТ. Значит, там будет и фамилия Хорста Весселя?

ГИТЛЕР. Разумеется. Хорст Вессель погиб как раз в одной из таких схваток.

ЖУРНАЛИСТ. Странно. Штурмовик пришел к проститутке, получил от ее сутенера пулю в лоб, а оказывается, он погиб в уличном бою.

ГЕСС. Господа, я не понимаю, почему вы пользуетесь информацией из бульварных газет, но Хорст Вессель действительно погиб от пули одного из «ротфронтовцев». Вы же знаете, какие это хладнокровные убийцы. Они хуже уголовников, потому что не щадят даже своих бывших товарищей по оружию.

ЖУРНАЛИСТ. Но ведь Хорст Вессель не воевал.

ГЕСС. Да, но я говорю о других наших товарищах, погибших от их рук.

ЖУРНАЛИСТ. То есть, вы хотите сказать, что и результаты следствия, и решение суда по его делу не соответствуют действительности?

ГЕСС. Совершенно верно.

ЖУРНАЛИСТ. А как же тогда показания свидетелей?

ГЕСС. Они сфабрикованы. Так же как и весь процесс. Однако веймарский буржуазный суд и не может быть другим, так как защищает интересы лишь высших кругов германского общества. Так что я прошу вас – будьте, пожалуйста, объективнее.

*Пауза.*

Еще вопросы, господа.

КОКС. Хорошо. Тогда у меня такой вопрос. На третьем этаже, в зале партийного суда, на столе, рядом со свастикой, стоит и распятие Христа...

ГИТЛЕР. Оно вас что, смутило?

ГЕСС. Господин Кокс, вероятно, считает это кощунством.

КОКС. Ну, почему же... *(Гитлеру.)* Просто интересно, как вы вообще не как политик, а как человек относитесь к религии? Особенно если учесть, что господин Розенберг считает идеалы христианской Европы абсолютно бесполезными убеждениями.

ГИТЛЕР. Где это вы у него прочитали?

КОКС. Я уже не помню, но в какой-то из его недавних статей.

ГИТЛЕР. Значит, вы его просто не так поняли.

КОКС. Вполне возможно. Поэтому я и спрашиваю вас.

ГИТЛЕР. Я должен сразу же вас поправить. Я не разделяю себя на политика и человека, и вопросы веры близки мне так же, как и всем простым немцам. Но буржуазия и кое-кто из священнослужителей незаслуженно обвиняют нас в том, что национал-социализм будто бы враждебен христианству и церкви. Это чушь, потому что борьба с большевизмом означает для нас и борьбу с безбожием. Широкие слои народа состоят не из философов, и поэтому их вера является единственной основой морально-нравственного созерцания в жизни. И мы не собираемся, как о нас говорят, преследовать кого-либо за их религиозные взгляды. Мне известно также, что между нашими

католиками и протестантами есть определенные противоречия, которые мешают нам даже во вхождении Германии в политическую жизнь Европы. Поэтому мы выступаем за скорейшее подписание конкордата с Ватиканом, о чем прекрасно знают как в католической партии «Центр», так и в римской курии. Ватикан уже подписал отдельные конкордаты с Баварией, Пруссией и Баденом, однако пока в рейхстаге преобладали социал-демократы вкупе с протестантами, дальнейшие шаги в этом вопросе были невозможны. Но мы все равно добьемся этого, и рано или поздно Ватикан признает наши права. Другое дело, что времена, когда церковники сразили Бисмарка, уже прошли, и они уже никогда не повторятся. Вы ведь не считаете, что церковь в двадцатом веке должна господствовать в нашей жизни так же, как она делала это раньше? Особенно если учесть, что положение Германии сегодня настолько сложное, что немцам нужна не только вера в бога, но и вера в свои собственные силы. Я сам крещен и конфирмирован и знаю – нельзя воспитать личность и мораль без веры. Однако не следует забывать: бог создал Германию для всех немцев, и вопрос единства нашего народа перед лицом грядущих преобразований является для нас главным в нашей национальной политике.

КОКС. То есть, если я правильно понимаю смысл ваших слов, в Германию снова придет новая волна культуркампфа?

ГИТЛЕР. Ни в коем случае! Мы не требуем от церкви признания нашей программы. Но ее правильное отношение к ней будет для нее определяющим.

КОКС. А правильное – это как?

ГИТЛЕР. Правильное – это когда каждому свое. Когда богу – богово, кесарю – кесарево, и никто не сует свой нос в чужие дела.

ДЕТИНГ. А если церковь вновь заупрямится?

ГИТЛЕР. Тогда ее не спасет даже конкордат. Повторяю еще раз: любые петиции церкви, которые будут содержать хотя бы малейшее намерение вмешаться в мирские дела, должны быть безоговорочно отвергнуты государством, которое будет освобождено даже от какого-либо их рассмотрения.

КОКС. То есть, главным для вас, как сказал недавно доктор Геббельс, будет лозунг «моя церковь – это моя партия»?

ГИТЛЕР. Да, потому что цель нашей национальной революции заключается в том, что мы создадим в Германии настоящее тоталитарное государство, которое будет пронизывать все сферы общественной жизни и тогда уже ничто не скроется от наших глаз.

ДЕТИНГ. А что тогда будет с парламентской системой?

ГИТЛЕР. Парламентская система тоже претерпит определенные изменения. Сегодня это уже ни для кого не секрет: Веймарская республика – это величайшая ошибка XX века. Это республика бесконечного стыда и позора, в то время как будущее германское государство и наша партия должны перейти одно в другое и образовать нечто третье, на чем будет печать нашей сущности. Посмотрите на наш сегодняшний парламент, на это посмешище на весь белый свет. Вот уже второй десяток лет, как его депутаты занимаются только тем, что под видом заботы о людях они пекутся лишь о своих партийных интересах. А народ Германии как влачил все эти годы свое жалкое существование, так и продолжает его влачить. Но мы положим этому конец. Новый парламент станет тем центром, в котором все наши решения будут без всяких проволочек претворяться в жизнь. И уже никакие апостолы пресловутой демократии не смогут оболгать наши выборы, потому что для победы в них мы обойдемся без каких-либо подтасовок, которые бессовестно используют они сами.

ДЕТИНГ. Поэтому у вас и бюст дуче на столе?

ГИТЛЕР. Да, и поэтому тоже. Потому что парламент Италии сегодня является образцом принятия важнейших государственных программ, которые выдвигает дуче. К тому же при полной поддержке самых широких слоев итальянского народа.

*Пауза.*

*(Глянув на часы; с досадой.)* Да, коллеги...

КОКС. Коллеги?

ГИТЛЕР. А разве нет? После того, как я написал и издал «Майн кампф», я сам теперь не чужд литературы. У меня в друзьях много писателей, поэтов, музыкантов, и... я горд этим. Это позволяет мне быть в курсе всей культурной жизни Германии, а она сегодня так богата на имена и события, что за каждым даже трудно уследить. А следить необходимо, если вы хотите в полном объеме владеть всей духовной жизнью Германии.

ДЕТИНГ. А вы считаете «Майн Кампф» литературным произведением?

ГИТЛЕР. Конечно, нет. Это философский труд.

ДЕТИНГ. И кто у вас в предтечах?

ГИТЛЕР. Ну, если вы имеете в виду какие-либо посторонние влияния, то нет – это плод моих собственных раздумий.

ДЕТИНГ. И все это – за год в тюрьме Ландсберга?

ГИТЛЕР *(с усмешкой)*. Нет, такие книги просто так, с кондачка, не пишутся. Так что это итог моих долгих размышлений. А написал я ее в тюрьме, да.

ГЕСС. Следующий вопрос, пожалуйста.

*Журналисты молчат.*

ГИТЛЕР *(уже с откровенным разочарованием глянув на часы)*. Да, господа... Если бы я знал, что за вопросы вы мне будете задавать, я бы ни за что не освободил для вас столько времени. Каждый день мне приходится решать целый ворох проблем, которые накопились в политической жизни Германии. И перед этой встречей я полагал, что именно о них мы и будем с вами говорить. А вы спрашиваете меня о каких-то пустяках.

КОКС *(виновато).* Хорошо. Давайте, действительно, придадим нашему разговору более продуктивный характер. Господин Гитлер, в одном из своих последних выступлений перед промышленниками Гамбурга вы сказали, что... *(Полистав блокнот)* я процитирую: «Нация возрождается только усилиями личности... Массы слепы и тупы... Каждый из вас лидер, и Германия состоит из таких лидеров...»

ГИТЛЕР. Да, я хорошо помню эту встречу.

КОКС *(продолжая).* А встретившись с мелкими торговцами, вы сказали совсем другое: «Личность не принимается в расчет; Германия растоптана, и немцы должны объединиться; интересы каждого должны быть подчинены интересам всех; благо коллектива всегда выше любого блага...»

ГИТЛЕР. И что? Что вы этим хотите сказать?

КОКС. Вопрос: когда вы всетаки сказали правду?

ГИТЛЕР. Я всегда говорю правду! То есть, я всегда говорю немцам то, что они хотят от меня услышать. Представителям крупной буржуазии я говорю одно – и это открывает мне их кошельки, представителям мелких торговцев я говорю другое – и это открывает мне их души. И каждый при этом начинает чувствовать себя нужным обществу, от чего оно только крепнет и становится единым как одна большая семья. Вы думаете, это нужно только мне? Нет, это нужно всей Германии.

ДЕТИНГ. А откуда вы так хорошо чувствуете, что ей нужно?

ГИТЛЕР. Не знаю. Это трудно объяснить, но я попытаюсь. Да, я родился в австрийском Линце, но я всегда чувствовал себя немцем – как будто сам дух Германии нашел себе место в моей душе. И я постарался сделать все, чтобы слиться со своей настоящей, а не мнимой родиной. И когда я первый раз посетил могилу Вагнера, мое сердце наполнила гордость от мысли, что под этой могильной плитой покоится человек, который поднялся выше своей эпитафии: «Здесь похоронен тайный советник Его превосходительства барон Рихард фон Вагнер, дирижер». Я горжусь тем, что этот человек, как и многие другие люди в истории Германии, смог сохранить для будущих поколений свое имя, а не свой титул. А кто-нибудь из вас испытывал когда-нибудь подобные чувства? Вряд ли. А я был буквально потрясен ими, хоть я человек далеко не сентиментальный. Именно в тот день я понял, что Германия живет во мне, как дитя в чреве матери, и как призывно бьется ее сердце.

*Заглядывает Альтман.*

АЛЬТМАН. Я извиняюсь, господа. *(Гитлеру.)* Мой фюрер! Партайгеноссе Геринг просит вас срочно позвонить в Берлин.

ГИТЛЕР *(вставая).* Да-да... *(Журналистам.)* Прошу прощения.

АЛЬТМАН. Вас тоже, партайгеноссе Гесс.

*Гесс тоже встает, все трое уходят.*

КОКС *(с усмешкой).* Ну что, коллеги? Какие впечатления?

ДЕТИНГ. Да, про Вагнера – это он вдохновенно.

КОКС. А про Веймарскую республику?

ДЕТИНГ. Ну, про Веймарскую республику – это он, возможно, и правильно, но вот про новый парламент в стиле Муссолини – это он хватил.

ЖУРНАЛИСТ *(вставая).* Ну... Я не знаю, как у господина Гитлера с вдохновением, но в какие-то моменты он действительно напоминает мне спящий вулкан.

ДЕТИНГ. Случайно не Везувий? *(Все посмеиваются.)*

ЖУРНАЛИСТ *(Детингу).* А вы что, действительно читали «Майн кампф»?

ДЕТИНГ. О, господи, да какой же нормальный человек будет читать весь этот бред! Так, полистал для очистки совести.

КОКС. Да, я в свое время тоже не удосужился прочитать сей «философский» труд. А вот теперь я, кажется, начинаю понимать, что напрасно этого не сделал. Потому что одно дело защищать несчастного апатрида с «нансеновским паспортом» в кармане, и совсем другое – выслушивать от него такие откровения.

ЖУРНАЛИСТ. Ничего, господин Кокс. Зато сегодня мы сполна восполним этот пробел в своем образовании. *(Все снова посмеиваются.)*

КОРРЕСПОНДЕНТ. А мне кажется, мы зря смеемся. Я много видел политиков, но такого я еще не встречал.

ЖУРНАЛИСТ. Это какого такого?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Ну, который был бы так уверен в себе.

ДЕТИНГ. Да, держится господин Гитлер довольно уверенно. Только вот говорит он, как мне кажется, далеко не все.

КОКС. Ну, так давайте будем сами активнее. Если уж господин Гитлер хочет заполучить нас, то пусть он сам будет более откровенным. Я, например, уже давно хочу спросить его о том, что он думает по поводу антисемитских заявлений Геббельса и Розенберга.

КОРРЕСПОНДЕНТ. У меня тоже есть вопросы, но...

*В это время возвращается Гитлер с Гессом, все замолкают.*

ГИТЛЕР *(садясь).* Еще раз прошу прощения, господа.

ГЕСС. Продолжаем, господа. Прошу вас.

КОКС. Господин Гитлер, одно из главных мест в вашей партии занимает руководитель вашей пропаганды доктор Геббельс. Он много выступает, причем, как на митингах, так и в вашей партийной прессе. Он напорист, красноречив, не ведает сомнений. Но не кажется ли вам, что его выступления достигают, скорее, обратного эффекта?

ГИТЛЕР. Почему?

КОКС. Ну, потому что они больше пугают обывателя, чем вдохновляют. И особенно его откровенно антисемитские заявления.

ГИТЛЕР. Нет, не кажется. Потому что на нем лежит мировоззренческое воспитание не только членов партии, но и других членов

нашего общества. Его выступления – это самая настоящая пропагандистская работа, которую он неустанно ведет изо дня в день. Помимо этого, он – вождь психологической войны, которую нам объявили наши противники. У этой войны нет правил, однако это совсем не значит, что ее нет или что мы не должны обращать на нее внимания. И когда мы придем к власти, я создам для него отдельное министерство пропаганды, которое будет столь же важным, как МИД в правительстве или Генеральный штаб в армии. В этом вы можете не сомневаться.

КОКС. Тогда стоит ли понимать это так, что речи доктора Геббельса, когда он возглавит это министерство, станут еще более резкими?

ГИТЛЕР. Разумеется. Вы же знаете: лес рубят – щепки летят. Или вы думаете, что когда мы придем к власти, дело обойдется без насилия? Нет, мы покажем всем, что у нас твердая рука как в экономическом, так и в национальном секторах. Но мы вовсе не собираемся, как об этом пишут, по дороге из Мюнхена в Берлин перевешать на телеграфных столбах всех евреев. Это чушь.

КОКС. Но об этом сам Геббельс недавно заявил.

ГИТЛЕР. Ну, может, Геббельс в запале какой-то дискуссии и сказал об этом, но это лишь свидетельство его полемической горячности, а не наша цель.

ДЕТИНГ. Хорошо. Но тогда у меня такой вопрос. Что, по-вашему, будут представлять из себя методы и стиль вашего руководства, если доктор Геббельс не прекратит свои нападки на нашу буржуазию и интеллигенцию?

ГИТЛЕР. Методы будут самые простые. Мы будем приказывать, а вы слушаться. Любое сопротивление будет подавлено нами в зародыше. Мы признаем лишь полное подчинение, когда низы слушают, а верхи правят. И такой порядок будет превыше всего, потому что кто в Германии умеет подчиняться, тот и сам может стать господином. Так что можете так и записать: если германская буржуазия вздумает мне мешать, она отправится в Каноссу. Я не позволю ей того, чтобы она подмяла меня под себя. Наоборот – это *я* использую ее в своих целях, даже если для этого мне придется прибегнуть к помощи кнута. А в случае если она и после этого будет брыкаться, я сброшу ее в пропасть раньше, чем коммунистов.

*Журналисты едва успевают записывать.*

А чтобы вам было окончательно понятно, я еще раз повторю наши ближайшие задачи. Мы беспощадно разделаемся с марксистами. Мы выбросим на свалку этот Версальский диктат. Будет создана новая армия. К тому же с новым Генеральным штабом. А Геббельс, который вызывает у нашей интеллигенции столько страха, своевременно позаботится о том, чтобы, опираясь на свой здравый смысл, 99 процентов немецких избирателей поддержали именно нашу программу. Но я заверяю вас: в политическом плане я вычищу берлинские конюшни еще до того, как покину Мюнхен. Так же я поступлю и в культурном плане. Вы, конечно, со мной не согласитесь, но Берлин сегодня не германский город. Некоторые представители немецкой интеллигенции с гордостью говорят мне: позвольте, но ведь Берлин – это самый демократический город в мире. А я им говорю, что это Вавилон, напичканный отбросами общества из всех европейских стран, а его якобы демократический уклад – это господство глупости и разрушения. Это – всемирная клоака, которая испускает свой зловонный дух на всю остальную Германию. Она отравляет этим духом все германское общество. Поэтому я и намерен вернуть Берлину облик столицы рейха, а не столицы развлечений.

КОКС. А что будет с прессой?

ГИТЛЕР. Пресса будет мобилизована на службу всему обществу, и она больше не будет служить каким-либо частным интересам. Мы за порядочную прессу, и это должны уяснить себе все издатели – или их газеты будут работать на единую идею возрождения Германии, или они прекратят свое существование. Пресса сегодня слишком сильное оружие, чтобы мы позволили использовать ее против нас и наших друзей.

ГЕСС. Еще у кого вопросы?

*Пауза.*

ГИТЛЕР. Ну что ж, пусть господа журналисты подумают, а я, чтобы закончить о прессе, добавлю вот что. Мы уже сейчас присматриваемся к своим врагам, которые строят против нас всяческие козни и с которыми мы рассчитаемся в будущем. И когда-таки наступит час расплаты, мы потребуем своего сполна. «Варфоломеевской ночи», разумеется, не будет, но каждый будет призван к ответственности согласно германскому закону. Но особенно мы не потерпим еврейских прислужников в печати, экономике и дипломатии. Германия, когда на евреев начались гонения в других странах, с пониманием приняла их у себя, хотя у них не было ничего, кроме болезней – как физических, так и политических. Тем не менее они уже во времена крестовых походов повели себя как самые отъявленные ростовщики, а сегодня они пролезли уже во все важнейшие для нас сферы государственной жизни. Даже генерал Людендорф в свое время сказал, что евреи всегда ставят свои финансовые интересы выше патриотических. Это ведь после их подсказок Вильгельм построил свой военный флот и вступил в противоборство с Англией. Что и стало потом той ошибкой, за которую Германия заплатила своим поражением в прошлой войне.

ЖУРНАЛИСТ. А разве причиной нашего поражения тогда была не война на два фронта? Об этом ведь даже Бисмарк предупреждал.

ГИТЛЕР. Нет-нет-нет! Это слишком поверхностное объяснение. Когда Австро-Венгрия объявила войну Сербии, всё должно было этим и закончиться. Однако в войну на стороне Сербии сразу

же вступила царская Россия, и всё покатилось, как снежный ком с горы. Но причиной вступления в войну Англии стал именно вильгельмовский флот.

ДЕТИНГ. А как же приказ генерала Людендорфа о начале «неограниченной подводной войны», которая в первые же дни обернулась гибелью совершенно мирной «Лузитании»? А в ответ на ее второй этап в 1917-м даже Америка вступила в боевые действия.

ГИТЛЕР. Да, это был просчет, но приказ о начале ее второго этапа отдал Вильгельм. Это было его личное повеление.

КОКС. Почему вы так уверены?

ГИТЛЕР. Потому что Людендорф сам мне об этом рассказал.

*Пауза.*

*(Коксу.)* Вы о чем-то хотите спросить, господин Кокс?

КОКС. Да, пожалуй.

ГИТЛЕР. Ну, так смелее.

КОКС *(собравшись)*. Почему вы все-таки так ненавидите евреев?

ГИТЛЕР. Вы ошибаетесь. Ненависть – это слишком сильное чувство, а я таких чувств не испытываю. В политике вообще нельзя давать волю чувствам, потому что со временем они могут захлестнуть ваш разум. А что касается евреев, то меня как немца беспокоят не их паразитические замашки, а куда более серьезные вещи. Если бы евреям с помощью их марксистского символа веры удалось одержать победу над народами мира, их корона стала бы венцом на могиле всего человечества. Тогда наша планета, как и миллионы лет назад, стала бы вновь носиться в эфире, безлюдная и пустая. И если у них выгорит что-то в Палестине, это будет отстойник для еврейской голытьбы. Богатые евреи всё равно туда не поедут, потому что настоящая обетованная земля у них уже есть – это Америка. И пока они будут торговать судьбами своих соплеменников, мы будем пополнять свою казну. Так что выступая против еврейского засилья в важнейших германских институтах, я более чем уверен – я борюсь за дело божие. *(Коксу.)* А теперь я спрошу вас, господин Кокс: а почему *вы* о них так печетесь?

КОКС *(растерявшись)*. Я?

ГИТЛЕР. Да, вы. И еще многие из таких, как вы. Например, вы очень часто помещаете в своей газете рекламу предприятий, которыми владеют, в основном, евреи. И оформление у нее гораздо красочнее, чем у других. Я ведь сам художник, я ведь вижу. Почему?

КОКС. Но это же... Вы же сами сказали, что реклама – это наш хлеб.

ГИТЛЕР. А, может, потому, что они платят вам мимо кассы?

*Пауза.*

*(Чуть ли не с отцовской интонацией.)* А это ведь прямой путь к коррупции и незаконному обогащению. Вы не находите? Смотрите, господин Кокс.

*В дверь снова заглядывает Альтман.*

АЛЬТМАН. Я еще раз извиняюсь, господа. *(Гитлеру.)* Вас снова Берлин к телефону, мой фюрер! *(Гессу.)* Опять же и вас, партайгеноссе Гесс.

ГИТЛЕР *(журналистам)*. Ну, вот видите. Даже поговорить не дают.

*Все трое уходят.*

КОРРЕСПОНДЕНТ *(обхватив голову руками)*. Господи, что я здесь делаю!

ДЕТИНГ. Черт! *(В сторону Кокса.)* Далась ему эта реклама.

КОКС *(вставая)*. Ну, борьба с коррупцией – это у господина Гитлера один из основных пунктов его программы.

ЖУРНАЛИСТ *(тоже вставая)*. А по-моему, это он сам себя вызывает к телефону. Чтобы и самому передохнуть, и нам дать время переварить весь этот бред.

КОКС. Ты думаешь? Ну, тогда придумка не очень.

ДЕТИНГ. Зато теперь наше будущее очевидно – если господин Гитлер придет к власти, он нас с удовольствием всех прикончит.

КОКС *(задумчиво)*. Да, Рихард... Мне тоже кажется, что если наше общество примет его идеи, а в них есть что-то от галлюцинации, Германию ждет катастрофа. Знаете, что сказал мне однажды Гугенберг? «Гитлер, словно торговец, – сначала назначает слишком дорого, а потом сам же начинает сбавлять цену...» И единственное, на что я надеюсь, – это на то, что такие влиятельные люди, как Гинденбург, Гугенберг и фон Папен все-таки поставят его на место. А еще лучше, если они снова спровадят его в кутузку Ландсберга.

ЖУРНАЛИСТ. И хорошо бы вместе с Тельманом.

КОКС. Да, но боюсь, что в нынешних условиях это не получится.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Почему?

КОКС. Потому что для этого нужна другая...

*Возвращается Гитлер с Гессом. Кокс сразу же умолкает, и все снова рассаживаются на свои места.*

ГЕСС. Продолжаем, господа.

ГИТЛЕР *(еще напористей)*. Так вот чтобы закончить разговор об Англии. Я не страдаю, как некоторые из немцев, излишней англофилией, потому что очень хорошо знаю глубоко подлую сущность англичан. Они во всем мире известны отсутствием совести в политике. Они – давнишние знатоки искусства прятать свои преступления за фасадом приличия. Они так поступали во все века, и это настолько стало неотъемлемой частью их натуры, что они уже не способны заметить эту черту. Они действуют с таким благонравным выражением и такой серьезностью, что умудряются убедить даже самих себя, что они служат примером политической невинности. Они никогда не признаются себе в этом лицемерии, потому что они не только подают себя как образец чистоты и непорочности – они сами себе верят. Вот почему я не собираюсь повторять в отношениях с ними ошибок нашего прошлого. И если им для защиты интересов их империи понадобится

военная помощь, – я сам предложу им использовать наших солдат. Потому что если англичане вместе с голландцами утратят свои ключевые позиции на колониальных континентах, это будет катастрофа. В том числе и для Германии.

КОКС. Вы говорите это для нас? Или для англичан?

ГИТЛЕР. Я говорю это для того, чтобы вы поняли: только в союзе с Англией Германия может обеспечить спокойствие не только в Европе, но и во всем мире, а не для того, чтобы усыпить, как вы говорите, ее бдительность. И партайгеноссе Гесс может подтвердить, что мы – за как можно более длительное примирение с Англией.

ГЕСС. Да, фюрер постоянно указывает на то, что Англия наш естественный союзник и партнер *(Показав на карту.)* Посмотрите хотя бы на ее географическое положение в мире и центральное место Германии в Европе, и вам сразу все станет ясно.

*Кокс вдруг усмехается.*

ГИТЛЕР. Вас что-то смешит, господин Кокс?

КОКС. Нет-нет, прошу прощения. Мне просто вспомнилась одна мысль Гете.

ГИТЛЕР. Ну, так поделитесь.

КОКС. Он, правда, высказал ее уже давно, но она, по-моему, актуальна и сегодня. «Пока мы, немцы, бьемся над решением философских проблем, заметил он, англичане с их умом и практической жилкой смеются над нами и завоевывают мир».

ГИТЛЕР. Эта мысль устарела уже вместе с Гете.

КОКС. Возможно. Но Англия, в отличие от Германии, не утратила своих колониальных владений.

ГИТЛЕР. Что ж, я понимаю вашу горечь.

КОКС. Горечь?

ГИТЛЕР. А разве нет?

КОКС. Ну... Хорошо. Считайте, что вы поймали меня.

ГИТЛЕР. Что значит, поймал? Я никого здесь не собираюсь ловить на слове. Просто для меня это еще одно доказательство того, что всех немцев объединяют одни и те же чувства. И поэтому я хорошо понимаю вашу горечь – вашу и миллионов других немцев, которые до сих пор считают грабительские итоги Версаля не только несправедливыми, но и – что еще важнее – унизительными для себя. Эти же чувства не оставляют и меня. Но я считаю, что придет время, и мы сполна вернем утраченное.

КОКС. Каким образом?

ГИТЛЕР. Я отвечу вам на этот вопрос чуть позже.

ГЕСС. У кого еще вопросы, господа?

*Пауза.*

ГИТЛЕР *(встает и начинает прохаживаться за спиной Гесса)*. Что ж, пока следующие вопросы готовятся, я продолжу. В нашей внешней политике есть и другие важные аспекты, на которые мы не должны закрывать глаза. Россия уже в недалеком будущем превратится в мощную силу и затопит не только Германию, но и всю Европу. Для нас это ясно, и поэтому мы не вправе упускать этого из виду. Наша задача закончить восстановление Германии еще до того, как Россия станет мировой державой. Да, Колосс пока спит. Но если он проснется, Германии придет конец. *(Подходит к карте и начинает показывать, иногда даже не глядя на нее.)* Пока мы, разумеется, не опасаемся ее интервенции, потому что между нами и этой славяно-азиатской ордой лежит шовинистическая Польша. И пока она будет заслонять нас от России с востока, мы обратимся к решению наших национальных проблем. Во-первых, мы урегулируем наши отношения с Францией, чтобы она научилась относиться к нам как к равноправному партнеру, а не как к орудию для достижения своих целей. Да, в Париже и сегодня слишком много тех, кто до сих пор думает лишь о репарациях. Но мы сделаем так, что французы поймут: немцы – это не та нация, которая будет долго сносить унижения и несправедливость. Во-вторых, Рузвельт со своими подручными наверняка не обрадуется национально-политическому пробуждению Германии. И если события сложатся так, что они снова столкнут нас лбами с Россией, – им придется считаться с окончательной битвой германской и славянской крови.

*Пауза.*

Но мы будем в состоянии обеспечить себе жизненное пространство и без войны. Рузвельту и его приятелям не удастся повторить политику Вильсона, потому что еще задолго до того, как Россия станет для нас опасной, мы сами, при помощи нашей пропаганды, организуем и сплотим вокруг нас все антикоммунистические силы Европы... В политическом смысле мы столкнемся с Россией в тот самый день, когда придем к власти. Это очевидно. Вот тут-то мы и пустим в ход созданный нами антикоминтерновской фронт. Он обеспечит нам не только политическую изоляцию России, но и внесет определенный разлад в умы западных деятелей. И, пока они будут вырабатывать свою новую политику по отношению к нам, мы получим необходимое нам время. На многое мы, разумеется, не рассчитываем, но 10-и лет будет достаточно. В военном отношении Россия никогда не будет нам страшна, потому что мы в это время создадим самую современную и сильную армию не только в Европе, но и в мире. Только слабая и ни на что не способная веймарская Германия будет легкой добычей для большевиков – так же, как это произошло и с самой Россией. Я хочу, чтобы вы поняли, почему сегодня новая государственность России не является чем-то прочным и надежным. В течение трех последних столетий в своей истории Россия жила за счет германского ядра в ее высших слоях общества. Теперь это ядро истреблено полностью и до конца. Его место при помощи революции заняли евреи. Даже Христос был арийцем, но Павел использовал его учение прежде всего для того, чтобы мобилизовать все преступные элементы в мире и заложить

фундамент предбольшевизма. Большевистская революция, таким образом, – это борьба еврейства против национальной интеллигенции других стран, чтобы при помощи самых низших слоев населения сначала уничтожить или выдавить ее из страны, а потом поставить на ее место евреев или зависимых от них существ. Но как русские, в силу своих расовых дефектов, не могут своими силами скинуть с себя ярмо евреев, так и одни евреи не в силах долго держать в своем подчинении это огромное азиатское государство. Сами евреи не являются элементом организации. Наоборот, они лишь фермент дезорганизации, и поэтому это несуразное государство неизбежно обречено на скорую гибель. К этому уже созрели все предпосылки. И конец еврейского государства в России будет означать и конец России как государства.

КОКС. Хорошо. Допустим, что Россия рухнет еще до того, как она развяжет против нас войну. Хотя мне и это кажется неочевидным. Однако, если война все же будет, что дает вам основание считать, что Германия непременно победит в ней?

ГИТЛЕР. Странный вопрос. Потому что я хорошо знаю не только историю Германии, но и немцев. Немецкий народ выдержал не одну войну с римлянами. Позже немецкий народ выдержал бесчисленные войны раннего и позднего Средневековья. Затем немецкий народ выдержал затяжные религиозные войны Нового времени. В последующие годы немецкий народ выдержал кровопролитную Тридцатилетнюю войну, а чуть позже и наполеоновское нашествие. Правда, он несколько сдал свои позиции в последней войне, когда в Версале на Германию набросился чуть ли не весь свет. Так неужели вы думаете, что немецкий народ не сможет победить в войне и с еврейско-большевистской Россией?

*Гитлер садится.*

Мы, таким образом, хорошо знаем, чего мы хотим для Германии и как мы будем поступать в той или иной ситуации. Но хочу повторить: если международные еврейские финансовые круги внутри и за пределами Европы все же преуспеют во втягивании европейских наций в новую мировую войну, мы не будем уклоняться или избегать ее. Но ее результатом будет не большевизация всего мира и победа мирового еврейства, а уничтожение еврейской расы во всей Европе, потому что времена, когда все другие нации были беззащитны в вопросах массовой пропаганды, уйдут в прошлое. Мы сами создадим в Германии соответствующие учреждения, которые дадут нам возможность своевременно просветить мир о существе и характере вопроса, который многие народы мира сейчас подсознательно ощущают, но еще не дошли до его сути. То есть, мы победим своего врага его же средствами. Однако если и после этого какие-либо враждебные нам силы в Америке или Европе вознамерятся создать вокруг нас атмосферу тревоги и начнут призывать к политике изоляции Германии, будьте уверены – заговорят наши пушки. В конце концов, жизнь – это лишь очередь за смертью, и на нас не будет вины, если кто-то из наших соседей захочет пролезть без очереди.

КОКС. То есть, вы сами будете готовы объявить новую войну?

ГИТЛЕР. Разумеется. Или вы думаете, что Первая мировая война была последней? Нет, потому что любой мир – это только передышка перед новой войной. С тех пор, как земля вращается вокруг солнца, пока существует холод и жара, буря и солнечный свет, до тех пор будет существовать и борьба. В том числе среди людей и народов. Если бы люди остались жить в раю, они бы сгнили. Человечество стало таким, каким оно сегодня является, только благодаря войне. Война, таким образом, это естественное и обыденное дело, а не какое-то из ряда вон выходящее событие. Можно сказать, что война, не прекращаясь, идет везде и повсюду, и тот, кто хочет жить, должен бороться. А тот, кто в этом мире вечной борьбы не хочет участвовать в драке, тот просто не заслуживает права на жизнь. Вот почему каждое поколение немцев должно непременно поучаствовать в войне.

ДЕТИНГ. Каждое поколение?

ГИТЛЕР. Да, и прежде всего нынешнее. Сколько лет на Германию сыплются все новые требования о разоружении, о лишении самостоятельности, о выплате репараций... В итоге в немецком народе родился тот несчастный дух, который в плане Дауэса увидел счастье, а в Локарнском договоре – успех. И лишь одно утешение можно найти в этом недуге: людей обмануть можно, но Бога – нет. Потому что именно с тех пор, когда немцы пошли по пути своего самоунижения, они не вылезают из нужды. Но мы покончим с этим. И если все эти господа-победители не поймут этого, Германия самостоятельно решит этот вопрос, и уже ничто не свернет нас с этого пути. *(Встает и снова подходит к карте; взглянув на Гесса.)* Теперь, господа, о наших действиях в Европе.

ГЕСС. Только я еще раз хочу напомнить, господа. Все, что вы сейчас услышите, должно остаться в строжайшей тайне.

ГИТЛЕР. Так вот в Европе дело пойдет о восстановлении исторической справедливости и возврате земель тем народам, которым они принадлежат по праву. Посмотрите на карту – вот где Версальский диктат должен рухнуть в первую очередь, потому что нельзя так грубо перекраивать границы государств только на том основании, что ты являешься победителем и тебе все позволено. Более того, все эти события произойдут даже без ведения каких-либо военных действий, а просто из стремления народов вернуться к своим древним истокам. И прежде всего это относится к исконно германским землям и территориям... Да-да, господа, я первый потребую возвращения Австрии в лоно рейха, а также включения в его границы немецких территорий Моравии и Судет. С аншлюссом Австрии особенных хлопот у нас не будет. Даже если

австрияки думают, что хорош лишь тот немец, который находится от них подальше, им с этим придется смириться. Вы скажете: а как посмотрит на это Швейцария? Однако вы не хуже меня знаете, что Цюрих, Базель и Берн – это старые немецкие города, и мы, в случае необходимости, напомним об этом. Жители Тессина говорят по-итальянски, а кому принадлежит Лугано, на это указывает уже его название. Французы получат Женеву и Лозанну в счет компенсации за другие потери... Бельгия – это всего лишь поддерживаемое искусственным питанием государство-уродец. К тому же мы, немцы, никогда не смирялись с утратой Эльзаса и Лотарингии. У меня, как у бывшего солдата, до сих пор сердце кровью обливается, когда я вспоминаю, как дико черные зуавы из французских частей насиловали там немецких девушек... Такое остается на всю жизнь. Теперь посмотрите – Дижон всегда был бургундским городом, а Лион считался тем плацдармом, откуда готы двинулись на юг. Ничто не помешает нам в том, что Корсика, Ницца и итальянские альпийские территории, которые принадлежат сегодня Франции, будут на законных основаниях переданы Италии, которая во главе со своим дуче Муссолини заключит с нами политический союз. А если французы все же попытаются нас провоцировать, они не успеют и глазом моргнуть, как во Франции возникнут баскское, бретонское и бургундское государства. К тому же в расовом отношении Франция претерпевает сейчас такие сильные негритянские влияния, что очень скоро можно будет уже смело говорить о возникновении нового африканского государства на территории Европы. Мне, например, совершенно не мешает, что флаг его королевского величества развевается над Суэцем, в Сингапуре или Гонконге, потому что я твердо знаю – никогда и ни один английский солдат не ступит на германскую землю. Так что Франция, в силу своих внутренних проблем, ни за что не пойдет на какие-либо авантюры против нас, а скандинавские страны вместе с Голландией и Бельгией наверняка не захотят примкнуть к ее политике окружения Германии. Более того, они не захотят остаться и нейтральными. А, может быть, даже попытаются найти с нами общий язык. *(Коксу.)* Вот вам ответ на ваш вопрос, как мы собираемся вернуть утраченное.

КОКС. Но... Как же так, господин Гитлер? Вы ведь только что, и довольно справедливо, сказали, что нельзя так вольно перекраивать границы государств только на том основании, что ты сильный. А теперь вы говорите о том, что сами намерены перекроить границы так, как это намечено в ваших планах.

ГИТЛЕР. Значит, вы просто плохо меня слушали. Я сказал не о новом переделе границ, а о восстановлении справедливости в распределении территорий между населяющими их народами. Ясно, что разные народы развиваются неравномерно. Один народ развивается, и ему становится тесно в своих границах. Другой, наоборот, деградирует в своем развитии и уже не может как следует культивировать те земли, которыми он владеет. Следовательно, только безыдейные и слабохарактерные люди могут считать, что те или иные границы на земле являются чем-то священным и не подлежащим каким-либо изменениям. Это просто не соответствует законам развития самой истории. Этот же принцип имеет самое прямое отношение и к странам восточной и юго-восточной Европы. Проживающие на этих землях немцы вместе с занимаемыми ими территориями должны вернуться в лоно своей родины Германии. Загреб и Братислава – это, если посмотреть, лишь пригороды Вены. Белград как был, так и остается крепостью Евгения Савойского. Хорватия, так же как и Словакия будут самостоятельными государствами. Венгрия, если она выберет союз с нами, возвратится на те земли, которые она потеряла после 1918-го года. Далмация, Триест и Истрия отойдут к Италии, а погрязшая в религиозных противоречиях Югославия при этом даже пикнуть не посмеет. Короче, Австрия, Швейцария, Бельгия, Югославия и Чехословакия должны будут исчезнуть с карты Европы как государства, а Румынии и Польше придется изменить свой государственный статут.

ДЕТИНГ. А какая судьба уготована Болгарии и Финляндии?

ГИТЛЕР. На Болгарию царя Бориса и Финляндию маршала Маннергейма планируется возложить специальную миссию на Востоке, поскольку от северной Норвегии и до самого Черного моря я намерен возвести мощный защитный вал, который оградит Германию не только от русских, но и вообще от какой-либо угрозы с востока. Задача нашей восточной политики состоит в том, чтобы как можно быстрее перевести балтийские народы на почву германской культуры и подготовить там широко задуманные нами новые границы рейха. А задача Украины будет состоять в том, чтобы обеспечить продуктами питания Германию и Европу, а весь континент сырьем. *(Возвращается на свое место и садится. Коксу.)* Что вы на меня так смотрите? Вас что-то смущает? Или я вас чем-то напугал?

КОКС. Нет-нет, я слушаю вас внимательно, и... Я просто восхищен тем, как тщательно разработана внешнеполитическая часть вашей программы.

ГИТЛЕР. Но иначе и быть не может, господин Кокс, если мы хотим вывести Германию в первые ряды не только европейской, но и мировой политики. И в претворении этих планов в жизнь меня, повторяю, беспокоит только растущая не по дням, а по часам экономическая и военная мощь большевистской России. Мы вообще не вправе равнодушно наблюдать за тем, какие изменения происходят сегодня в самых разных отраслях ее экономики, потому что это касается не только Германии, но и всего нашего континента. Славянщина вместе с диктатурой пролетариата – это сегодня самая опасная сила в мире. Вы только представьте себе те людские резервы, те богатейшие запасы сырья, ко-

торые находятся в руках Сталина, и вы поймете всю серьезность этой угрозы.

КОКС *(после паузы).* И все-таки, при таких впечатляющих перспективах для Германии, ваш план, на мой взгляд, совершенно не учитывает интересы и судьбы тех людей, которые будут невольно втянуты в этот водоворот. А ведь это миллионы людей по всей Европе. Что произойдет с ними, господин Гитлер? Не говоря уже о том, что такая политика наверняка настроит против Германии всё мировое сообщество.

ГИТЛЕР. Волков бояться – в лес не ходить. К тому же наша пропаганда сама подготовит почву для данных событий. Второе. Вы, может быть, удивитесь, но человеческая масса для меня – это биологическое тесто, которое мы используем для решения наших политических задач. Особенно если учесть, что в мире есть высшие расы, которые должны повелевать, и есть низшие, которые должны им подчиняться. Вспомните – изгнание евреев из Египта, уничтожение тысяч людей в Средневековье, массовое истребление индейцев в Южной, а затем и в Северной Америке, изгнание турок из Греции и резню армян в Турции... И что? Мир хоть раз содрогнулся от этих фактов? Или стал, как библейская Эсфирь, рвать на себе одежды и посыпать себе голову пеплом? Нет, все нашли себе новое пристанище, и жизнь снова потекла своим чередом.

*Журналисты даже прекращают записывать.*

Теперь еще один момент. По моим приблизительным подсчетам население Германии уже в ближайшие 5 лет возрастет до 80 миллионов человек, а его плотность составит примерно 135 человек на один квадратный километр. Однако если численность немцев меня радует, то плотность их проживания в наших современных условиях меня тревожит и буквально каждый день заставляет меня об этом думать. Мы не хотим, чтобы люди в Германии были вынуждены наступать друг другу на пятки и еще испытывать при этом вечные проблемы с продовольствием. Вот почему мы выступаем не только за справедливый передел границ – мы выступаем за большую переселенческую политику, которая откроет перед германским народом новые жизненные пространства и твердо определит его будущее. Причем, главная наша задача будет состоять не в том, чтобы германизировать присоединенные к нам земли по старым образцам, то есть, стараться привить живущему там населению немецкий язык и немецкое право, а в том, чтобы на этих землях повсеместно поселились люди с истинно германской кровью. Пример Эльзаса и Лотарингии, а также наших восточных провинций, в которых до 1918 года не следовали этому принципу, служит наилучшим доказательством того, что только такая политика германизации принесет нам свои плоды.

*Пауза.*

ГЕСС. Еще вопросы, господа. *(Пауза; глянув на часы.)* Ну, смелее, смелее, господа! У вас есть еще несколько минут, чтобы задать их. Что, нет вопросов?

*Журналисты переглядываются и молчат.*

**ЗАНАВЕС**

**ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ**

*Кабинет Адольфа Гитлера в канун Рождества. В вечерней темноте за окнами ярко мигают гирлянды рождественской иллюминации. Гитлер, сидя за столом, что-то сосредоточенно пишет. На столе рядом то и дело звонит телефон, но Гитлер, лишь послушав, тут же кладет трубку обратно.*

АЛЬТМАН *(постучав).* Извини, я на минуту.

ГИТЛЕР. Макс!.. *(Бросив ручку.)* Ну, ты же знаешь, что я занят.

АЛЬТМАН. Ладно, Адольф, не ворчи. Подмахни-ка лучше вот это. *(Кладет перед ним на стол бумагу.)*

ГИТЛЕР. Что это? *(Читает; звонит телефон.)*

АЛЬТМАН *(сняв трубку).* Да. А, привет, старина! Нет, фюрер очень занят. Позвони-ка ты лучше завтра. Ну, как проспишься, так и позвони. *(Кладет трубку.)*

ГИТЛЕР. Кто это?

АЛЬТМАН. Не обращай внимания.

ГИТЛЕР. Кто, я спрашиваю!

АЛЬТМАН. Ну, наш с тобой друг Морис.

ГИТЛЕР. Еще одна тень из прошлого. И чего он хочет?

АЛЬТМАН *(пожимая плечами).* К тому же пьяный в стельку.

ГИТЛЕР. Ну, тогда всё правильно. Пусть протрезвеет для начала.

*Пауза.*

*(Дочитав).* Нет, нет, нет! У нас нет таких денег. К тому же твои ищейки и не стоят их. Так что выдай им, как всем, и пусть катятся.

*Альтман забирает бумагу.*

Да, и позвони-ка ты Гофману, а то я что-то совсем о нем забыл. Пусть он немедленно берет свою «лейку» и на всех парах мчится ко мне. Да, и вот еще что... У меня еще такая встреча сегодня, а ты как будто спишь на ходу. Соберись. И снимай же, наконец, трубку вовремя, а то получается, что это не ты у меня, а я у тебя в помощниках работаю.

АЛЬТМАН. Гм-гм... Слушаюсь, мой фюрер! *(Хочет уйти, но в дверях останавливается.)* Слушай, Адольф. Я все хочу тебя спросить. Зачем тебе всё это?

ГИТЛЕР. Что?

АЛЬТМАН. Ну... *(С жестом.)* Вот это всё... Ты ведь всего уже достиг. У тебя шикарная квартира, машины, девки на шею вешаются. Чего тебе еще нужно?

ГИТЛЕР. Подожди, подожди.

АЛЬТМАН. Ну, на кой черт тебе всё это нужно? У всех уже одно Рождество на уме, а ты всё работаешь, работаешь.

ГИТЛЕР *(вперив в него взгляд).* Что-о?

АЛЬТМАН. То, что угробишь ты себя на этом деле, вот что.

ГИТЛЕР *(явно тронутый его участием).* Ты... Ты ничего не понимаешь. Иди.

АЛЬТМАН. Да я-то пойду. Тебя жалко. *(Уходит.)*

*Гитлер снова берется за ручку.*

ГЕББЕЛЬС *(из дверей).* Разрешите? Есть проблема, мой фюрер.

ГИТЛЕР. Да? А в чем дело? *(Геббельс кладет перед ним бумагу.)* Что это?

ГЕББЕЛЬС. Мое письмо в Гамбург, мой фюрер. Несколько дней назад наши умники там договорились до того, что публично обвинили местных промышленников в том, что у них отсутствуют моральные принципы и дух патриотизма. Скандал зашел уже так далеко, что те в ответ грозят так же публично ответить нам на эти обвинения в прессе.

ГИТЛЕР. Идиоты! *(Читает письмо.)*

ГЕББЕЛЬС *(под сурдинку).* Как вы все-таки этого Штрассера на суде разоблачили. Прямо под орех его разделали.

ГИТЛЕР. Ты что думаешь, мне это так легко далось? Ох, Геббельс, Геббельс! Ты иногда даже не представляешь, как легко ты выдаешь себя.

ГЕББЕЛЬС. Нет, мне тоже жаль Грегора.

ГИТЛЕР *(в изумлении).* Тебе жалко Штрассера? А как же тогда твоя пламенная речь на суде, которая даже у меня не оставила никаких сомнений?

ГЕББЕЛЬС. Да, но... Партийный суд не место для сантиментов. Тем более что Штрассер так и не покаялся за свои козни.

ГИТЛЕР. Ничего. Зато теперь у него есть время, чтобы подумать.

*Пауза.*

*(Дочитав.)* Ну что ж, все верно, Йозеф. Так что отправляй, и будем надеяться, что на этом вся эта буча и закончится.

ГЕББЕЛЬС. Благодарю вас. *(Берет письмо и хочет уйти.)*

ГИТЛЕР. Да, а что в Берлине?

ГЕББЕЛЬС. Уличные столкновения с красными участились, и временами доходит уже до кровопролития. К сожалению, уже есть жертвы.

ГИТЛЕР. У кого?

ГЕББЕЛЬС. Как у нас, так и у красных, мой фюрер.

ГИТЛЕР. Да, а ведь когда-то в одних окопах сидели. Хорошо, Йозеф, иди.

*Геббельс, уходя, пропускает Гесса.*

ГЕСС. Прошу прощения, мой фюрер, но у меня крайне интересная информация для вас. *(Следом входит раскрасневшийся Геринг.)*

ГЕРИНГ *(свернув кулак).* Теперь этот Гинденбург вот у меня где!

ГИТЛЕР *(остановив их).* Так, давайте-ка все по порядку.

ГЕСС. В Пруссии, как мне только что сообщил наш источник в МВД, полиция раскрыла крупную махинацию, в ходе которой была разворована многомиллионная помощь нашим восточным землям. В центре аферы несколько юнкерских семейств, а организатор и один из ее главных участников – сын президента Германии Оскар Гинденбург.

ГИТЛЕР. Кто?

ГЕСС. Оскар Гинденбург, мой фюрер.

ГЕРИНГ. А заодно и его папаше отвалили именьице!

ГИТЛЕР *(вставая).* Так-так-так... *(Крайне заинтересованный.)* Это интересная новость. А что этот фон Шлейхер?

ГЕСС. Пока не знаю. Но думаю, что он, как старый служака, закроет на это глаза. Они с Гинденбургом одного поля ягоды.

ГИТЛЕР. Да, но... тогда что из этого следует?

ГЕСС. Из этого следует, что...

ГЕРИНГ. Из этого следует, что прусская полиция наверняка положит это дело под сукно. Следовательно, мы должны опередить их и дать им понять, что нам это тоже известно. А я уж потом так прижму этого Гинденбурга, что из него дерьмо полезет.

ГЕСС. Ну, не будет он на старости лет мараться в этом.

ГЕРИНГ. А Геббельс, если он взбрыкнет, бифштекс с кровью из него сделает.

ГЕСС. И, значит, вы буквально в шаге от кресла канцлера.

ГИТЛЕР. Да, но только этого заплывшего жиром кабана нужно еще вывести на главного стрелка. А что в прессе по этому поводу?

ГЕСС. Ни слова.

ГИТЛЕР. Вот как! Ну что ж, это значит, что...

ГЕСС. Это значит, что информация об этом есть только у нас.

ГИТЛЕР. Да, это шанс... Это, Рудольф, такая бомба в наших руках, что мы разнесем к чертям весь этот веймарский режим.

ГЕРИНГ *(весь в предвкушении).* Я же говорю, это судьба.

ГИТЛЕР. Да, Геринг, это само провидение. Такие ситуации в истории на то и случаются, чтобы сильный, когда ему будет трудно, мог повернуть их на свою сторону. Однако все это нужно еще очень хорошо обмозговать, прежде чем мы возьмем их всех за горло.

ГЕРИНГ. Я займусь этим сегодня же, мой фюрер.

ГИТЛЕР *(Гессу).* А ты, Рудольф, когда приедет Тиссен, зайди ко мне с этим сообщением еще раз. Ну, как будто ты его только что получил. Понимаешь?

ГЕСС. Разумеется.

ГИТЛЕР. Хорошо. Ступайте.

*Геринг и Гесс уходят.*

*(Потирая руки).* Ну, вот ты, Гинденбург, и попался! Старый маразматик.

*Входит с небольшим кофром на плече Гофман.*

ГОФМАН. Можно?

ГИТЛЕР *(вставая).* А, Генрих! Здравствуй, дружище!

ГОФМАН. Добрый вечер, мой фюрер!

ГИТЛЕР. Вижу, держишь себя в форме. У тебя все готово?

ГОФМАН. Как всегда.

ГИТЛЕР. Хорошо. Тогда располагайся и будь готов к съемке.

*Гофман проходит в дальний конец кабинета и открывает кофр.*

*(Садясь.)* Теперь слушай меня внимательно, Генрих. Сейчас ко мне приедет наш старый с тобой знакомый Фриц Тиссен.

ГОФМАН *(округлив глаза).* О-о! Важная птица.

ГИТЛЕР. Очень важная. И поэтому в самом начале встречи я предложу ему сняться, так сказать, на память. Я больше чем уверен, что этот бодливый бык начнет отнекиваться. Так что если ты даже ничего не снимешь, не переживай. Мне и этого будет достаточно.

ГОФМАН *(с ухмылкой).* Я понял вас.

ГИТЛЕР. Отлично! *(Глянув на часы.)* Хм... Странно. Обычно этот «король угля и стали» точен, а сегодня он почему-то себе изменяет.

АЛЬТМАН *(из двери).* Мой фюрер, Тиссен внизу! *(Исчезает.)*

*Гитлер быстро встает и выглядывает в окно.*

ГИТЛЕР *(тихо).* Да, пожаловал, наконец. Благодетель.

*Альтман вкатывает в кабинет и ставит возле двери слева сервировочный столик на колесах – на нем кофе, чай, закуски, несколько бутылок с напитками.*

*Уходя, он едва не сталкивается в дверях с Гессом.*

ГЕСС *(громко).* Господин Тиссен и доктор Гейфельд, мой фюрер! *(За дверь.)* Прошу вас, господа! *(Впускает их и, уходя, закрывает дверь.)*

ТИССЕН *(разведя руками).* Ну, у вас и охрана на входе, господин Гитлер! Прямо с ног до головы меня обыскали.

ГИТЛЕР *(с улыбкой).* И что искали?

ТИССЕН. Не знаю. Оружие, наверно. Приветствую вас.

ГИТЛЕР. Нашли? *(Пожимает ему руку.)* Рад видеть вас, господин Тиссен.

ТИССЕН. Какое у меня оружие, господин Гитлер! Мое оружие вот... мой специалист по финансам доктор Гейфельд.

ГИТЛЕР. Значит, плохо искали.

ГЕЙФЕЛЬД *(с поклоном).* Доктор Гейфельд.

ГИТЛЕР *(кивнув ему; Тиссену).* А как вы в дороге? Не устали?

ТИССЕН. Представьте себе, нет. Во-первых, привычка. А, во-вторых, только проехав по землям Германии столько километров на машине, ты начинаешь понимать, насколько она многообразна и богата. И как это несправедливо, что она сегодня так несчастна. А в то же время все эти бегущие за окном виды наполняют тебя такой верой в ее будущее, что слезы на глаза наворачиваются. Да простится мне эта старческая сентиментальность.

*Проходит к окну слева и долго смотрит на улицу. Где-то далеко, почти неслышно, в небе вспыхивают огни петард.*

Да, Рождество в Баварии – это сказка. Столько огней вокруг, а снег настолько свеж и чист, что кажется, каждая снежинка светится.

ГИТЛЕР. А как у вас на Рейне?

ТИССЕН. А у нас как всегда – дымы, слякоть. Одним словом, Рур.

ГИТЛЕР. Так, может, вам согреться для начала? Можно с дороги и чем-нибудь покрепче, чем кофе или чай.

ТИССЕН. Алкоголь в резиденции фюрера?

ГИТЛЕР. Только для гостей, господин Тиссен.

ТИССЕН. Ну, тогда можно и чем-нибудь покрепче.

ГИТЛЕР *(приглашая их к столику).* Прошу вас, господа.

ТИССЕН *(подойдя и разглядывая бутылки).* Да... если бы англичане производили только виски, а французы – только коньяк, я, наверно, пил бы за их здоровье каждый божий день. Хоть это, наверно, и непатриотично. А что! Выпью-ка я, пожалуй, рюмку виски.

ГИТЛЕР. Вы, доктор Гейфельд?

ГЕЙФЕЛЬД. Нет, нет, нет! Я – чай. *(Наливает себе чашку чая.)*

*Входит Гесс.*

ГЕСС. Прошу прощения, господа. *(Передает Гитлеру записку и уходит.)*

ГИТЛЕР *(прочитав ее).* Хм!.. *(Прячет ее.)*

ТИССЕН. Но я смотрю, у вас, вопреки всем слухам, никто не унывает. Все собранны, все деловиты. Или это только для гостей такая видимость?

ГИТЛЕР. Нет, господин Тиссен, я не собираюсь пускать вам пыль в глаза. Сил для того, чтобы снова собрать партию в один кулак, ушло действительно немало. Да, мы несколько потеряли в количестве, но приобрели – особенно после суда над Штрассером – в качестве. Теперь партия как гранитный монолит, который не расколоть никаким молотом.

ТИССЕН. Да, но что, собственно, у вас произошло?

ГИТЛЕР. Предательство, господин Тиссен. Обыкновенное предательство. Недавно мне стало известно, что Шлейхер за моей спиной предложил Штрассеру пост вице-канцлера, а вместе с этим и должность госсекретаря Пруссии. Более того, он свел его с Гинденбургом, который якобы сказал ему, что он ни за что не назначит меня канцлером. Но это ложь! Это Штрассер не хочет, чтобы я стал канцлером! Одним словом, доклад Геббельса и показания фон Папена на суде разоблачили его полностью.

ТИССЕН. И какое же наказание он понес?

ГИТЛЕР. Заслуженное. Суд лишил его всех постов в партии.

ТИССЕН. Сурово.

*Пауза.*

Но это, как я понимаю, стоило вам немалых душевных сил, не так ли?

ГИТЛЕР. Все иронизируете. А я до сих пор не могу забыть, как Грегор уходил в тот день из гудящего от возмущения зала суда.

ТИССЕН. Да, мне тоже жаль Грегора. Он неплохо образован, и с ним всегда можно было поспорить.

ГИТЛЕР. Вам – да, но до тех пор, пока я руковожу партией, она не будет дискуссионным клубом

для бездарных литераторов и салонных большевиков.

ТИССЕН. «Бездарных литераторов» – это вы?..

ГИТЛЕР. О его братце Отто.

ТИССЕН. А «салонных большевиков» – это, значит...

ГИТЛЕР. О Грегоре.

ТИССЕН. Хорошо. А если он, как Отто, уйдет в открытую оппозицию?

ГИТЛЕР. Нет, Грегор так подавлен тем единодушием, с которым партия его осудила, что он уже вряд ли поднимется.

ТИССЕН. То есть, теперь вы спокойны и зла на него не держите?

ГИТЛЕР. Наоборот. Только сожаление.

*Пауза.*

*(Как будто случайно заметив Гофмана.)* Генрих! Извини, совсем о тебе забыл... *(Гофман тут же встает.)* Давайте сфотографируемся, господин Тиссен. *(Встает рядом с ним.)* Вы у нас впервые, так что самый подходящий момент для дружеского снимка.

ТИССЕН. Рискуете, господин Гитлер.

ГИТЛЕР. Нет, господин Тиссен, я не так наивен. Эти фото пока никуда не пойдут, хоть я и горжусь дружбой с таким могущественным и авторитетным в Германии человеком, как вы. Но как знать, может, они еще пригодятся нам в будущем. Если, конечно, Генрих к тому времени не спалит их, как ненужный хлам, где-нибудь на задворках своего ателье.

ТИССЕН. А не спалит, пригодятся как компромат.

ГИТЛЕР. На кого?

ТИССЕН. На меня, разумеется.

ГИТЛЕР. Ну-ну, господин Тиссен! Зачем так мрачно?

ГОФМАН. Так... Чуть внимания, господа! *(Быстро выбирает ракурс и делает несколько снимков.)* Ну, вот! Все в лучших традициях портретного жанра.

ГИТЛЕР. Спасибо, Генрих. Ты свободен.

ГОФМАН. Всегда к вашим услугам. До свидания, господин Тиссен.

*Гофман уходит.*

ГИТЛЕР *(достав из кармана записку Гесса и показывая ее Тиссену).* Скажите, господин Тиссен. Вот тут Гесс обратил внимание на то, что у вас сегодня какой-то странный номер у машины. Вы что, хотите сохранить свой визит ко мне в тайне?

ТИССЕН *(опешив).* Что?.. *(Отставив бокал на столик.)* У вас что, господин Гитлер, Гесс всех людей по своей мерке меряет?

ГИТЛЕР *(растерянно).* Прошу прощения, но... Я не ожидал, что мой шутливый вопрос вызовет у вас такую реакцию.

ТИССЕН. Не ожидали? А чего вы ожидали? Что я начну рассказывать, почему я оставил свой забарахливший «мерседес» в Бургау и взял на прокат другой? Но я не для этого сюда приехал, чтобы обсуждать здесь свои дорожные приключения. И хватит чаепитий. Мы оба с вами знаем, что впереди у нас трудный разговор, так что давайте к делу.

ГИТЛЕР. А вы не забываетесь, господин Тиссен?

ТИССЕН. Нет, господин Гитлер. Я отдаю себе отчет в том, что я говорю. И с *кем* говорю, я тоже понимаю.

ГИТЛЕР. Ну, что ж... *(Пригласив их к столу.)* Прошу.

ТИССЕН *(холодно).* Спасибо, но я привык излагать свои мысли стоя. И не на митингах, а на наблюдательном совете моего сталелитейного концерна.

*Все остаются стоять. Тиссен, как профессор во время лекции, начинает размеренно прохаживаться по кабинету.*

Так вот я поддержал вас еще в 23-м году, когда передал генералу Людендорфу 100 тысяч марок. Вы тогда пообещали мне, что покончите с коммунизмом на германских улицах, и я поверил вам. Я поддержал вас в 29-м, когда вы захотели приобрести вот эту резиденцию. Я поддержал вас в нынешнем году, когда собрал «Индустриальный клуб» в Дюссельдорфе, на собрании которого вам оказали щедрую финансовую поддержку. Наконец, я тоже вошел в созданный недавно альянс наших деловых кругов с тем, чтобы официально потребовать от Гинденбурга назначить вас канцлером.

ГИТЛЕР *(с показным безразличием).* Так в чем же дело? Требуйте.

ТИССЕН. Мы *уже* потребовали, господин Гитлер.

ГИТЛЕР *(не сразу).* Как?..

ТИССЕН. Мы сделали это в форме меморандума, который подписали владельцы 160-ти крупнейших германских предприятий с общим капиталом в 1,5 миллиарда марок. А если учесть, что совокупный капитал всех немецких предприятий составляет 2,2 миллиарда, то можете не сомневаться – решение Гинденбурга в этой пиковой ситуации будет, возможно, и вынужденным, но совершенно предсказуемым. *(Пауза.)* Так что с номером моей машины и дружескими снимками вы с Гессом, извините, несколько погорячились.

*Пауза.*

ГИТЛЕР *(сконфуженный).* Да, это неожиданная новость... Я только не понимаю, почему вы вдруг так открыто поставили на меня?

ТИССЕН. Да, мы сделали трудный выбор. Но главная опасность для нас заключается не в том, что Германия, как раскаленная докрасна стальная заготовка, вновь оказалась между молотом и наковальней, а в том, что за этим видится ее неминуемая перековка.

ГИТЛЕР. Хм! И как я должен понимать это сравнение?

ТИССЕН. Ну, это, знаете, как в некоторых дилеммах в логике, когда выбор между А и В все равно приводит к С.

ГИТЛЕР. Вы так тщательно подбираете слова, господин Тиссен, как будто хотите, чтобы я сам все сформулировал. Ну, и что же для вас С?

ТИССЕН. С – это диктатура и террор в Германии, и в этом смысле мне все равно, откуда, справа или слева, они будут исходить.

ГИТЛЕР. А в том, что все кончится именно этим, вы уверены.

ТИССЕН. Нет, не уверен. Но меморандум, повторяю, уже на столе у Гинденбурга, так что уповать теперь мы можем только на всевышнего.

ГИТЛЕР. Но ведь с бога потом не спросишь. А, господин Тиссен?

ТИССЕН. С него и не будут спрашивать. Спросят с нас.

ГИТЛЕР. И кто это будет?

ТИССЕН. Как всегда. История.

ГИТЛЕР. О! Но ведь история – это то, что уже произошло. То есть, то, о чем мы с вами можем уже судить.

ТИССЕН. Не всегда. В нашем случае, история – это то, что еще только может произойти. Или то, чего мы можем еще избежать.

*Пауза.*

ГИТЛЕР. Может, все-таки присядем, господин Тиссен?

ТИССЕН. Да, пожалуй. Разговор у нас длинный, так что можно и присесть.

*Все садятся.*

ГИТЛЕР. Да, интересное начало... А вам не кажется, господин Тиссен, что вы сразу же начали с того, чем обычно заканчивают?

ТИССЕН. Это привычка. Я всегда начинаю с главного. Но дьявол, как известно, кроется в деталях, о которых я и хотел бы с вами поговорить.

ГИТЛЕР. А это обязательно, что доктор Гейфельд здесь?

ТИССЕН. Да, потому что он тоже хочет кое-что от вас услышать.

ГИТЛЕР. И что именно?

ТИССЕН. Всему свое время. *(Пауза.)* Так вот первый сигнал тревоги прозвучал для меня уже в тот момент, когда я узнал, что в партии после выборов наметилась... ну, скажем так, определенная апатия, и из нее стали уходить.

ГИТЛЕР. Я ведь уже сказал: партия сегодня едина как никогда.

ТИССЕН. Допустим. Однако когда я узнал, что вы так и не смогли справиться с довольно перспективным предложением канцлера Шлейхера о том, чтобы создать в рейхстаге новую коалицию, я понял, что помощь нужна прежде всего вам, а не партии.

ГИТЛЕР *(удивленный)*. Мне?

ТИССЕН. Да-да, господин Гитлер. Именно вам.

ГИТЛЕР. Странно.

ТИССЕН. Ничего странного. И мой телефонный разговор с вами только подтвердил мои опасения. Я знаю, вы не любите, когда к вам лезут с советами и, тем более, когда начинают поучать вас. Но я все-таки расскажу вам одну историю. Однажды, когда мой младший брат Август в очередной раз не прислушался к советам отца, тот, потеряв терпение, решил его обанкротить. И знаете, чем ответил ему этот бунтовщик? Он возглавил начатую как раз в то время забастовку на наших семейных предприятиях. Смешно, правда?

*Пауза.*

Но Тиссены есть Тиссены, и я тоже считаю, что вложенные в какой-либо проект средства должны если уж и не принести доход, то хотя бы окупиться. Риск в нашем деле допустим, но он должен быть сведен до минимума. Все остальное – сухой расчет. Теперь о главном. Я – промышленник, господин Гитлер, и мой девиз по-прежнему прост: мощная экономика при сильном государстве. То есть, на развитие любой политической ситуации в Германии я смотрю, прежде всего, с точки зрения ее воздействия на нашу промышленность.

ГИТЛЕР. Со стороны хорошо смотреть.

ТИССЕН. Со стороны всегда полезно посмотреть. Особенно, если вы хотите увидеть не то, что вам хочется, а то, что происходит на самом деле. А происходит следующее. Успех коммунистов на осенних выборах привел к тому, что в Германии вновь обострилась борьба за власть. Причем, непримиримость сторон достигла уже такой степени, что, кажется, еще чуть-чуть – и дело дойдет до оружия. А желающих пустить его в ход у нас хватает. В том числе, и в вашем окружении. Да, кризис больно ударил по Германии: тысячи предприятий закрыты, Берлин в кольце палаточных лагерей, а сам город стал городом очередей. Все это вы знаете не хуже меня. Но главное заключается в том, что дно мы уже прошли, и в нашей экономике уже наметился рост. Он еще не так ощутим, но мы, промышленники, узнаём об этом раньше других. И если уж приходить во власть, то делать это нужно именно сейчас, когда в нашей экономике, повторяю, наметился подъем. Тот, кто окажется на гребне этого подъема, и станет его символом. Народ свяжет с ним все свои дальнейшие успехи. Скажу больше: единственное сейчас спасение для партии – это немедленно прийти к власти. Это парадокс, но это так. Другого такого шанса у вас не будет.

*Гитлер встает.*

ГИТЛЕР. Да, интересная ситуация: с одной стороны – немедленно, а с другой – ждать. А время уходит день за днем.

ТИССЕН. Ничего, времени у нас немного, но оно еще есть. Поэтому критика системы – да, демонстрации и митинги – да, но все только в рамках закона: сначала – назначение вас канцлером, потом, когда придет время, выборы нового президента...

ГИТЛЕР. Выборов нового президента, если я стану канцлером, больше не будет.

ТИССЕН *(непонимающе)*. То есть?

ГИТЛЕР. Должность президента Германии уйдет вместе с Гинденбургом.

ТИССЕН. Это... Это вы прямо вот сейчас так решили?

ГИТЛЕР. Нет, я решил это уже давно, но если уж мы затронули эту тему, я считаю своим долгом сказать вам об этом прямо. *(Пауза.)*

ТИССЕН. Да, озадачили вы меня, господин Гитлер.

ГИТЛЕР. Я *вижу*, что вам не нравится эта идея. А вам нравится, что Германией вот уже второй срок правит вконец выживший из ума старец? Что ему стукнуло

уже 84 года и что к окончанию его правления, если он, конечно, не отдаст богу душу раньше, ему исполнится уже 91? Нравится?

ТИССЕН. Ну, разумеется, нет.

ГИТЛЕР. А вы уверены, что эта комедия не повторится в будущем?

ТИССЕН. Нет, немцы умеют извлекать уроки из своей истории.

*Пауза.*

Ну, хорошо. Допустим, Гинденбург в таком возрасте долго не протянет. А что тогда будет с полномочиями президента?

ГИТЛЕР. Они перейдут в ведение канцлера.

ТИССЕН. Включая и полномочия главнокомандующего?

ГИТЛЕР. Разумеется.

ТИССЕН. И военные должны будут присягать уже вам, а не Германии?

ГИТЛЕР. Совершенно верно.

ТИССЕН. То есть... *(осторожно подбирая слова)* если я правильно вас понял, вы хотите сосредоточить в своих руках всю власть в Германии?

*Гитлер театрально склоняет перед ним голову.*

Недурно. И много у вас еще таких задумок?

ГИТЛЕР. А они вас что, пугают?

ТИССЕН. Нет, но неплохо было бы знать о них заранее.

ГИТЛЕР. Ну, зачем же я буду раскрывать перед вами все свои замыслы? Вам ведь потом самим неинтересно будет.

ТИССЕН. Да, но вы же не детектив мне почитать предлагаете, в котором только в конце должно стать ясно, кто убийца.

ГИТЛЕР. Я понимаю ваш намек. И если вас так тянет на сравнения, я отвечу вам тем же. Нет, это будет не детектив, а самая настоящая сага о том, как германский народ во главе со своим фюрером построит свою новую жизнь. А что касается единовластия, то это просто неразумно, строя экономику страны на авторитете отдельной личности, отвергать этот же принцип в политике, пытаясь заменить его демократией. Вот почему лозунг: «Один народ, один рейх, один фюрер», должен стать главенствующим для всех немцев.

*Гитлер возвращается на свое место.*

ТИССЕН. Ну, в таком случае, я хочу дать вам один совет.

ГИТЛЕР. Я слушаю вас.

ТИССЕН. Вы должны немедленно договориться с правыми. Только союз с ними спасет Германию от возможных потрясений.

ГИТЛЕР. И кого вы предлагаете мне в союзники?

ТИССЕН. Выбор невелик. Но Гугенберг с фон Папеном обязательны.

ГИТЛЕР. Прекрасно! То есть, я буду тянуть этот воз, а два этих умника во фраках будут вставлять мне палки в колеса. Так, что ли?

ТИССЕН. В одиночку вы его, господин Гитлер, не то что не потянете – вы его с места не сдвинете. Так что будет лучше, если вы все же договоритесь с ними.

ГИТЛЕР. Лучше – для кого? Для народа Германии или для вас, владельцев крупнейших германских монополий?

ТИССЕН. А вы видите разницу? Тогда возьмите, например, мой сталелитейный концерн. Да, сегодня его показатели из-за кризиса упали, но до кризиса это 37 миллионов тонн угля, 15 миллионов тонн стали и 9 миллионов тонн чугуна и кокса в год. Именно эта продукция на долгое время стала основой нашего экспорта, который не только дал нам возможность платить по репарациям, но и стал фундаментом возрождения всей экономики Германии. То есть, начиная с 24-го, сумма западных вложений в нашу промышленность...

ГИТЛЕР. Вы хотите сказать – американских вложений.

ТИССЕН. Разумеется. Так вот эта сумма составила 27 миллиардов марок, а на репарации у нас ушло всего лишь десять.

ГИТЛЕР. И сколько же из такой прорвы денег осело у Моргана?

ТИССЕН. Достаточно. Но уже в 27-м году наша промышленность вышла на довоенный уровень, и немцы вздохнули наконец полной грудью.

ГИТЛЕР. И какой в этом толк, если американцы устроили им новый кризис?

ТИССЕН. Они устроили его всем.

ГИТЛЕР. Почему же тогда он не коснулся большевистской России?

ТИССЕН. Ну... Это уже другой вопрос.

ГИТЛЕР. Нет, это тот же вопрос. Потому что план Дауэса заключался совсем не в том, чтобы поднять экономику Германии, а в том, чтобы не дать подняться России. Но Сталин не только раскусил его, но и сам начал свою индустриализацию. Вот почему этот план не только не достиг своей цели – он с треском провалился.

ТИССЕН. Ну что ж, это тоже было одной из целей. Но мы отвлеклись. Так вот у меня 300 тысяч рабочих мест. Повторяю – мест, а не рабочих, потому что о вынужденном локауте на моих предприятиях вы знаете. Теперь прибавьте к этой цифре членов семей работающих, и вы получите коллективный портрет всего Рейнланда. Так что спокойная и бесперебойная работа наших предприятий – это спокойная и благополучная жизнь всей Германии.

ГИТЛЕР. Хорошо. Если уж вы так хотите, чтобы Гугенберг с фон Папеном были в моем правительстве, они будут в нем. Но пусть они сначала решат, есть ли у них воля к будущим реформам или они способны только болтать о них.

ТИССЕН. То есть, вы согласны, но только на декорум?

ГИТЛЕР. Почему? На взаимодействие, но только на таких условиях.

ТИССЕН *(разочарованно)*. Ну, вот это я и хотел от вас услышать.

ГИТЛЕР. Подождите, господин Тиссен, я что-то перестал вас понимать... Вы приехали, сообщили мне, что потребовали от Гинденбурга назначить меня канцлером, а сами после этого говорите лишь о том, каким покладистым я должен стать в ваших глазах.

ТИССЕН. Возьмите себя в руки, господин Гитлер. Я делаю это лишь потому, что власть в сегодняшней Германии – это факел, которым можно осветить ей путь в будущее, а можно и сжечь ее дотла. И если *вы* этого не понимаете, то это хорошо понимаем мы, люди бизнеса. Вы какой путь хотите для нее выбрать – первый или второй?

*Гитлер встает и демонстративно собирает бумаги на столе.*

ГИТЛЕР. Прошу прощения, но наш разговор закончен, если вы хотите продолжать его в таком же неприемлемом для меня тоне.

ТИССЕН. Да будет вам, господин Гитлер! Тон вы задали сами, а я... Вы ведь знаете, я не любитель ссориться.

*Гитлер бросает бумаги на стол и садится.*

Вспомните октябрь 31-го, когда в Гарцбурге собрались представители всех высших слоев нашего общества, и у нас впервые появилась возможность создать единый национальный фронт всех правых сил Германии. Нужно отдать вам должное – на первых порах вы тоже внесли свой вклад в то, чтобы он состоялся. Но как только канцлер Брюнинг устроил вам аудиенцию у Гинденбурга, вы тут же изменили свою тактику. Да, вы подписали принятый на встрече манифест, но потом ушли в тень и сделали все для того, чтобы вас потом никто не обвинил в том, что вы пошли на сговор с этими «буржуазными подонками» или как там нас называют в СА... А когда полиция в эти же дни снова опечатала 4-е общежития ваших штурмовиков в Берлине, вы устроили их парад в Брауншвейге, чтобы все еще раз увидели, что их судьба заботит вас больше, чем эта важнейшая для всех встреча.

ГИТЛЕР. Да, я – социалист, господин Тиссен, и я не позволю себе, чтобы мои люди жили и питались хуже, чем я.

ТИССЕН. А мой отец был капиталистом, однако он *тоже* всю свою жизнь обедал вместе со своими рабочими. А однажды он даже не явился в имперский суд, потому что у него не оказалось для этого подходящего костюма. Это кажется смешным, но, может быть, именно поэтому его заводы стали крупнейшими в Германии.

*Пауза.*

Я ни в коем случае не хочу упрекнуть вас за Гарцбург, но мне обидно за наших генералов, которых вы вынудили приветствовать колонны ваших штурмовиков. А ведь генералы – это Гинденбург. Это ведь они формируют его мнение о вас. Вы хоть понимаете, что вы задели их тогда за самое больное?

ГИТЛЕР. Вы о тех генералах, которые сначала проиграли Великую войну, а потом еще и довели Германию до Версаля?

ТИССЕН. Нет, я о тех генералах, которые лишь ведут начатые войны, а проигрывают или выигрывают их экономические потенциалы воюющих сторон. Так вот для многих уже в те дни стало ясно, что вы признаёте только вашу единоличную власть. Да, Брюнинга вы все-таки убрали да еще добились такой убедительной победы на парламентских выборах. Фон Папен даже предложил вам пост вице-канцлера. Но что это за «три ночи свободы для СА», которых вы потребовали от него за его поддержку, и следствием которых стали расправы над рабочими в Кенигсберге и Силезии? К тому же СА – это не единственное, что бросает на вас тень. Есть ведь еще Отто Штрассер со своим «Черным фронтом».

ГИТЛЕР. Ну, в окружении Христа тоже был Иуда.

ТИССЕН. Да, но Иуда сделал из него символ веры. А кого Отто делает из вас?

ГИТЛЕР. Я знаю.

ТИССЕН. Допустим. Но он ведь теперь непрестанно говорит о том, что это именно его «фронт» борется за права германских рабочих.

ГИТЛЕР. Ничего, коммунисты тоже заигрывают с рабочими, но что-то у них тоже их не густо. Значит, что-то здесь не так. Что? Я вам отвечу. В Германии 17 миллионов рабочих, 7 миллионов из которых уже потерявшие свои корни люмпены. Поэтому партию Тельмана и называют партией безработных, а не партией рабочих. Так что в этом смысле Отто для нас опасен не более, чем пугало на огороде.

ТИССЕН. Вы так думаете?

ГИТЛЕР. Уверен.

ТИССЕН. А я вот не совсем. Этатистские идеи, которые лежат в основе его программы, родились в его голове не на пустом месте. Они – часть германского самосознания. К тому же его программа отличается от вашей только тем, что она более радикальна, и, слушая на каком-нибудь митинге Отто, обыватель невольно видит вас, господин Гитлер. Отто, таким образом, уже не просто пугает. Он отталкивает от вас тех, кто уже готов голосовать за вас. В *этом* его главная опасность, а не в том, что он национал-большевик.

*Пауза.*

Вы делаете умный ход – вы принимаете в штаб СА сына императора Августа Вильгельма и вводите в СС аристократию, а Отто за это поливает вас грязью и без конца обвиняет вас в предательстве. Ну, а что касается его большевизма в области управления экономикой, то я тоже за социальный баланс в обществе. Я тоже за корпоративную систему управления. В Америке ее уже давно применяет на своих заводах Джон Форд, в Италии ее уже частично ввел Муссолини, так что нам, как говорится, сам бог повелел. Самое интересное, что мой отец и понятия о ней не имел, однако когда цены на рынке начинали падать, он, понижая своим рабочим жалованье, всегда объяснял им, почему первое непременно влечет за собой второе. Вот почему на его предприятиях никогда... ну, почти никогда не было забастовок. Так что я, можно сказать, потомственный корпоративист. Нужно вводить рабочих в органы управления? Я *готов* к этому. Нужно объяснять им главные задачи предприятия? Я буду и *это* делать. Но никаких

рабочих организаций на предприятиях не должно быть.

*Пауза.*

Ну, а насчет вашей ориентации на национальные чувства немцев... Смотрите, как бы вам с этими чувствами палку не перегнуть. С аристократией, впрочем, так же как и с юнкерами, вы все делаете правильно. Это, что ни говори, люди чести.

ГИТЛЕР. Только не говорите мне об их чести, господин Тиссен, потому что я слишком хорошо знаю, что это за публика. Я воевал на Сомме и на Марне. Меня травили газом под Ля Монтенем. Я лежал в госпиталях Беелитца и Уденарде и нигде не видел рядом с собой аристократа или юнкера. Зато в штабах их было полно. И чем дальше штаб был от фронта, тем больше их там было. И свои «железные кресты» они получали чаще, чем мы – осколок или пулю. Так что когда мы принимаем этих господ в СС, мы делаем это для их же блага, а не для того, чтобы поднять уровень наших партийных структур.

ТИССЕН. Да, у нашей аристократии есть свои недостатки, но внутренне она свой выбор уже сделала. Куда сложнее вопрос с нашей художественной элитой, потому что как только развитие событий поставит под угрозу ее безмятежность, она, не колеблясь, откажется от своих претензий на роль духовного пастыря нации и переберется куда-нибудь за океан. А потом еще и обвинит германский народ в том, что во всех бедах виноват лишь он сам. Так что вам нужно будет приложить максимум усилий для того, чтобы наш духовный пейзаж не превратился в безлюдную пустыню. Вспомните, как обеднела Россия после того, как ее покинула вся элита.

ГИТЛЕР. Вы думаете, наша элита похожа на русскую?

ТИССЕН. В этом смысле, к сожалению, да. Посмотрите хотя бы на то, как живет сегодня небезызвестный господин Ремарк.

ГИТЛЕР. Это который «На западном фронте без перемен»?

ТИССЕН. Он самый. Не успел разбогатеть на этой книжке, как ему уже не до бед своего хлебнувшего горя поколения. Теперь он скупает Сезанна и Ван Гога и развлекается уже не с какой-то там танцоркой Рифеншталь, а с самой Марлен Дитрих.

ГИТЛЕР *(опешив)*. А разве он был любовником фройляйн Рифеншталь?

ТИССЕН. Ну... Если они жили вместе.

ГИТЛЕР *(озадаченный)*. Странно. Я знаком с Лени, и она, по-моему, вполне порядочная немецкая девушка.

ТИССЕН. Вы знакомы с Лени Рифеншталь?

ГИТЛЕР. Да. Весной, после моего предвыборного выступления в Берлине, она написала мне страстное письмо, и я решил познакомиться с ней поближе. Лени, оказывается, очень поразили мои слова о том, что общественные интересы в будущей Германии должны быть выше личных. А недавно Лени приезжала в Мюнхен на премьеру своего нового фильма, и знаете, что она мне сказала? Она сказала, что теперь, куда бы она ни пришла, все только и говорят о том, что Гитлер – единственный сегодня в Германии политик, который избавит немецкий народ от безработицы и нищеты. Понимаете? Вот что общество волнует прежде всего, а не то, как я буду бороться с этим недугом.

*Тиссен ловит на себе взгляд Гейфельда и кивает.*

Но у вас устаревшие сведения, господин Тиссен. Фройляйн Лени давно уже не танцорка, а самая настоящая актриса, и у нее, по-моему, большое будущее.

ТИССЕН. Ну что ж, я рад за нее. Теперь позвольте, господин Гитлер, я все-таки дам вам еще один совет.

ГИТЛЕР. Я слушаю вас.

ТИССЕН. Оставьте в покое евреев. Не ройте ни себе, ни нам яму.

ГИТЛЕР *(всплеснув руками)*. Опять вы за свое! И почему вы все время поднимаете этот совершенно неинтересный мне вопрос? Где бы мы с вами ни встретились, вы постоянно – о евреях! *(Встает и нервно ходит по кабинету.)*

*Пауза.*

Поймите, я хочу решить *немецкий* вопрос. А свой *еврейский* вопрос пусть евреи решают сами. Все. Точка. *(Демонстративно садится на свое место.)*

ТИССЕН. Хорошо. Я, скажем так, готов согласиться, что этот вопрос заботит вас меньше всего. Однако дыма без огня не бывает. Достаточно лишь посмотреть на вокзалы в наших городах, чтобы увидеть – самые прозорливые из евреев уже покидают Германию.

ГИТЛЕР. Ну... Миграция населения при такой безработице, как у нас, – это нормальный процесс, господин Тиссен. В том числе и для евреев.

ТИССЕН. А если за этим что-то другое?

ГИТЛЕР. Что, например?

ТИССЕН. Страх. Простой человеческий страх за свою жизнь.

ГИТЛЕР. Страх! Страх на то и существует, чтобы его преодолеть.

ТИССЕН. Это на войне. Но мы же с вами не на войне, господин Гитлер.

ГИТЛЕР. Разве? А я считаю, что немцы по-прежнему живут, как на войне.

ГЕЙФЕЛЬД. Но ведь люди, снимаясь со своих насиженных мест, теряют не только свой кров, но и свой скромный достаток.

ГИТЛЕР. Неужели? А вот господин Тиссен говорит, что кризис уже пошел на убыль, и что ему скоро снова понадобятся люди.

ГЕЙФЕЛЬД. Да, но в цехах нужны рабочие, а не...

ГИТЛЕР. Евреи. Ну, смелее! Вы же это хотели сказать.

*Гейфельд теряется.*

Вообще откуда евреи взяли, что бог создал их только для того, чтобы они спокойно брали свои проценты, а во всех остальных сферах жизни паразитировали на теле и труде других наций? Как будто все остальное вовсе и не их ума дело, а?

*Пауза.*

Так что пусть сначала евреи попробуют, что такое настоящий труд, а потом мы поговорим с вами об их лишениях.

ГЕЙФЕЛЬД. Ну... Да, в этом есть зерно. Но самое обидное в том, что мы уже столько лет в Германии, а немцы все равно не считает нас своими.

ГИТЛЕР. И что вы этим хотите сказать? Что вы по-прежнему будете оставаться евреями, а мы при этом должны считать вас немцами? Но это, простите, чушь! *(Тиссену.)* Геббельс рассказал мне недавно один случай. В Бабельсберге один еврей обратился в суд только за то, что кто-то из его немецких соседей назвал его евреем. Хотел бы я увидеть хоть одного немца, который обиделся бы на еврея за то, что тот назвал его немцем.

ТИССЕН. Ну, это, скорее, бытовой курьез.

ГИТЛЕР. Курьез? Нет, господин Тиссен, это не курьез. Это очень опасная и навязанная нашему обществу извне линия. Заметьте: сегодня в Германии любой вопрос обсуждается открыто, и каждый из немцев имеет право на свое собственное мнение по любому из них. И есть только один вопрос, на который почему-то наложено табу – это еврейский вопрос. Почему? Вы можете мне сказать?

ТИССЕН *(растерянно)*. Ну...

ГИТЛЕР. Не утруждайтесь. Я знаю на него ответ. *(Гейфельду.)* Теперь еще один вопрос. Если уж вас так пугает наша позиция в этом вопросе, зачем же тогда ваши банкиры дают мне деньги? Хотят задобрить? Или откупиться?

ГЕЙФЕЛЬД. Ну, у каждого из них, наверно, какой-то свой расчет.

ГИТЛЕР *(быстро)*. Расчет на что? Что Гитлера можно подкупить? Но Гитлер не торгует индульгенциями.

ГЕЙФЕЛЬД. Но вы же берете эти деньги.

ГИТЛЕР. У ваших банкиров – нет. Я получаю их через конторы Гугенберга, потому что передавать их мне напрямую они, видимо, стесняются.

ГЕЙФЕЛЬД. Но это ведь совершенно не меняет суть дела.

ГИТЛЕР. Так кто же из нас более непоследователен – ваши банкиры, которые дают мне деньги, или Гитлер, который их берет?

*Пауза.*

*(Тиссену.)* Я – политик, господин Тиссен, и, следовательно, должен быть прагматиком. Хотя вы, при всей вашей известной щепетильности, тоже, когда у вас горит, ведете себя так же. Вам ведь жаль рабочих, которых вы уволили?

ТИССЕН. Естественно.

ГИТЛЕР. Но вы все равно выставили их за ворота, потому что этого от вас потребовала логика выживания в условиях экономического кризиса. Отказавшись от части рабочих, вы сохраняете главное. Так почему же вы *мне* отказываете в подобной логике?

ТИССЕН. Но это же разные вещи, господин Гитлер.

ГИТЛЕР. Почему? По-моему, в обоих случаях речь идет о деле.

*Пауза.*

ТИССЕН. Вот по этой причине вы рискуете недосчитаться в Германии не только евреев, но и их денег. А это капиталы Варбурга, Гленера, Манделя. Это большие деньги. Ну, часть наличности вы каким-либо образом конфискуете. Но все это будет карманной мелочью по сравнению с тем, что непременно начнет работать уже в банках Моргана.

ГЕЙФЕЛЬД. То есть, вы получите пустоту. Воздух.

ГИТЛЕР. Достаточно. Я понял. Ваши капиталы уплывут за океан, а брошенные вами на произвол судьбы предприятия – это все, что я получу, если...

ТИССЕН. Если не прекратите давить на евреев, а потом еще и объявите им какую-нибудь экспроприацию...

ГЕЙФЕЛЬД. Или национализацию...

ТИССЕН. Или приватизацию...

ГЕЙФЕЛЬД. Назовите это как угодно, но так и будет.

ГИТЛЕР. Но откуда такие страхи, господин Тиссен? Я уже говорил вам и повторяю еще раз – никакой национализации и повышения социальных выплат не будет. Наоборот, наши крупные промышленные предприятия, поскольку они останутся в частной собственности, ни в коей мере не будут противоречить интересам нашего общества. Они – главная опора нашей экономики, и я не собираюсь рубить сук, на котором держится все благосостояние немцев. Такое же отношение будет и к нашим банкам, которые останутся в собственности их владельцев. Только важнейшие государственные заказы, выполнение которых потянет за собой и развитие остальных отраслей нашей промышленности.

ТИССЕН. Звучит заманчиво, но ведь даже в вашей новой программе есть пункт, который гласит, что вы – за национализацию.

ГИТЛЕР. Да, но это ведь всего лишь пропагандистский ход, господин Тиссен! Неужели вы этого не понимаете?

ТИССЕН. Понимаю. Но поймите и вы, господин Гитлер. В наследство вы получите еще и выплаты по репарациям. А это уже, по плану Янга, не просто чугун и сталь, которые вам нужно будет еще продать. Это еще и миллиард золотых марок ежегодно.

ГИТЛЕР. Ну, уж нет! С этим грабежом я покончу раньше, чем все эти господа в Париже и Лондоне успеют выпить по чашке кофе.

ТИССЕН. Это неплохо для выступления на партийном митинге, но что вы будете делать, когда уже *ваши* заводы и фабрики потребуют средств?

ГЕЙФЕЛЬД. А их у вас не окажется...

ТИССЕН. И вопрос снова упрется в деньги...

ГЕЙФЕЛЬД. И тогда вы или забудете о своих обещаниях, или все же найдете разумный компромисс между тем, что вы обещали, и тем, что можете.

*Пауза.*

Добиться взаимности в отношениях с деньгами так же непросто,

как добиться внимания неприступной красавицы с приданым. Но в любом случае сначала вам придется ухаживать за нею, а потом уже – ей за вами. Я приведу вам, если позволите, один пример. В Германии есть известный далеко за ее пределами господин Крупп. А в Нью-Йорке – известный даже в Европе банк «Голдман Сакс и К». И как господин Крупп всегда знал об этом банке, так и в банке всегда знали о господине Круппе. Однако когда господин Крупп недавно оказался в сложной ситуации и попросил у банка «Голдман Сакс» кредит, тот не стал спешить. Дело застопорилось, и господин Крупп едва не впал в отчаяние. И только когда ему предложил свои услуги владелец небольшого банка в Эссене и мой друг Симон Гиршланд, господин Крупп получил-таки кредит.

ГИТЛЕР. Вы так говорите об этом, как будто он получил его бесплатно.

ГЕЙФЕЛЬД. Нет, бесплатных денег не бывает.

ГИТЛЕР. И что в этом хорошего, если самый крупный в Германии арсенал стал зависеть от какого-то заморского банкира?

ТИССЕН. Главное, арсенал Круппа жив, господин Гитлер.

*Гейфельд встает.*

ГЕЙФЕЛЬД. Поймите, господин Гитлер, деньги в нашем деле – не самоцель. Деньги для нас лишь инструмент, который должен постоянно работать и приносить прибыль. Это не мы, как о нас думают обыватели, владеем капиталами – это они владеют нами. Вы можете сколько угодно изучать, например, всяческие течения в мировом океане, но вы никогда не сможете даже представить себе те невидимые потоки, по которым в мире ежедневно, если не ежечасно, перемещаются огромные массы денег. И в этом смысле их власть – это самая универсальная власть в мире. Она правит не только людьми – историей.

ГИТЛЕР. Вам бы книги писать, доктор Гейфельд.

ГЕЙФЕЛЬД. Что я и делаю. Потому что передвижение в мире денег для меня – это такая же тайна, как и передвижение звезд на нашем небосклоне.

ТИССЕН. А ведь красиво, черт возьми!

ГЕЙФЕЛЬД. О, да! О деньгах я могу говорить часами.

ГИТЛЕР. Нет-нет-нет! У меня сегодня нет столько времени, чтобы я мог транжирить его на такие отвлеченные темы.

ГЕЙФЕЛЬД. А зря. Потому что это как раз та тема, господин Гитлер, которую вам нужно знать. Вспомните, как быстро обнищала Испания, когда Торквемада изгнал оттуда евреев. И какой подъем испытала Голландия, а вслед за нею и Англия, когда туда перетекли наши капиталы. Даже Нью-Йорк когда-то был заложен как «Новый Амстердам», а о знаменитой Уоллстрит и говорить нечего. Это ведь, если буквально, улица-стена. Это бастион, но не для защиты от коварных и злых индейцев, нет – для защиты капитала.

ГИТЛЕР. Ишь ты, куда вас понесло! Вы еще расскажите мне, что такое «Вест-Индская» и «Ост-Индская» компании, и на основе каких колониальных грабежей вы тогда сколотили себе целые состояния. Это ведь только для простачков – «эпоха великих географических открытий», а для вас это было прежде всего эпохой легкой и быстрой наживы.

ГЕЙФЕЛЬД. Правильно. Потому что кораблями этих компаний двигали сначала деньги, а потом уже ветер в парусах.

ГИТЛЕР. То-то я смотрю, среди вас столько мореходов.

*Пауза.*

Отсутствие почвы под ногами – вот в чем ваша беда. И поэтому там, где у других народов история, судьба, культура, у вас одни деньги в голове.

ТИССЕН. Ну, может быть, относительно мореходов вы и правы, но как же тогда Малер, Кафка, Эйнштейн?

ГИТЛЕР. Кто? Малер? Но... Это всего лишь часть европейской музыкальной культуры. Кафка? Но это лишь часть европейской литературной традиции. Эйнштейн? Но это всего лишь часть европейской научной мысли. Вы забыли еще о Спинозе, которого евреи сами вытурили из своего гетто в Амстердаме, после чего он, кстати, и стал философом. Это же относится и к Кафке. Еврей, проживший всю свою жизнь в чешской Праге и писавший на немецком языке – он кто? Вы можете мне сказать? Нет, не можете.

ГЕЙФЕЛЬД. Допустим. Но вы же сами себе противоречите, господин Гитлер.

ГИТЛЕР. В чем?

ГЕЙФЕЛЬД. Вы утверждаете, что творчество евреев целиком лежит в лоне европейской культуры. Но тогда из этого логически следует, что оно – элемент этой культуры, а не какой-то паразитирующий на ее почве сорняк.

ГИТЛЕР. Не вижу противоречия. Потому что если еврейское творчество исчезнет, наша греконордическая культура останется в целости.

ГЕЙФЕЛЬД. Она обеднеет.

ГИТЛЕР. Наоборот, очистится.

ГЕЙФЕЛЬД. Ну, хорошо. Пусть будет так. В конце концов, вся европейская цивилизация опирается на истины, рожденные в недрах нашего еврейского сознания.

ГИТЛЕР. А вам не кажется, что там же они и умерли?

ГЕЙФЕЛЬД. Нет, эти истины бессмертны.

ГИТЛЕР. Да, но почему только для других, а не для вас?

*Гейфельд молча пожимает плечами.*

ТИССЕН *(вставая)*. Да, господин Гитлер, с тех пор, как я познакомился с вами в 23-м, вы сильно изменились.

ГИТЛЕР. Вы тоже, господин Тиссен. И если в те дни вы помогли мне по зову сердца, то сегодня вы уже ведете себя, как барышник на ярмарке.

ТИССЕН. Простите, господин Гитлер, но мы, промышленники, свое слово уже сказали. А что касается ваших финансовых про-

блем, то у меня сейчас и в самом деле нет средств, которые я мог бы выделить на нужды партии. Но в Кельне есть человек, готовый уже хоть завтра решить этот вопрос. Естественно, при определенных гарантиях.

ГИТЛЕР. Ну, и кто же это, если не секрет?

ГЕЙФЕЛЬД. Это господин Шредер, господин Гитлер.

ГИТЛЕР. Что, опять еврей?

ТИССЕН. Выбирать не приходится.

*Пауза.*

ГИТЛЕР. А вы не боитесь, господин Тиссен, что чем сильнее вы меня сейчас прижмете, тем больнее потом будет вам самим?

ТИССЕН. Боюсь. Очень боюсь! Я говорю вам это искренне. Но именно поэтому я и хочу, чтобы мы с вами сегодня поняли друг друга. *(Гитлер отходит к окну и украдкой смотрит на часы.)* Вы кого-то ждете, господин Гитлер?

ГИТЛЕР. Нет, просто это моя старая привычка следить за временем.

ТИССЕН. Да, время – деньги.

*Пауза.*

Так что же вы все-таки скажете, господин Гитлер?

*Входит Гесс.*

ГЕСС *(Гитлеру).* Прошу прощения, мой фюрер, но у меня очень важная информация для вас. Вы должны это знать.

ГИТЛЕР *(с деланной досадой).* Рудольф! У нас тут такой серьезный разговор, а вы... Ну, хорошо. Слушаю вас.

ГЕСС. Я могу говорить при наших гостях?

ГИТЛЕР. От господина Тиссена у меня нет секретов.

ТИССЕН *(Гитлеру).* Но, может, нам все же лучше выйти?

ГИТЛЕР. Нет-нет-нет! *(Гессу.)* Прошу вас, Рудольф. Что там у вас?

ГЕСС. В Пруссии, как мне только что сообщил наш источник в МВД, полиция раскрыла крупную махинацию, в ходе которой была разворована многомиллионная помощь нашим восточным землям. В центре аферы несколько известных юнкерских семейств, а один из главных ее организаторов – сын президента Германии Оскар Гинденбург.

ГИТЛЕР. Кто?

ГЕСС. Оскар Гинденбург, мой фюрер. Заодно и его папаше отвалили именьице. Так что положение самого Гинденбурга теперь очень щепетильное.

ГИТЛЕР. Невероятно!

ТИССЕН *(тихо).* Старый идиот!

ГИТЛЕР. Благодарю вас, Рудольф. Вы свободны. *(Гесс уходит; Тиссену, с укоризной.)* И это сын рейхспрезидента! А вы еще говорите мне об их чести.

ТИССЕН. Да, выходит, что Гинденбург сам подставляется под ваш выстрел.

ГИТЛЕР. Выходит, что так.

ТИССЕН. А уж момент, так лучше и не придумаешь. Не так ли?

*Гитлер лишь молча разводит руками.*

И все же у меня такое ощущение, что кто-то из нас двоих играет краплеными картами. Вы с Гессом разыграли сейчас неплохой спектакль, но я в жизни видел спектакли и получше. И если вы рассчитываете на то, что с помощью этого жареного факта сможете повлиять на Гинденбурга, вы ошибаетесь. И Шлейхер, который стал канцлером не без помощи Оскара, никогда не сдаст своего прусского друга. Поэтому только сложение интересов всех правых сил Германии принесет вам успех. А спектакль получился неплохой, согласен.

ГИТЛЕР. О каком «спектакле» вы мне говорите, господин Тиссен! О каком, если я сам это только что услышал! Более того, это *я* с вами откровенен. Вы же мне все время чего-то недоговариваете, хотя говорите много и, как всегда, менторским тоном.

ТИССЕН. Помилуйте, господин Гитлер! Это вы упорствуете и даже в такой трудный для вас час не хотите брать на себя никаких обязательств.

ГИТЛЕР. Разве? Да, я не ответил вам прямо. Но разве мое молчание не есть знак моего согласия?

*Пауза.*

Наконец, неужели вы до сих пор верите в слова? Неужели вы до сих пор думаете, что если я сегодня дам вам слово, то завтра я его не нарушу? Нарушу. Нарушу, если этого потребует от меня политическая жизнь. Понимаете? Жизнь, а не какие-то совершенно далекие от нее принципы. Но главное, господин Тиссен, все равно заключается не в этом. Главное в том, что больше всего вы боитесь не меня – больше всего вы боитесь красных, и в случае если завтра *они* раздавят нас, вы, господин Тиссен, потеряете все. Не больше, а все. При этом свою собственную жизнь вы терять не захотите. Нет, вы просто переберетесь, как та элита, в какие-нибудь теплые края и спокойно доживете там свой век. А я в это время останусь с несчастной Германией и до самого конца разделю с ней свою судьбу.

ТИССЕН. Да... *(Мрачно.)* Хорошего же вы мнения обо мне.

*Пауза.*

Ну что ж, слов сегодня много, а в итоге... *(Встает и идет к столику.)* Извините, господин Гитлер, но я, пожалуй, позволю себе еще глоток.

ГИТЛЕР. Ну, зачем же в одиночку? *(Подходя к столику.)* Я тоже подниму с вами бокал. Нет, пить я не буду, но в одиночестве я вас не оставлю.

ГЕЙФЕЛЬД *(вставая).* Ну, тогда и я тоже.

*Тиссен молча наливает всем по бокалу.*

ТИССЕН. Ну-с... С Рождеством Христовым. *(Пьет залпом.)*

*На улице, совсем рядом, раздается громкий взрыв фейерверка. За ним следует второй, третий. В окнах плавают разноцветные сполохи огней.*

**ЗАНАВЕС**

❑

# СОТЫЙ, ИЛИ ПОКУШЕНИЕ

*(фронтовой анекдот)*

**Валерий ВЕЛАРИЙ**

**г. Москва.**

*Инне Владимировне ПЛЕШИВЦЕВОЙ-ПЛЕЩЕЕВОЙ, воентехнику по обслуживанию самолетов в женском авиаполку, и всем, кто прошел праведные и неправедные войны, и кто подвергался незаслуженным обидам и подозрениям, посвящается.*

**От Автора**

*Эта история – не о политике и не о борьбе идеологий, а о любви. Или о разных любовях. О тех, какие расцветают и живут в душе и в сердце вопреки тому, что видит глаз и навязывает ум.*

*Эта пьеса – о чувствах, которые бурлят вопреки другим чувствам. И вопреки идеологиям, житейским правилам, обстоятельствам и догмам. Хотя иной раз эти идеологии и догмы провоцируют чувства или уничтожают их.*

*Это история о том, как люди ищут друг в друге – лучшее. Как защищают друг друга от гибели – среди хаоса, смерти и разрушений. Противостоят самой катастрофической по разрушительности силе – недоверию и подозрительности, которые постоянно поднимают голову в сердце почти каждого человека. И победить эту гидру неверия и подозрительности можно только доверием, верой, сотрудничеством и любовью.*

*Об остальном – в рассказанной далее истории.*

*Хотя вступление получилось очень серьезным, но сама история – смешная. Чтобы не сказать – фарсовая…*

**ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА**

ЮРИЙ ГУЩИН, *капитан, ас, лихой летчик, балагур, шалопут и бабник.*

КРАМОВ, «Григорьич», *майор, его друг, замполит «мужского» авиаполка.*

ГЛАФИРА КУЧЕРОВА, *капитан, тоже ас; лихая летчица из «женского» авиаполка.*

МАЙОР ГРАНАТКИНА, *начальник Особого отдела авиадивизии.*

МУЧКИН, *юный лейтенант, командир взвода аэродромной охраны.*

НАСТЯ БАСЯКИНА, *фельдшер «женского» авиаполка.*

*Пожелания постановщику, сценографу и актерам:*

**А)** *Пространство беспредметно; оно прочерчено движением света и персонажей. Это «сюжет на ногах». Персонажи стоят или ходят, сидят или лежат на земле. Никакой мебели. Разве что вначале ненадолго появляется стол, хотя и это – необязательно…*

**Б)** *1-е действие укладывается в полутора сутках: от утра первого дня до вечера следующего. Перемена свето-цветовой гаммы должна обозначать и смену времени суток, и смены настроений, чувств и ожиданий персонажей: от напряжения последних боевых усилий и ожидания неведомой беды, – к радости победы, от безысходности – к надежде.*

**1.**

*Входит Крамов. Очень пожилой, но моложав. Офицерские сапоги; белая нательная рубаха; галифе. На плече – современный плащ. Через руку перекинуты гимнастерка военных лет и офицерская портупея с потертыми кобурой и планшетом.*

КРАМОВ. Молодежь нынче странная. Все прошлое, даже

ужасное, для нее хи-хи да ха-ха. Этот... Стеб! Мы, ветераны, сошлись помянуть боевую подругу. А вы, молодые, спрашиваете: бывает ли на войне смешно? И не умаляет ли это подвиг солдата? Один случай, как раз с нашей боевой подругой связанный... как недоигранную пластинку, я вспоминаю его, если окажусь в весеннем лесу. Похожем на тот, где в последние дни войны был наш аэродром. Мне мерещатся звуки тех дней... Как слуховые миражи. Слышите? Нет? А я...

*Возникают шумы, голоса радистов, лязг железок, рокот моторов, морзянка.*

В той истории сошлась тьма случайного. Двум нашим авиаполкам, мужскому и женскому, стал базой один аэродром. Севернее направления главного удара. Почти у моря. Облака и туман с моря затягивали небо. А мы все равно летали, поддерживая с воздуха наши наступающие части. На одном аэродроме мужчины и женщины. Война все упрощает. Чего смущаться? Смерти? Баня – большая палатка. Помывки у летчиц и летчиков в очередь. По нужде летчики гоняли на один край леса. Летчицы на другой. А нашим зениткам подвернулся чудом доживший до конца войны лапотник. Вражий бомбардировщик, у него не убирались шасси, колеса. «Юнкерс» довоенного образца. Э! В жизни все намертво спаяно...

*Опять слышны – уже яснее – голоса радистов, лязг, рокот, морзянка.*

Из-за «юнкерса» и нехватки нужников все и стряслось! Пуля ударила в зад боевую летчицу, из ее же нагана! Из-за этого кое-кто, и раньше всех мой друг, мог встать под прицел пистолета, что не давал осечек. Ведь его держала та, что ловила врагов среди своих. Мы с ней еще не свели счеты. Не могу об этом связно думать и говорить! И я буду слушать врачей и упражнять мои старые ноющие мослы! И доживу, чтоб... Зарядка для дыхания. Я уже спокоен... Но сперва о тех, кого дикая цепь случайностей связала воедино.

*Рокот самолета. Стрельба зениток. Выбегают лейтенант Мучкин, бравый ас Гущин и фельдшер Басякина – орут: «Лапотник тупой! Что ж они... Мазилы!»*

Главная пострадавшая: летчик-истребитель капитан Кучерова, ас, каких мало! Расчетливая, спокойная. Долетала до победы без упреков начальства. И без единой раны! Еще Юра Гущин, мой фронтовой кореш. Тоже лихой ас-истребитель. И бабник лихой. Удачливый!

*Грозит кулаком. Гущин отмахнулся. Гул и разрывы стихли. Разочарованный Гущин дразнит Басякину, они убегают, а Мучкин, насупясь, плетется следом.*

У Юрки замечаний хватало. Небесный хулиган! Тормозили награды. В звании понижали. А в конце войны за ним охотилась та, из особого отдела авиадивизии. Я нутром чуял. До войны служил в милиции опером-сыскарем, прошел все ступени. Ныне те годы зовут культ тирании, сталинский произвол... Я знал, что такое охота на человека! Сам грешил. По молодости. Если тебе велят... Иные так выслуживались. Страшнее были идейные, уверенные: так надо. Как та особистка Гранаткина. А? Фамилия к месту. Волосы гладко стянуты в пучок. Покатый лоб. Глаза узкие, вприщур. Вся дивизия ее хорошо знала. В бою не была. Плоская грудь в наградах. Заработала честно! За войну поймала девяносто девять диверсантов и шпионов. Среди своих. Кто б ей смел возразить, при тех нравах? Иных, по законам военного времени, сама и расстреляла. В панике отступлений. И в суете наступлений. Кого-то за дело. Как вспомню... Ее особый пистолет не давал осечек. Уж она его лелеяла! А ее рука не дрожала. Ей хотелось закруглить счет! Поймать сотого. А Юрка Гущин с его острым языком, безрассудным молодечеством и неудержимым правдолюбием... Гранаткина так и кружила вокруг него. Змеюка. Тут и подвернулся тот летучий лапотник... Сбили его!

*Опять, вовсе дико вопя, радостно промчались Басякина, Мучкин и Гущин.*

Он грохнулся на опушку, где женский авиаполк справлял нужду. Его выпотрошили и назначили нужником. Все ж укрытие от бесстыжих любопытных мужиков... А еще: у нас в прифронтовых условиях проходили практику курсанты. Летчики будущие. И бортмеханики... *(Вслушался.)* Прошлое порой реальнее, чем настоящее. Точно не слышите?..

*Возня, звон железа. Мучкин, Басякина, Гущин волокут тяжеленный ящик. Мучкин: «Туда! В кусты!» Басякина: «Опавшей хвоей присыплем, никто не увидит...»*

Черти. Опять чудят... Ну, ныряю в ту жизнь. Ничего, что мой нынешний возраст иной. Выгляжу я, что огурчик. Несмотря на годы. Не зря зарядкой занимаюсь! Я еще свое возьму!.. Да и неважно в воспоминаниях, какой у тебя вид. *(Влез в гимнастерку.)* Главное, по правде все вспомнить... *(Спешно укручивается в портупею.)* Что они вытворяют?! Как дети малые. Куда!.. *(Орет, как футболист-любитель.)* Куда тебя понесло!.. *(Умчался.)*

**2.**
*Вбежал Мучкин.*

МУЧКИН. Тревога! Немцы! Отступающий противник пересекает наш аэродр...

БАСЯКИНА *(вылетела запошенная)*. Он меня достал! Ну, не хочу я его!

МУЧКИН *(ревниво)*. Немцы рвутся! Восемь... Еще шесть. А вы о своих шашнях...

БАСЯКИНА. Мои шашни?! Это его шашни! Гущина!

МУЧКИН. Вот еще один... там еще три... Почти взвод!

БАСЯКИНА *(заметалась)*. Он меня сейчас переедет!

МУЧКИН. Чем переедет?! Бензина нет! Не успевают подвозить. Из машин на ходу только телега с цистерной! На ней мерин таскает из тылов горючку для самолетов....

БАСЯКИНА. Он меня самолетом и переедет!

МУЧКИН *(куда-то вгляделся, и у него «отпала челюсть»)*. Куда прется? Там немцы...

БАСЯКИНА. Я ему сейчас лобовую атаку!.. *(Выхватив ножницы и скальпель, убежала.)*

МУЧКИН. Да что ж он... Из ракетницы в нее! Надо же во фрицев!.. *(Кое-как высвободил из кобуры оружие.)* Взвод! В атаку! За мной! *(Убежал.)*

**3.**

*Рокот мотора, ракеты. Вопли Басякиной: «Караул! Давят! Милиция!» Пальба, крики. Крамов тащит упирающегося Гущина; тяжко дыша, трясет блокнотом.*

КРАМОВ. «Военфельдшер Басякина геройски лупила клистиром прорывающихся врагов». Это писать в рапорте? «Ее поддержал летчик-истребитель Гущин. На своем самолете он...»

ГУЩИН. Это не мой самолет. Учебный. У-два. На нем курсанты отрабатывают...

КРАМОВ. Знаю. «Гущин скакал по болотным кочкам и ураганным огнем из ракетницы разил врагов, а Басякина беспощадно добивала их резиновой грелкой». Да?

ГУЩИН. И вообще это случайно вышло.

КРАМОВ. Или писать в наградном рапорте, что ты гонял на самолете по болоту за приглянувшейся бабенкой? Не можешь пропустить ничего, что женского роду?

ГУЩИН. Да Басякина не в моем вкусе! По мне так лучше Глаша... капитан Кучерова... А уж какая фигура у майора Гранаткиной из особого отдела!

КРАМОВ. Сдурел? Эта змеюка-особистка за тобой охотится, а ты...

ГУЩИН. Брось. Тебе мерещится. Ты ничего не понимаешь в любви.

КРАМОВ. Спятил?! При чем здесь любовь?

ГУЩИН. У каждой бабы это по-своему... Гранаткина так выражает интерес к мужчине.

КРАМОВ. Ты узнаешь ее интерес, когда встанешь сотым под ее пистолет.

ГУЩИН. Не нуди. Войне почти хана. Мы у логова вражьих главарей! Чего людей губить попусту? Все, кто доживет, будут... просто жить! А ты...

КРАМОВ. А эта по-прежнему ловит шпионов и врагов. Среди своих! Забыл про ее спецнаган без осечек? Про ее твердую руку и точный глаз?

ГУЩИН. Слухи. Старик, ну ты... Так всерьез принимать любую фронтовую байку!

КРАМОВ. А каково, когда свой офицер, наша баба, целит в тебя? Не знаешь. Кому выпало стоять перед ней, те не расскажут. *(Мрачно.)* Не хочешь ты кое-что видеть. И понимать.

ГУЩИН. Э, старик, ты не умеешь радоваться жизни.

КРАМОВ. Ты умеешь! Враг прется через аэродром, а ты на самолете за бабой?

ГУЩИН. Случайно совпало! А за Басякиной я... Чтоб лейтенантика Мучкина раззадорить. Он втюрился в Басякину. А сказать... Стесняется. Я его завожу. Через ревность.

КРАМОВ. И ты пытался объяснить ей свой стратегический замысел, пуляя ракетами?

ГУЩИН. Да понимает она всё. Бабцы, они ушлые по этой части. Подыгрывает мне.

КРАМОВ. Ты и эта Басякина... меня доведете. Знай: она была военврачом. Но разжаловали в военфельдшеры. Врезала одному хлыщу из штаба по роже. Лапки тянул, куда не надо.

ГУЩИН. Ну?! Я же всем твержу! Боевая девка: не влезай, убьет!

КРАМОВ. Мстительный гад ныне генералитет в другой армии. И комдив может представить Басякину к повышению в звании. Тот гад уже не завернет рапорт через друзей в штабе.

ГУЩИН. Бой-бабы, в бой против гадов! Представь ее к награде. За сегодняшнее.

КРАМОВ. Да?! Хорошо хоть, руля по болоту, ты из кабины махал ракетницей, а не саблей. А ударит особистке в башку: ты гонял по кочкам, чтоб испортить боевую технику? Когда мы добиваем врага! А наводила на ямы Басякина, твоя вредительская соумышленница.

ГУЩИН. Иди ты... Не держи других за идиотов.

КРАМОВ. В доносах и не то пишут. А если еще верят, что так надо... Гранаткина охотится за тобой. И знает о разжаловании Басякиной. У нее есть выбор: кого сделать сотым.

ГУЩИН. Что ты мне настроение портишь этой Гранаткиной. Как туча над нами...

КРАМОВ. Так и есть.

ГУЩИН. Ты когда так зудишь... У меня зубы ноют! Как от неисправного мотора, когда он зудит, зудит, зудит, а на полную тягу никак не раскрутится. Как у того самолета. Не зуди.

КРАМОВ. А ты не увиливай от сути... Кстати! Почему он бегает, а не летает? Чего замолчал? Я тебя под трибунал отдам! Вчера же он летал! Ты сам курсантов на нем...

ГУЩИН *(мнется)*. Ну... Ты же знаешь... Их же надо быстрее выпускать! Зачет на носу.

КРАМОВ. И что?

ГУЩИН. Курсантам, которые будут воентехниками по обслуживанию самолетов, утром дали зачетное задание: разобрать самолет, а потом собрать. Как было.

КРАМОВ. И что?

ГУЩИН. Заладил... А то, что к обеду надо было успеть! Они спешили. Они так старались! Вот-вот война кончится. А молодежь хочет поучаствовать!

КРАМОВ. Я обещаю: до обеда война не кончится. Не сможет. Из-за таких, как ты.

ГУЩИН. Они все детальки, как учили, разложили по порядку на чистых тряпочках. Каждую самолетную косточку прочистили. Как учили. Их инструктор, сам знаешь, злой буквалист! Каждую мелочь пересчитали. И на тряпочки чистые, рядочками. Как огурчики на белой скатерке. Красиво! Со вкусом. На белых тряпочках... А сами они чумазые...

КРАМОВ. На их рожи белых тряпочек не хватило?

ГУЩИН. Почему не хватило? Наоборот, много лишнего осталось. Целый ящик.

КРАМОВ. Не зли меня. Толком говори.

ГУЩИН. Да я что!.. Они в спешке сбились. Свинтили летак, глядь: куча лишних деталей. Мы с Бася-

киной и Мучкиным их пожалели! Этот злюка, инструктор... Говорим: кидайте в ящик. Спрячем до вечера. Мучкин, начальник охраны, ведает все укромные места. Он лично детали пересчитал. Все знают: у него бзик, все считать. Мы думали: ночью быстренько переберем, как надо. Пока инструктор в штабе. А тут он возвращается! А этот не летает!

КРАМОВ. Кто? Злюка-инструктор?

ГУЩИН. Самолет! Только бегает! Детали-то... Я махом в кабину, гоняю его по полю, будто движок проверяю. Чтоб он не догадался. Зануда-инструктор. А тут фрицы некстати...

КРАМОВ. Я тебя без гроба похороню! В белых тряпочках!

ГУЩИН. Старик, ну чего ты так нудишься?

КРАМОВ. За Гранаткиной не заржавеет. Накатает на тебя и Басякину телегу, что вы курочите военную технику и втравливаете во вредительство незрелую курсантскую молодежь.

ГУЩИН. Поэт! Басякина меня обозвала. Распалится, так загнет, мужики млеют. Думала, за шумом не расслышу. А я по губам понял. И за ней погнался. Ну, чуть не переехал. Случайно. А тут принесло отступающих вражин. Вишь, как иногда одно за другое цепляется!

КРАМОВ. Или Гранаткина отроет зачинщика-вредителя из курсантов. С неблагонадежной биографией. А про тебя с Басякиной напишет, что вы его покрываете.

ГУЩИН. Выдумай чего смешнее. Ты помешался на этой подозрительности.

КРАМОВ. Не я помешался. А грымза сушеная. Гранаткина. Разлюбезная твоя.

ГУЩИН. Никакая она мне не разлюбезная. А фигурка у нее ничего. Не все понимают.

КРАМОВ. «Мы живем, под собою не чуя страны...»

ГУЩИН. Чего?

КРАМОВ. До войны стих был. В списках. Его автора загнали, куда Макар телят не гонял.

ГУЩИН *(поскучнев и как-то в сторону)*. Не держи меня за... Я тоже многое вижу.

КРАМОВ. Видишь? А думать не хочешь. Катастрофы иногда случаются из-за ерунды!

ГУЩИН. Каждый хочет дожить до победы. Но не увиливает! В эти дни не беречь своих...

КРАМОВ. Как раз в переломные дни... Ты прост. Не замечал, как опять исчезают?.. Как бывало до войны. Кто-то расчищает себе чужими жизнями дорогу. А Гранаткина верит: всегда лучше перебдеть, чем... Война все обострила. Заметил, что снова... чем ближе к концу войны, тем чаще цепляют евреев? Для Гранаткиной Басякина и тут уязвима.

ГУЩИН. Чего?! Басякина и...

КРАМОВ. Она прежде была Баскина. Понял? Когда на войну добровольно пошла, переписала документы. Фамилию и национальность. Некоторым в путанице первых дней войны такое сходило с рук. Сошло и ей. Если Гранаткина это знает... или отроет...

ГУЩИН. Ты настоящий замполит. Здорово умеешь портить настроение.

КРАМОВ *(вслушался)*. Опять пальба. Будет, видать, сейчас тебе нечаянное развлечение.

ГУЩИН *(вглядывается)*. Глянь! Глафира Кучерова! Как лихо из нужника выпорхнула... К штабу чешет, что твой бегун! И за задницу держится.

КРАМОВ. Ты у женщин замечаешь только это место?

ГУЩИН: Вишь! Глашка из нагана в лес пуляет! Еще!.. Побегу. Помочь, может, надо...

*Гущин, радуясь поводу отвертеться от мрачного разговора, поспешно уходит.*

**4.**

*Крамов хотел пойти за ним, но его задержала вбежавшая Басякина.*

БАСЯКИНА: Замполит! Макар Григорьич! Вот! Опять стрельба! Кучерова...

КРАМОВ: Что там стряслось?

БАСЯКИНА. В штаб созвали командиров эскадрилий. На планерку. А у Кучеровой живот прихватило. Она заскочила по пути в юнкерс... Который нужник... И тут!..

КРАМОВ. Да что?!

БАСЯКИНА. Он как трахнет! И взжж...

КРАМОВ. Кто трахнет? Нужник? Кучерову?!

БАСЯКИНА.. Кучерову! Да! Только не ясно, кто? Но у нее в левом полужо... пуля!

КРАМОВ. Настя... Товарищ военфельдшер! Скажи еще, что в нужнике была засада.

БАСЯКИНА. Комэск Кучерова ранена в левую ягодицу. Она отстреливалась.

КРАМОВ. Понял. Черт! Где Кучерова?

БАСЯКИНА. Она с боем отступила к штабу. Я сейчас туда, перевязку надо...

КРАМОВ. Дуй. *(Вслед ей.)* Увидишь Мучкина, пришли!.. Что за денек! Вроде тринадцатое. *(Вбежавшему Мучкину.)* Лейтенант! Усиль-ка охрану. Я – в штаб.

МУЧКИН. Есть! Уже дал команду. На всяк случай.

КРАМОВ. Вправду, что ль, отступающие фрицы толпами по лесу шастают?

МУЧКИН *(убегая)*. Я сейчас с патрулями ближний лес обойду...

КРАМОВ *(Вслед ему)*. Валяй. *(На ходу.)* Бред! Враги в сральнике?! На очке удобно брать языка. А на фига он отступающим? Узнать, где нет наших войск? Тяжко на душе. Гранаткина вмиг сошьет дело. Мастерица ловить в суматохе, как нынче. А уж как хочет сотого!

**5.**

*Кто-то невидимый делает из простыни ширму. Кучерова, морщась от боли, помогает одной рукой, прижимая другую к бедру. Голоса: «Что за бедлам?» – «Не до совещания, когда такие дела!» – «Дайте глянуть, куда поразила бравую летчицу вражья рука!» Басякина, оперируя – ее руки за «ширмой»: «Кобелята, брысь! Ран не видали?» Голос: «В таком месте у летчика? Не видел!» Басякина: «Вам бы на голый женский зад пялиться... Брысь!» Кучерова: «Пока эти... Не дамся. В такой антисанитарной обстановке!» Под гогот, топот, звон инструментов вошел Крамов.*

БАСЯКИНА *(оперируя)*. Это все же покушение, товарищ замполит. Я уверена.

КРАМОВ. Не части, военфельдшер. Делай свое дело. Дай выслушать потерпевшую.

КУЧЕРОВА. Григорьич, это... Ты замполит в другом полку. Ну... Не мой начальник.

КРАМОВ. Как старшему товарищу и бывшему бывалому милицейскому следаку, поведай.

КУЧЕРОВА. Не пойму. Вам на что?

КРАМОВ. Я тебя прошу. Хочешь, на коленки брякнусь? *(И брякнулся.)*

БАСЯКИНА. Капитан, не дергайся! Только уцепила...

КУЧЕРОВА. А чего он снизу подглядывает?

КРАМОВ. Да не видел я ничего! Очень мне надо.

КУЧЕРОВА. Не надо, так зачем спрашивать?

КРАМОВ. Ну... Подозрение есть.

БАСЯКИНА. Да! И у меня. И вообще! Сидит женщина в беспомощном виде, и тут...

КРАМОВ. Так что было-то?

КУЧЕРОВА. Да качнуло его.

КРАМОВ. Он что, пьян был?

КУЧЕРОВА. Кто?!

КРАМОВ. Ну, этот... Которого качнуло. Он же стрелял?

КУЧЕРОВА. Выеживаешься? С него сразу, как блямкнулся, все вооружение сняли.

КРАМОВ. Если он упал, да еще обезоружен, то кто стрелял? И кто качался?

КУЧЕРОВА. Я же тебе вдолдобываю: самолет.

КРАМОВ. Про один самолет я уже знаю. Бегает, но не летает. И не стреляет.

КУЧЕРОВА. А этот не летает, но раскачивается. Не знаешь, как в нем и усидеть.

КРАМОВ. Глафира, я сейчас с ума сойду.

БАСЯКИНА. Товарищ капитан... Товарищ замполит! Вы о чем?

КРАМОВ. Вот, военфельдшеру тоже не ясно.

БАСЯКИНА. Почему? Мне как раз все понятно. Я сейчас расскажу.

КРАМОВ. Оперируй. Молча. Пусть сама... Глаша, ну? Сопишь, как медведь в спячке.

КУЧЕРОВА *(сквозь зубы, Басякиной)*. Потише ты... Больно.

БАСЯКИНА. Никак не ухвачу. Вроде неглубоко засела, а...

КУЧЕРОВА. На излете была. Прошибла броню и ослабла.

КРАМОВ. Глафира, когда ты в воздухе... Радиосвязь твоими матюками так забита, что одними ими можно посшибать всю вражью авиацию. А на земле как рыба.

БАСЯКИНА *(между делом)*. Когда боевой человек над очком присядет, он что делает? Он на шею вешает ремень. И товарищ капитан так сделала. А этот был не закреплен.

КРАМОВ. Кто? Ремень?

БАСЯКИНА. Самолет! Лапотник! Тот юнкерс, что под наш, бабский нужник, приспособили! Он на кочку въехал. А его не закрепили. И он качается. Комар дунет, и то...

КУЧЕРОВА. Вот! Попробуй тут спокойно. Посрать. Когда очко из-под зада скачет...

БАСЯКИНА. Только товарищ капитан присела, а юнкерс качнулся, и ремень с шеи товарища капитана грохнулся, а она дернулась его поймать, чтоб он в очко не нырнул...

КУЧЕРОВА. Вот!

БАСЯКИНА. И отвлеклась. И не заметила, как кто-то подкрался, да ка-ак врежет...

КУЧЕРОВА. Гад!

БАСЯКИНА. Ф-фу. Вот она. Достала. Полегчало, Глаша? Сейчас перевяжу и...

КРАМОВ. Разгильдяи. Вояки! Как младенцы. Сколько говорил: закрепите юнкерс.

КУЧЕРОВА. А то! Едва сама в очко не нырнула.

КРАМОВ. Когда грохнуло, громко было?

КУЧЕРОВА. Ну, ясно. Аж оглушило. Рядом же почти шмальнули.

КРАМОВ. А там... свистнуло? Ну, пуля летит... Или зазвенело? Нет?

КУЧЕРОВА. Звезденело, кажись. Кругом. Всё! Такой звон! Да хрен поймешь.

БАСЯКИНА. Это покушение. Диверсия. Вот, пуля из немецкого оружия.

КРАМОВ. Еще бы! Военфельдшер, постой за дверью минутку. *(Басякина вышла; Кучеровой.)* Небось, твой трофейный пугач короткоствольный. Карманный. Для самообороны.

КУЧЕРОВА *(прижимая тампон к ране)*. По руке подбирала!

КРАМОВ. Ну, знаю я такие модели. У них дульная мощность слабая. Это первое.

КУЧЕРОВА. Ты это к чему?

КРАМОВ. И второе: он с кобурой упал?

КУЧЕРОВА. Нет. Он выпал. Кобура не от него. Великовата. Как ты допер?

КРАМОВ. Потому что пуля у тебя в заду неглубоко засела.

КУЧЕРОВА. Долбодон!

КРАМОВ. Сама дура. На предохранителе надо держать оружие. Когда не в бою.

КУЧЕРОВА. Ты это к чему? Я шиздю? Так?

КРАМОВ. Не дергайся. Тампон на ране держи! Когда твой пугач о днище юнкерса грохнулся, произошел самопроизвольный выстрел. Он у этой модели маломощный. Да еще рикошеты! Сама говоришь, все звенело. Пуля и ослабла. Всего-то под кожу залезла.

КУЧЕРОВА. Ты мне что шьешь? Я... самострел?!

КРАМОВ. Я напоминаю: держи оружие на предохранителе. А вот другие... Гранаткина, скажем. Знаешь же, чего она навертеть может. *(Пауза.)* Дай сюда свой трофейный. И бери мой ТТ. У меня еще есть... Патриот родины должен сражаться родным оружием. На.

КУЧЕРОВА. На хрена он мне?

КРАМОВ. По твоей кобуре. Дай обратно. Два раза пуляла? *(Выбил обойму.)* Три? *(Выталкивает в ладонь три патрона.)* Держи. И помни: чтоб тебя Гранаткина или кто... не обвинили, что сама в себя пальнула: отсидеться с легким ранением в конце войны в тылу...

КУЧЕРОВА *(взвилась)*. Да я!.. Меня?! Боевого летчика!..

КРАМОВ. Тампон держи! Так вот. Если не хочешь, чтоб тебя, боевого летчика, подвели под трибунал... Будешь молчать. А говорить и делать только то, что я велю. Ясно?

БАСЯКИНА *(всунулась)*. Товарищ замполит! Я же перевязку не закончила.

КРАМОВ. Не изойдет кровью твоя подруга. Кончай. Мы уже разобрались. Глафира, ясно?

КУЧЕРОВА. Григорьич, ты умнее всех мужиков в дивизии. Может, даже в армии.

КРАМОВ. На том и порешим.

КУЧЕРОВА. А все равно. Не пойму, куда засаживаешь.

БАСЯКИНА *(заканчивая перевязку)*. Я чего видела! Майор Гранаткина на подходе.

КРАМОВ. Легка на помине. Вот к ней все само клонится... *(Показал женщинам кулачище и принял неприступно-официальный, но вдумчивый вид.)* Унюхала жареное.

**6.**

*Вошла особист майор Гранаткина. Аккуратна. Подтянута. Но без офицерского шика и женской причепуренности. Все на ней прилажено. А без изюминки! Безлико. Но от нее веет опасностью. По-змеиному повела головой туда-сюда. Ноздри раздулись и опали. И еще раз. Мигом все измерила и оценила прищуренными глазами.*

ГРАНАТКИНА. Приветствую, товарищи! Что тут у вас? Жертвы?

БАСЯКИНА. Обошлось без жертв, товарищ майор. Но явная диверсия!

КРАМОВ. Покушение. На комэска Кучерову. Может, диверсантами. *(Поднес Гранаткиной пулю на платке.)* Пуля из вражьего оружия. Мы на земле братского освобожденного народа. Возможно, кто-то хочет поссорить нас с ним. *(Кучеровой.)* Верно, товарищ капитан?

КУЧЕРОВА. Да. *(Поразилась.)* Думаешь? *(Еще больше поразилась.)* Точно. Охренеть!

ГРАНАТКИНА. Понимаю. *(Подобралась.)* Есть соображения?

КРАМОВ *(про себя)*. Знаю, о Юрке подумала... *(Громко.)* Ну, чье-то попустительство...

ГРАНАТКИНА. Кого-то конкретно подозреваете?

КРАМОВ. Сходу сказать... *(Про себя.)* Прости, мальчик, я отвожу беду от друга. О тебе я позабочусь потом... *(Громко.)* Сегодня это не первая тревога из-за отступающих врагов.

КУЧЕРОВА. Да они сегодня прямо по аэродрому прохреначивались!

ГРАНАТКИНА. Кто начальник взвода охраны? Как расставлены посты охранения?

БАСЯКИНА *(вдруг взволновалась)*. Нормально расставлены! Как положено.

КРАМОВ *(преувеличенно строго)*. Военфельдшер, не перебивайте старших по званию.

ГРАНАТКИНА. Вам дадут слово. В свое время. Если нужно.

КРАМОВ *(глядя на сникшую Басякину; про себя)*. Прости, девочка... *(Громко.)* Я знаю, кто вам нужен, товарищ майор. Военфельдшер, найдите и позовите сюда капитана Гущина.

*Басякина выбежала. Гранаткина оживилась.*

ГРАНАТКИНА. Ах, то есть... Итак?

КРАМОВ *(про себя)*. Змеюка. Думаешь, добралась до сотого? Хрен тебе! Юрку не отдам. *(Громко.)* Рекомендую вам капитана Гущина. Будет вам славным помощником.

ГРАНАТКИНА *(кисло и разочарованно)*. Вы уверены?

КРАМОВ. Боевой парень. Смышленый. Командирую на весь день в ваше распоряжение. Он явится сию же минуту. Тем более, что погода стала нелетная. Видите, какие тучи?

КУЧЕРОВА. Точно. Все небо вдруг. Затянуло как. Туман натянет...

КРАМОВ. Глафира, надо показать товарищу майору место покушения. Доковыляешь?

КУЧЕРОВА. Э! Не насмерть же шпокнуло... Но сперва в штаб заскочу.

ГРАНАТКИНА. Хорошо. Через полчаса. Осмотрим местность. *(Вышла с Кучеровой.)*

**7.**

*Крамов дождался Гущина и, схватив его под руку, потащил за собой.*

КРАМОВ. Запоминай. На Кучерову напали диверсанты. Гранаткина начала дознание.

ГУЩИН. Да какие ж диверсанты?! Мы всех с Басякиной еще утром распугали.

КРАМОВ. Ты откомандирован в помощь Гранаткиной. И чтоб землю рыл.

ГУЩИН. Я? С Гранаткиной?! А...

КРАМОВ. Бэ. Молчи. Если хочешь дожить до победы. Вражьи пули порой не самые опасные. Стоп. *(Вынул ТТ, замотал во что-то; под шум ветра и дальнего рева пушек пальнул раза три в землю.)* Вот три гильзы из нашего ТТ. Такой теперь у Кучеровой. Бегом! Жми!

ГУЩИН. Куда это мы?

КРАМОВ. Тут она пуляла три раза в диверсантов, отходя к штабу. Кидаем наши гильзы тут и тут в траву. Живей, пока Гранаткина не сунулась в юнкерс. Ищи на днище! Вот одна.

ГУЩИН. С чего это я в дерьме посреди нужника должен рыться?

КРАМОВ. Ищи возле юнкерса такие же гильзы от вражьего пистоля! От них, может, твоя жизнь зависит. И честь. И не только твои.

ГУЩИН. Я в толк не возьму... Да вон еще одна. А там третья.

КРАМОВ. Молоток! Гранаткина их уже не найдет. Бегом к опушке! Нож! *(Закатал рукав.)* Коли! Велю! Дай. Я сам. Уй! Давим чуток крови на пень. На траву и кусты. Тут его догнала пуля Кучеровой, и он, раненый... вот так, по бережку ручья... отступал, проливая кровь.

ГУЩИН. Кто отступал? Кто кровь проливал? Диверсантов же не было!

КРАМОВ. Будут. Если по уму насовать улики. Э, у того ТТ, что я всучил Кучеровой, ствол чистый, без свежей пороховой гари. Ну, да не успеет Гранаткина глянуть в тот ствол. Даже подумать о том не успеет. Не дам я ей времени вспомнить об этом.

ГУЩИН *(уже всерьез заинтригован, кое-что начинает понимать)*. Следов не хватает.

КРАМОВ. От обуви? Уже подумал. Двинули к Мучкину. Он паренек хозяйственный... Ну, Гранаткина, не тебе, узколобой грымзе, переиграть такого ушлого опера, каким был я!

ГУЩИН. Похвальбун. Зря ты о бабах такого низкого мнения.

КРАМОВ. Я не обо всех. Я об этой упертой змеюке.

ГУЩИН. Она баба как баба, не раскрытая только. Не понятая.

КРАМОВ. Угу. Прям вся такая несчастная. Аж озверела от одиночества.

ГУЩИН. Да почем ты знаешь? Может, у нее никого нет. Незаласканная. Война же!

КРАМОВ. Ну-ну... Пришли. Лейтенант! *(Явился скучный Мучкин.)* Чего кислый?

МУЧКИН. Басякина грустит. Таит чего-то. Молчит. Не знаю, как утешить?

ГУЩИН. Ты мужик или что? Слушай сердце свое. Он не знает, как утешить бабу!

МУЧКИН *(смутясь и чуть неприязненно)*. Мне бы чуток вашего опыта, капитан...

КРАМОВ. Цыц. *(Мучкину.)* Дело секретное. Видал у тебя немецкую военную обувку. Тащи пару. Лучше две. *(Мучкин ушел; Гущину.)* Ты женщину оправдаешь во всех грехах.

ГУЩИН. Им ведь тяжелее, чем нам.

КРАМОВ. Влипнешь. Из-за баб. *(Вернувшемуся с чужой обувью Мучкину.)* То, что надо.

МУЧКИН. Мы ихний склад нашли. Если помножить ряды на число штабелей, а в ряду...

КРАМОВ. После войны перемножишь. Сейчас нам хватит двух пар. Юрка, вперед!

МУЧКИН. Давайте, еще принесу. Чтоб подобрали по ноге.

КРАМОВ. Без нужды. Спасибо, выручил! Вертайся к фельдшерице. А нам поспешать...

*Мучкин ушел. Крамов опять потащил за собою Гущина.*

ГУЩИН. Ты не очень-то носись со своим милицейским опытом. Гранаткина не дура.

КРАМОВ. Она еще училась и, небось, не гадала, чем заняться. А я уже ловил кое-кого.

ГУЩИН. Хоть ты самый умный мужик в дивизии... Без шуток. Бабцы о тебе так говорят. Сколько ж их по тебе сохло, а ты хоть бы на одну... Нет в тебе сочувствия к женской доле!

КРАМОВ. Трепло. Женская, мужская доля... какая разница? Так. Вот этот пень.

ГУЩИН. Ты из тех мужиков, для кого все бабы на одно лицо.

КРАМОВ. Это для меня-то, милицейского сыскаря, все люди на одно лицо?

ГУЩИН. Я не о приметах внешности. Я о душе!

КРАМОВ. Что у мужчин, что у женщин, душа один черт: потемки. Ставь пока сапоги.

ГУЩИН. Не скажи. Мужик неглубок. А женская душа таинственна.

КРАМОВ. Не темнее мужской. Там и там вдави следы. Пятками в эту сторону...

ГУЩИН *(выполняя приказ)*. Нет, не скажи. Женщину понять сложнее.

КРАМОВ. От этих сапог ставь следы тут. Носок вдави глубже. Будто подкрадывались.

ГУЩИН. Женщину надо угадать. *(В ритме выпечатывания следов.)* Раскрыть ей, какая она. Какой может быть! Одна поцелуи любит. Другая, чтоб на ушко шептали.

КРАМОВ. Ставь следы, где мокрее. Чтоб лучше отпечатались.

ГУЩИН. Одна ничего не стесняется... в любви. Если страшная темень вокруг. Другая любит, чтоб все видно было ее хахалю. Нравится ей смотреть, как он видит все, что делает.

КРАМОВ. И тут наследим. Под кустом, где кровь... кладем след на след. Они натоптали.

ГУЩИН. Есть такие, что на словах... ого-го! А на деле, жуть, какие стеснительные.

КРАМОВ. Тут вот раскидаем немецкие гильзы.

ГУЩИН. Одна на всё пойдет. Но чтоб словами не называть. Другая, даже если примитивна, как... как самка!.. Но словами чтобы всё красиво говорилось. Как в книге. Изящно!

КРАМОВ. Одну гильзу вымажем в крови и грязи. Даже наступим на нее. Изящно.

ГУЩИН *(переключился)*. А это ничего, что здесь наши следы?

КРАМОВ. Мы ж до Гранаткиной расследовали! Бродили тут. Ничего в спешке не увидели. Ей вся слава. Она найдет! Всё, что надо. Уж очень хочет это найти. Улики. А не доводы разума. Вот и найдет. Один сапог брось в ручей. Хай плывет... Можем возвращаться. Успели.

ГУЩИН. Как подумаю, чего ты у себя в довоенной ментовке, вот так, с твоим умом и дарованиями, мог сварганить. На кого-нибудь... Знаешь, стремно делается на душе.

КРАМОВ. Я не любил такое... Знал. И умел. Но не любил вот так, не по правде.

ГУЩИН. Даже когда начальство очень велело?

КРАМОВ. Упирался. И хватит об том!.. Вот как Гранаткина... Никогда. Злобная змеюка. И не ищи ей оправданий! Понять он ее хочет! Может, она и мстит мужикам. За что-то... Э, да не верю я, что она, такая, может испытывать какие-то чувства.

ГУЩИН. Понимал бы ты хоть что-нибудь в этом...

КРАМОВ. Я вижу, ты великий знаток. Большие познания у тебя по женской части.

ГУЩИН. А то!.. Я уверен: если Гранаткину по-другому одеть...

КРАМОВ. Военная форма, она и есть военная форма. В ней все на один лад.

ГУЩИН. Не скажи. Вот Глашка, увалень... Но у нее гимнастерка подогнана и летные штаны. Из-под шлемофона кудряшки вьются! Умеет! Вкус. От природы. А другой надо подсказать. Незаметно. Вроде и не подсказывал. Но про то намекнул, это похвалил. Она и цветет!

КРАМОВ. Не хотел бы я видеть ядовитые цветки, которыми расцветет Гранаткина... Ша! Катись. К той Гранаткиной. Помогай расследовать то, чего не было. Вечерком, ближе к ночи, вот на той опушке, под большой сосной, жду. *(Расходятся.)*

**8.**

*Явились Басякина и Кучерова. За ними Мучкин тащит фельдшерскую сумку.*

БАСЯКИНА. Давай тут. И нашему провожатому отсюда недалеко до его КПП. *(Забирает сумку у Мучкина, выгружает.)* И удобно. За кустами не видно. И вода рядом.

КУЧЕРОВА. Ну, давай здесь. Мучительница.

МУЧКИН *(возится с бинтами, помогая Басякиной)*. Почему мучительница?

КУЧЕРОВА. Потому. Любит человека. Резать и зашивать. А уж после перебинтовывать.

МУЧКИН. Я посчитал. Если бинты, которые за год на раненых наматывают, сложить...

КУЧЕРОВА. Будет охеренная куча грязного тряпья.

МУЧКИН *(ошарашен; это не пришло ему в голову)*. Ну да. Да я не о том! Если эти бинты вытянуть в линию... Это столько тысяч километров! От Земли до Луны обернется. Не раз!

КУЧЕРОВА *(вдруг заржала)*. Ой, не могу! *(Скривилась от боли.)*

БАСЯКИНА. Не дергайся. Мучкин! Тут придержи... Глашка, чего гогочешь?

КУЧЕРОВА. Я представила... Луна, морда такая круглая. Вся умотана. Бинтами вкруг.

МУЧКИН *(воодушевленно)*. А будет здорово!

КУЧЕРОВА. Что? Этот шиздец, морда луны в бинтах?

МУЧКИН. Нет. Такой... Тюрбан из белых лент. Бледный лик. Тюрбан. Тут свисает...

КУЧЕРОВА Лейтенант, ты кем был? До фронта?

МУЧКИН. В текстильном техникуме. Учился на конструктора одежды.

БАСЯКИНА. Сгоняй-ка к ручью. Притарань воды. Руки сполоснуть.

КУЧЕРОВА *(глядя вслед ушедшему Мучкину)*. Тебе жалко? Спирта?

БАСЯКИНА. Замполит идет. Григорьич.

*Появился Крамов. Покусывает травинку. Басякина молча завершает перевязку.*

КРАМОВ. Значит, Мучкину можно глядеть, а мне нет?

БАСЯКИНА. Мучкин может стать мужем врача. Доктора. Женится на хирурге, и...

КРАМОВ. Не тараторь. На тебе, что ли?

БАСЯКИНА. Неважно. В жизни все надо знать. Пусть привыкает к процессу, и...

КРАМОВ. Я не о процессе. То, на что он смотрел, от меня давеча, в штабе, сокрыли.

КУЧЕРОВА. Молокосос. Да не ты! Лейтенант! Еще. Ему можно. А тебе, такому видному мужчине! Как я покажу? Место, которым горжусь... Очень. Все изодранное. В кровищи.

МУЧКИН *(вернулся с водой)*. Хватит? Еще?

КРАМОВ. Лейтенант, шел бы на свой КПП. Гранаткина ведет дознание. Чего-нибудь не то отрoет без тебя. Потом не отмоешься.

МУЧКИН. Понял. Буду держать под контролем *(Спешно ушел, встревоженный.)*

БАСЯКИНА (вмиг собрав сумку). Может, ей и от меня чего понадобится? О диверсантах. О характере раны. Особисты, они въедливые. *(Убежала вслед за Мучкиным.)*

КУЧЕРОВА *(вслед ей)*. Старается, чтоб лейтенант не пересекался. С Гранаткиной. Чтоб не блямкнул лишнего. На вопросы с подъебуркой. А дело-то ясное. Диверсанты те...

КРАМОВ. Идем-ка. Надо коечто с тобой обсудить. До Гранаткиной... *(Уводит ее.)*

**9.**

*Появилась Кучерова. С ней Гранаткина, она прячет в планшет блокнот.*

ГРАНАТКИНА. Хорошо. Вы очень понятно все показали и объяснили. Благодарю.

*Вышли и торопливо приблизились Мучкин с пачкой бумаг в руках и Басякина.*

МУЧКИН. Здравия желаю, товарищ майор! Командую охраной. Вот схемы постов. Вы...

ГРАНАТКИНА. Да. Надо побеседовать. По ходу дознания. *(Оценивающе оглядела.)* Как-то вы не очень по уставу... *(Басякиной.)* Военфельдшер, я вас сейчас не вызывала.

БАСЯКИНА. А... Ранение товарища комэска Кучеровой? Мне надо наблюдать!

ГРАНАТКИНА *(Кучеровой)*. Да, рана... Мы много ходили. Как ваша нога? Беспокоит?

КУЧЕРОВА. Это, по правде, задница. Беспокоит. Сидеть... Никак! Заживет. Вот после... На пляжу. Подругам. Или хахалю. Как я объясню: кто меня за это место цапнул?!

*Гранаткина и Кучерова меряются взорами. Появился запыхавшийся Гущин.*

ГУЩИН. Ага, вы все тут... *(Гранаткиной.)* Товарищ майор, я в вашем распоряжении. Но сперва... Разрешите на два слова комэска Кучерову? Поручение от замполита.

ГРАНАТКИНА. Беседуйте. Я пока с товарищем лейтенантом... *(Мучкину.)* Что тут у вас?

*Смотрит в бумаги, развернутые Мучкиным. Басякина заглядывает из-за их спин.*

ГУЩИН *(закрыв от них спиной Кучерову, шепотом)* Дай пистолет, что тебе давеча замполит вручил... Быстро! Возьми этот ТТ. И тише! Григорьич вспомнил и велел поменять.

КУЧЕРОВА. Зачем? *(Пряча в кобуру, слишком громко.)* Дался Григорьичу этот пистоль!

ГРАНАТКИНА *(заинтересовалась)*. Каким оружием озабочен товарищ замполит?

ГУЩИН. А замполит велел напомнить товарищу комэску, чтоб не вздумала пока чистить свой ТТ. Из которого она врезала по диверсантам. Так, Глафира? Там же в стволе гарь.

КУЧЕРОВА. Да?! Ну да! *(Вынула ТТ, глянула в ствол, поражена.)* Ишь, как закоптился!

ГРАНАТКИНА. Дайте-ка. *(Осмотрела, понюхала.)* Свежий запах. Не выветрился.

БАСЯКИНА. Так почти только что из него стреляли по врагу!

ГРАНАТКИНА *(Мучкину)*. Кстати. У мужского и женского нужников охраны не было?

МУЧКИН *(растерянно)*. Сколько воюем, никогда не ставили часовых у нужников...

БАСЯКИНА. Что там охранять?! Кучу дерьма в яме?

ГРАНАТКИНА. Военфельдшер, устраивая бани и нужники, вы требуете соблюдения правил гигиены? И в организации охраны нет мелочей! Солдат в нужнике выпадает из общего поля охранения. Из-за этой беспечности сколько языков взято в плен именно на очке!

ГУЩИН. Без нужников войну не выиграть. Но не в сральниках запрятан ключ к победе.

ГРАНАТКИНА *(Гущину)*. По-прежнему остры на язык. *(Мучки-*

*ну.)* Посты проверю позже. Ждите меня. *(Гущину.)* Идемте, капитан. Продолжим дознание на месте преступления.

*Гранаткина и Гущин ушли. Кучерова тревожно и мрачно глядит им вслед.*

КУЧЕРОВА. Этот мудрон... Ляпнет при ней лишнего. Ох, нога... Пойду, отлежусь.

БАСЯКИНА. Я тебя провожу. Заодно поправлю перевязку.

МУЧКИН *(вслед Гранаткиной).* Неужто у них в штабе дивизии у каждого очка стоят караульный и сотрудник особого отдела? Если посчитать, сколько их понадобится...

БАСЯКИНА. Лучше иди посты проверь. Пока Гранаткина не пересчитала за тебя.

*Встревоженные, расходятся.*

**10.**

*Вечер. Вышел Крамов, сумрачен; расстилает шинель. Подошел Гущин.*

ГУЩИН. Вот ты где. Вздумал ночевать под открытым небом?

КРАМОВ. Я заждался! Где был?

ГУЩИН. Важному человеку помогал в следственной работе.

КРАМОВ. Ложись-ка рядом. *(Укутывает Гущина и себя шинелью, лицом к лицу.)*

ГУЩИН. Чего надо? Если опять, как начальник подчиненному... Отвечу: бузил и буду бузить. На войне каждый день как последний. А для выговора не обязательно прятаться и...

КРАМОВ. Утихни. Дела серьезные. Надо держаться подальше от чужих ушей.

ГУЩИН. Не сопи в ухо! Щекотно. *(Хмыкнул.)* Кто б нас сейчас увидал, такое подумал бы!

КРАМОВ. Раз сделали коробок спичек, сбоку написано: «СССР». Кому-то бздительному побздилось: три буквы «С», три полукруга, золотистые... нимбы святых с икон! На всех, кто был причастен, ушел донос: антисоветчина, пропаганда религии, агитация против власти.

ГУЩИН. Ты тоже против строя меня агитируешь? Против правительства?!

КРАМОВ. Я о жути, когда тупая подозрительность... Явная дурь! Но их всех... Амбец.

ГУЩИН. Ты откуда знаешь?

КРАМОВ. На прежней работе слыхал. А помнишь, в женском полку две летчицы срезали парашют у осветительной бомбы и пошили себе и другим лифчики и шелковые трусы?

ГУЩИН. Ну и дуры.

КРАМОВ. А сам говорил: женщинам нужна красота! И надо учитывать их физиологию.

ГУЩИН. Без трусов не повоюешь. Да. Но военное имущество портить... Дурость!

КРАМОВ. Дурость не дурость... Но уж за те трусы зачем было их под трибунал, а потом в лагерь? Еще повезло. Грозили расстрелом!.. Чего вертишься?

ГУЩИН. Сбил ты мне сонную настройку.

КРАМОВ. Боишься страшных снов?

ГУЩИН. Я вообще снов не вижу. Сплю как младенец.

КРАМОВ. Видать, совесть чиста.

ГУЩИН. А ты в такое не веришь?

КРАМОВ. Ну, во что я верю... Чего у вас с Гранаткиной было? Колись, наконец!

ГУЩИН *(удивленно).* Ничего такого не было. Она морально устойчива и неподатлива.

КРАМОВ *(тоже удивился).* Я про диверсантов и расследование.

ГУЩИН. Ах, вот ты о чем...

КРАМОВ. Ваньку не валяй, а? Далеко продвинулись?

ГУЩИН *(уныло).* Угу. Назад не вернуться. По злосчастным диверсантам можно петь поминальную. Если были бы в натуре. Она заглотила все твои наживки. И даже не кашляла. *(Мучимый какой-то неясной мыслью.)* Но ты не радуйся, змеюк.

КРАМОВ *(несколько самодовольно).* Это почему?

ГУЩИН. Шарили везде. Кроме очка. Гранаткина, идеи ради, рылась бы в любом дерьме... Спускались к низовьям ручья и поднимались к его верховьям. Вылавливали сапоги...

КРАМОВ. Ты прямо сказитель.

ГУЩИН. Собирали гильзы. Из-за дождя не смотрели на опушке. Туда завтра. С утра. А так... Картина покушения на прекрасную задницу капитана Кучеровой вырисовывается все более ясная. Кабы не туман, сегодня уже были бы результаты и оргвыводы.

КРАМОВ *(как-то хищно и злорадно осклабился).* Нашли диверсантов?

ГУЩИН. Не успели. Но завтра они будут на блюдечке. *(С намеком.)* Подозреваемый есть уже сегодня. Слушай, эта Гранаткина... она всерьез любит человека зарывать? Такая дура?

КРАМОВ. Помнишь, ты в сорок втором говорил: боевому опыту надо учиться у врага?

ГУЩИН. И сейчас уверен: лучший учитель воина – умелый противник...

КРАМОВ. Эта злыдня едва тебя не цапнула. Комполка еле отмазал. На счастье, ты тогда сразу трех фрицев в одном бою в землю загнал. А то бы... Как это мимо тебя прошло?

ГУЩИН. Она поспрошала кое-что о Мучкине. Прочла и списала графики караулов.

КРАМОВ. Быстро перестроилась. Я только хотел от тебя по первости беду отвести...

ГУЩИН. А то ты не понимал, что она ушами не хлопает? И задумает на Мучкина.

КРАМОВ. Тяни завтра волынку. Сколько сможешь.

ГУЩИН. А чего-то должно случиться? *(Почти обвиняя.)* Она повсамделе землю роет!

КРАМОВ. Что может случиться? *(Мрачно.)* Тяни время. Вдруг что придумается. Куда ты?

ГУЩИН. Руки отпусти. Медведь. Как тисками... Теперь не до сна мне. Предчувствия у меня... Всякие-такие. Из-за тебя. Прошвырнись-ка отсель подальше. Дай сосредоточиться...

*Высвобождается из-под шинели. Крамов, подумав, взял шинель и ушел.*

**11.**

*Туман. Неясные тени. Нарисовалась Басякина с прутьями-вешками в руках.*

БАСЯКИНА. Ой! Юрий батькович! Что вы тут? Ваш мужской нужник с той стороны.

ГУЩИН. Какая ты непоэтичная женщина. Вы, доктора, все такие... грубые?

БАСЯКИНА. Капитан, вы заблудились в тумане?

ГУЩИН. По-твоему, мы, двуногие в штанах, не способны на... Романтику! Под луной! И всякое! Туман вот. Так все загадочно. Не знаешь, кого встретишь. Не то диверсанта. Не то говорящую змеюку с пистолетом. Не то лесную красавицу с волшебной палочкой в зубах.

БАСЯКИНА. Вот трепло!

ГУЩИН. Куда плывешь ни свет, ни заря, укрытая туманом? Своего лейтенанта шукаешь?

БАСЯКИНА. Вовсе он не мой.

ГУЩИН. Хочешь, чтоб был? Чего молчишь? Зачем тебе эти прутья? Брось!..

БАСЯКИНА. Не трожьте. Не знаю, про кого вы говорите.

ГУЩИН. Скажи-ка мне... Можно, я тебя немного провожу? Помогу веточки таскать.

БАСЯКИНА. Мучкин это просто так...

ГУЩИН. Ага, пока просто так. А найдется, сразу все не просто... Уже ухажер.

БАСЯКИНА. Он не ухажер. И не терялся. Не трожьте ветки!

ГУЩИН. А то врежешь? Ветками же? А все ж скажи... Ты почему Басякина?

БАСЯКИНА *(помолчав)*. Родственник... По глупости. Сказал не то! И кто-то... Может, из зависти. Чтоб себе место.... Короче, на него... В органы. Он теперь далеко. Не как враг народа. Но... А я так хотела доучиться! У нас в роду все врачи! А тут еще перед войной на евреев ополчились. Может, только в нашем городе... Тут один друг семьи, как раз из тех органов, посоветовал: война, неразбериха. Эвакуация. Меняй фамилию, национальность. И переводись доучиваться в институт в другой город. А до того одна моя подруга... Из дворян. Они старинного заслуженного рода, Плещеевы. А к дворянам у нас тогда, знаете ж как. Переписались они на Плешивцевых. Тот друг семьи им помог с документами. Так вот и... проскочили. А через полгода я ускоренно получила диплом и... Добровольцем в армию.

ГУЩИН *(шутя, но с пафосом)*. От фамилии, от крови, от национальности не отрекаются.

БАСЯКИНА *(серьезно)*. Я не отреклась. Я твердо решила: заслужу... и после войны за всё.. И национальность, и фамилию верну. И моим... Прощение! Подетски, конечно, это. Но неужто за всё, что мы на фронте выстрадали, за нашу кровь, за муки... тем, на кого плохо думали... Не простится? Они честные люди! Просто мыслят по-своему. Их право!

ГУЩИН. А если б?.. Мало ли! Окружение. Плен... И фрицы догадались бы о твоей нации?

БАСЯКИНА. Знаю. Я на фронте не только из-за долга. Мне так страшно! Но я здесь, чтобы другие, те... поняли: если кто-то думает не так, как они, это не значит, что он плохо любит Родину. Он ее так же любит. И хочет защитить. Вот. Со мной ничего плохого не может быть. Не должно! Только характер меня подводит.

ГУЩИН. Мы давеча гоняли фрицев по болоту... Так замполит тебе наградной лист пишет.

БАСЯКИНА. Вот трепло.

ГУЩИН. Замполит? Григорьич?! Потому что не вашего полка? Нет? Мне не веришь?

БАСЯКИНА. Ваш замполит... Порой похож на тех, из-за кого мои... в Сибири, а я меняла фамилию. Но чаще он будто... Отвечает за всё. Чтоб везде... по справедливости. И правде.

ГУЩИН. Он мне сказал, что твоего недруга больше нет в штабе дивизии. Короче, жди боевой награды и возвращения звания. Всё у тебя сбудется.

БАСЯКИНА (*мрачно*). Если бы...

ГУЩИН. А ну, деваха, колись, чего на рассвете шляешься возле минного поля?

БАСЯКИНА. Вешки хочу переставить. Отстала от Мучкина в тумане. Пока он ищет, я б...

ГУЩИН. Спятила? А если кого по ошибке занесет на мины?

БАСЯКИНА. Никого не занесет. Только меня. И эту...

ГУЩИН. Почем знаешь? Ты чего задумала?! Упираешься, как на допросе!

БАСЯКИНА. Эта... Гранаткина... Она же подбирается к моему... к Мучкину. Преступную халатность шьет. Будто из-за его недосмотра, как начальника охраны... Нарочного недосмотра!.. Диверсанты прорвались на аэродром, а потом покушались на Кучерову. Стерва.

ГУЩИН. Диверсантов не было.

БАСЯКИНА. Стерва. Как не было? Мы ж с тобой напоролись на них... А кто в Кучерову стрелял?.. Власть свою показать хочет. Начнет с утра вынюхивать. Как посты расставлены. И наблюдение организовано. Над проходами в минах. Я вешки... И поведу ее... По минам.

ГУЩИН. Зачем? Сама?

БАСЯКИНА. Тут, с краю, противопехотные ловушки. Не очень мощные. Авось, лишь поранит. Главное, что увезут ее отсюда. И она его... Мучкина... и никого... не достанет.

ГУЩИН. Дурында! Если ее ранит... У нее ж чутье! Она в отместку накатает та-акой донос!

БАСЯКИНА. Ну... Тогда заведу ее сразу на самые убойные. И сама с нею... Все равно, когда вешки передвину, сама наугад пойду. Четнечет. Авось.

ГУЩИН *(прижимает ее к себе)*. Дура! Не смей! Я приказываю!

БАСЯКИНА. Пустите! (*Вырывается*.) Мне никто приказать не смеет. Когда моего... к кому мое сердце... Ловят, как... И на смерть!

ГУЩИН. Если ты себя... Не будет, ради чего ты на войне. Дорогая плата за одну сволочь.

БАСЯКИНА. Тише. Вот он. Идет. Ничего ему не говорите.

*Из тумана выплыл Мучкин. Встревоженно и малость ошалело глядит на них.*

ГУЩИН. Слушай-ка меня, лейтенант. Как старшего по званию, по годам, опыту и по уму. Ты на земле наводишь порядок. А я в небесах звездаюсь... Мне сверху видно всё, ты так и знай. Я это о чем? Так вот, по уму. Видишь эту утреннюю фею? Эту русалку? Думаешь, это простой расейский военфельдшер, усталый от войны? Или болотная чумичка, перемазанная грязюкой? Это такое чудо....

Самая прекрасная... У нее душа... Запомни. Береги ее. Не знаю, как что. Крепко-крепко держи. Если что... Я тебе за нее... На дне моря найду. И на том свете! Ладно, мальцы. С добрым утром. Пойду вздремну. Не блудите тут, в тумане...

*Уходит, забрав ветки; весело хлещет ими, как мальчишка, воюющий с лопухами.*

МУЧКИН. Чего это с ним? Пьяный? Так он, сколько ни выпьет, никогда не хмелеет.

БАСЯКИНА. Поцелуй меня.

МУЧКИН. А... (*Нелепо обтер ладони о галифе и тянется к ней.*) Я... (*Ткнулся губами в ворот ее гимнастерки; удивленно.*) Это у тебя... что? (*Потянул цепочку.*) Могендовид? Звезда Давида... Ты верующая?.. Стала?

БАСЯКИНА. А у Глашки... у комэска Кучеровой... крестик.

МУЧКИН. А как же... Те, кто учат, что бога... И...

БАСЯКИНА. Сейчас ничего не хочу знать. Глупости. На войне нужна надежда, вера в нее, и... Может, он там, наверху, справедлив... А после войны! Всё будем знать. По правде.

МУЧКИН. Ты же врач. (*Не то, что возмущенно, но все же.*) Где в теле?..

БАСЯКИНА. Душа? Целуй меня. Узнаешь. Только целуй! Порядочная девушка... Ко мне многие тут... Я понимаю: смерть и... Но остальное отломится только после свадьбы.

МУЧКИН (*оторвавшись от целования ее щек, глаз, шеи*). После войны?

БАСЯКИНА. Я загадала: если будем живы... Будет всё! (*Убегает и уводит Мучкина.*)

**12.**

*Явился Гущин. Осматривается. Размышляет. Торопливо выходит Мучкин.*

МУЧКИН. Товарищ капитан...

ГУЩИН (*с сумрачной приветливостью*). Тута я. Секундантов хотел прислать?

МУЧКИН. Как вы догадались?

ГУЩИН. А у тебя вид такой... Но раздумал?

МУЧКИН. Я спешил. Пока Настя... товарищ военфельдшер... там... Я сюда и обратно.

ГУЩИН. А сосчитал?

МУЧКИН. Что?

ГУЩИН. Шаги? Оттуда сюда. Чтобы обратно столько же получилось? Особист Гранаткина ошибок не прощает. Она существо очень не смешливое.

МУЧКИН. Я понимаю. Я глупо себя вел. У вас есть право смеяться.

ГУЩИН. Право смеяться есть у каждого. И дураки те, кто им не пользуется.

МУЧКИН. Но я сейчас... (*Торжественно*). Товарищ капитан!

ГУЩИН. Не стоит упрекать в том, что еще не повысили до майора.

МУЧКИН (*еще торжественнее*). Я хочу поблагодарить и извиниться.

ГУЩИН. Заранее тронут. Не тушуйся! Все по-честному. Тебя подзадоривал.

МУЧКИН. Я вас глупо ревновал. Как мальчишка.

ГУЩИН. А ты хочешь ревновать, как старик?.. Ладно, ерунда всё это.

МУЧКИН. Меж боевых товарищей недомолвки... Не... И... военфе... Настя. Говорит...

ГУЩИН. Вот и слушайся ее. Она, хоть и тараторка, но дурного не посоветует.

МУЧКИН. Она... Это такое благородное сердце. И вы так благородно...

ГУЩИН. Я щас слезу пущу. Считай шаги отсюда обратно. А то твоя фея тебя потеряет. Не обижайся. Я оценил твою прямоту. Но... У меня тут встреча. И...

МУЧКИН. Да-да. Я понимаю.

ГУЩИН. Ни фига не понимаешь. Я откомандирован в помощь Гранаткиной. Катись.

*Мучкин ушел. Гущин напрягся; он явно слегка растерян.*

**13.**

*Появляется Кучерова. Расстилает шинель и – «Ой-ой-ой!» – ложится на живот.*

ГУЩИН. Салют! Загорать решила?

КУЧЕРОВА. Ага. Под дождичком в туман.

ГУЩИН. Как твоя... верхняя часть ноги?

КУЧЕРОВА. Ты о нижней части спины?

ГУЩИН. Мгм... в общем, как ты, вообще?

КУЧЕРОВА. Угу. Вообще.

ГУЩИН. Словом, хорошо, что нет вылетов. Нет, плохо, конечно, что мы не можем помочь нашим наземным войскам. Но надо же, чтоб ты подлечилась!

КУЧЕРОВА. Намекаешь, это ты выпросил у Ильи-пророка. Мне для передышки? Туман.

ГУЩИН. Да ведь если вдруг боевая тревога, как ты в самолет полезешь такая?

КУЧЕРОВА. Не, если по тревоге... Ну! Это вот тут. Пока затишье. Без дела. Ни стать ни сесть. Не знаешь, как прихреначиться, чтоб поспать. Но если в бой... Ну!

ГУЩИН (*глядит, как она потягивается*). Не видал никого красивее тебя.

КУЧЕРОВА. Ах-ах, что вы! Уж вы-то навидались. На... сра... внивались. Ва-а-абще.

ГУЩИН. Иди ты... Ну, слаб мужик. Ну... Да иди ты!

КУЧЕРОВА. Слушай. Вот. Пуля низко долбанула. Купальник не закроет. Вдруг слишком шрам... того. Виден. Как думаешь? Не очень меня это поуродует? Если на пляже?

ГУЩИН. Боевые шрамы украшают лицо воина. И даже воительницы!

КУЧЕРОВА. То лицо. А тут полная задница! Сбивали. Дважды горела. На По-два, они как свечки! Фанера и брезент. Ни царапины. И вот самый конец. И куда!.. На таран ходила. В лобовую! А попали не с той стороны. И я ж отстреливалась! Кому скажешь...

ГУЩИН. Не бери в голову. За тебя отомстят. Если Гранаткина найдет тех, кто покушался на твою прекрасную ж-ж... Да. От них мокрого места не останется.

КУЧЕРОВА. Вот. Ты там с ней не очень-то.

ГУЩИН. Я не шашни с ней вожу. Помогаю в расследовании! По приказу замполита.

КУЧЕРОВА: Шашни! Да за ее выверты... Ей не шуры-муры, ее к ногтю! Смотри мне.

ГУЩИН. Не боись! Она меня достала. Да. Но я сдержусь. Не утоплю ее в болоте. В конце войны под трибунал из-за этой... Очень надо! Но интересно: до чего она еще дотумкает? С такими кривыми мозгами... А вообще, ты знаешь, я не могу поднять руку на слабый пол.

КУЧЕРОВА. Брезгуешь? Не держишь нас за достойных соперников?

ГУЩИН. Да ты чего? Я женщин уважаю. Ценю!..

КУЧЕРОВА. Уж знаем. У вас для нас, баб, на все случаи один аргумент. И за. И против.

ГУЩИН. Может, от таких аргументов Гранаткина бы помягчела. Затащил бы ее кто смелый в кусты. И с чувством, толком, с расстановкой! С поцелуями. От души и всего сердца.

КУЧЕРОВА. Царица была. Давно. Кто хотел ее, с тем она на ночь. И башку прочь. Ему.

ГУЩИН. Читал. Египетская Клеопатра. Ты это к чему?

КУЧЕРОВА. Она так высказывала... власть над мужиками. И презрение к ним. И Гранаткина власть кажет. Ловит на дури. И под монастырь подводит. Так вас и имеет. Пистолетом.

ГУЩИН. Ты уже вторая, кто говорит такое про нее. Ерунда! Помоему, там все сложнее.

КУЧЕРОВА (*села*). Козел резвый! Сверху угляжу, что осмелился вправлять ей мозги через то место... Всей боевой нагрузкой прищиздачу!

ГУЩИН. Ну, раз так... Тогда, так и быть, давай оттащу тебя к Басякиной на перевязку.

КУЧЕРОВА. Дойду. (*Массирует раненое место, привлекая к нему внимание.*) Тут рядом.

ГУЩИН. Ни фига. Медпункт Басякиной в сей миг далече. Во-он на том конце поля.

КУЧЕРОВА. Это на хрен она так далеко пересела?

ГУЩИН. Поехали! (*Потащил ее на шинели.*) А там у нее во какой ассистент!

КУЧЕРОВА (*притормозила ногой*). Значит, у них с лейтенантиком лады?

ГУЩИН. У них лады. А у нас?

КУЧЕРОВА. Добьем войну. Поглядим.

ГУЩИН. И ты забудешь... все... всех, что у меня... Да я тебе клянусь! Что...

КУЧЕРОВА (*тормознула ногой*). Что было... Меня не колышет. А дальше... Надо обмозговать в покое. Кончится война... Но будем вместе, смотри! И чтоб о ране моей... Не трепал.

ГУЩИН. Если ты... Такая, как ты, со мной... Да разве я когда... тебе... про тебя!..

КУЧЕРОВА. Балабол. Все прощу. Но пока на ноги не стану... Не надейся. Тащи.

*Гущин берет с места в карьер – она едва не слетела с шинели; утаскивает ее.*

**14.**

*Выходит Крамов. На плечах шинель. Мрачен. Ежится.*

КРАМОВ. Верил бы в бога... Молил бы: яви чудо! Просвети тупые мозги! Чтоб вера не была слепой. Любая! Чтобы властные и умные не делали дураков беспощадным оружием.

*Явился Гущин. Увидев Крамова, слегка растерялся.*

ГУЩИН. Ты тут... А видок у тебя... Будто молишься!

КРАМОВ. Может, и молюсь. Катись, куда шел. Сейчас сюда явится Гранаткина.

ГУЩИН. Сказать, о чем небо просишь? На спор! Вот: кто научит злых дураков и добрых умников, добрых дураков и злых умников? Не спешить судить. Карать по мере вины. Если она есть. Удерживаться от подозрений и наветов... Угадал?

КРАМОВ. Провидец... Туман. Был бы мир, любовались бы: красота тайны! В нечаянном передыхе. Островок затишья среди вселенской резни. Туман отрезал нас от всего мира.

ГУЩИН. Весна ранняя. Погода шаткая. Давно замечено: пальба больших сражений влияет на атмосферные процессы. Ответ природы людям... Заперла нас на засранном аэродроме.

КРАМОВ. Словно некая сила дает нам возможность разобраться в себе. Между собой. Отделить бред от яви. Освободить душу и взлететь. Пробить облака, что закрыли от нас небо.

ГУЩИН. Ты летал. Пока не ранило. Тебя уважают. А Гранаткина не была в небе... Выше туч. Под солнцем. Кувыркаешься там, сколько хватит сил. Но в небе мы не живем! Если подобьют, или кончится горючка, или в машине нелады... Мчишь вниз, к земле. Так любишь ее! И жаждешь, и страшишься. Ошибешься, хана! Не простит ошибки.

КРАМОВ. И Гранаткина спуску не даст. Спешит. Какое чудо должно случиться, чтобы обстоятельства и случайности легли подругому, и она промахнулась?

ГУЩИН. Ты в мистику ударился? (*Помолчав.*) Эта Гранаткина... тянет к себе. Не простит, что не так. Ищет, чего не было. На невинных лепит. Все понимаю. Но... Как магнитом.

КРАМОВ. Вон она! Легка на помине... Одно на другое завязано. Пальцем поведешь, и что-нибудь в мире зацепишь. Хотел отвести беду от тебя, и навел на другого... Дуй отсюда. Этой змее все равно, на ком закруглить счет. И за что получить новую блестку на грудь.

ГУЩИН. Ага... Чую твою главную молитву. Высший судия, если ты есть... Сотвори чудо! Не пускай дураков молиться тебе! Но кто так думает, тот похож на Гранаткину. Учти.

*Гущин ушел. Вышла Гранаткина. Вся как струна. Оправляет гимнастерку, пилотку, волосы. Деловита и довольна собой. Идут с Крамовым друг к другу.*

ГРАНАТКИНА. Я без предисловий. Думаю, к обеду... Минутку. (*Листает бумаги.*)

КРАМОВ (*про себя*). Хлопнуть ее, что ли? Дождаться налета противника. Или обстрела. Или вот очередной банды отступающих фрицев. Завести в лес, и под шумок...

ГРАНАТКИНА. Да. К вечеру... (*Закрыла планшет.*) Будут результаты. В рапорте сообщу о вашей помощи. За Гущина особое спасибо. Отличная помощь. Была о нем худшего мнения. Он настроен верно. А ему надо быть очень

усердным. За ним много двусмысленного.

КРАМОВ. Спасибо за доверие. Польщен. Что посвящаете в ход дознания. А то ведь...

ГРАНАТКИНА. Я всегда открыта. Прежде, чем послать рапорт по команде, я всегда укажу человеку на его ошибки. В чем неправ. Где заблуждается. Вы как начальник имеете право... и должны... знать, какие проблемы я выявила у ваших подчиненных. Если, конечно, речь не о таком преступлении, когда информацию нельзя из-под контроля... Вы сами прибегли к моей помощи... Вовремя. Чтобы предотвратить худшие последствия. Ценю.

КРАМОВ. И я ценю. Доверие и понимание. Однако... Если вы сегодня закончите...

ГРАНАТКИНА. Да. Вечером же отправлюсь с донесением и рапортом в штаб.

КРАМОВ. Надо ли спешить? Может, прежде... Проверить детали?

ГРАНАТКИНА. Детали после. Если понадобятся. Мы их найдем. Тянуть нельзя.

КРАМОВ. Вы так говорите... Будто какая-то сила требует... Нечто над вами...

ГРАНАТКИНА. Конечно! Надо мной и над вами.

КРАМОВ. Совесть?

ГРАНАТКИНА. М-да? Совесть? Убежденность! Правота нашего пути однозначна. Это еще выше! Кто создал нашу страну... Бережет строй. Эту власть. Ведет нас на врага. Доверил мне мой пост. Вы понимаете, я искренне?.. Вождь сказал: партия орден меченосцев. Не медли! Увидел. Сообщил. Доказал. Исполнил. Жду содействия. Я отпустила машину. И...

КРАМОВ. Машины без горючего. Тыл обеспечить не успевает. Везут лишь для самолетов. Лошадью! В телеге с бочкой. За день успевает три раза. Не на велосипед же вас... Но к ночи тележный бензовоз вернется. Утром сможете на нем... Если вас это устроит...

ГРАНАТКИНА. Есть. К утру буду готова.

КРАМОВ. Ясно. Пойду распоряжусь. *(Ушел.)*

**15.**

*Вернулся Гущин. Притормозил было. Но все же подошел к Гранаткиной.*

ГУЩИН. Здравия желаю! Прошу простить, запоздал чуток.

ГРАНАТКИНА *(глядит на часы)*. Почти вовремя. Сегодня завершим. Поставим следственный эксперимент. Мы нашли немало улик. Еще бы экспертизу оружия, состава крови...

ГУЩИН. Не совсем понял. Состав крови?

ГРАНАТКИНА. Кровь указывает расу и нацию. Но нам хватает доказательств. Даже косвенных. О преступной халатности. Кое-кого. *(Куда-то вгляделась.)* Осталось подтвердить: диверсия могла произойти так, как нам видится. А если могла... Значит, и была.

ГУЩИН. Опять не очень понял. Замполит Крамов, бывший опер, он бы сразу вник.

ГРАНАТКИНА. У вас нет следственного опыта. Это просто. Мы отследили следы сапог к началу, до ручья. Там даже один сапог в тине у берега. Неясно, почему там. И один? Но это не важно... Здесь, на опушке, мы нашли кровь. И немецкие гильзы. Там, где крови больше всего. Там, явно, кого-то из диверсантов зацепила пуля отстреливавшейся Кучеровой.

ГУЩИН. Вот почему один сапог.

ГРАНАТКИНА. В каком смысле?

ГУЩИН. Я почти уверен, что пуля попала диверсанту в ногу.

ГРАНАТКИНА. На чем вы основываете свое мнение?

ГУЩИН. Кучерова, когда отстреливалась, пригибалась. И пули шли низко.

ГРАНАТКИНА. Разумно. Хотя... не факт. Но... возможно. Дальше?

ГУЩИН. Тот из них, кого задело, снял сапог. Перебинтовался. А сапог на ногу не влез. Из-за наспех накрученных бинтов. Они его выбросили. Чтоб не оставлять явную улику.

ГРАНАТКИНА. Уловила. Делаете успехи. Версия возможна. Кстати, прежде вы казались мне более легкомысленным... Но теперь мое мнение о вас изменилось. В лучшую сторону.

ГУЩИН. Польщен. Даже самому странно.

ГРАНАТКИНА. За вас поручился замполит. Вы пересмотрели свои прежние взгляды.

ГУЩИН. Если застрянешь на месте... То пинком под зад... Жизнь двинет и поучит.

ГРАНАТКИНА. Многому. *(Вроде сожалея.)* Вы оказались сообразительнее, чем мне...

ГУЩИН. Сам не ожидал. От себя.

ГРАНАТКИНА. Не все ведут себя здраво. Не все. А за вас рада. Оправдали мое доверие.

ГУЩИН. Даже не надеялся. Что сумею...

ГРАНАТКИНА. Вы *(оценила его молниеносным взглядом)* тоже считаете меня... сухарем?

ГУЩИН *(невольно, как истый бабник, купился)*. Я? Как раз... Отнюдь.

ГРАНАТКИНА. Я всегда открыта. (*Вновь тот же взгляд.*) Я честно говорю любому о том хорошем, что в нем вижу. И если переменила о нем свое мнение. К лучшему.

ГУЩИН *(не удержался)*. А к худшему?

ГРАНАТКИНА. Тоже. Скажу. Как честный товарищ. Готовый предупредить о возможных ошибках. И последствиях. (*Вновь взгляд, что пугает и манит.*) Я слишком откровенна?

ГУЩИН. В самый раз. Как настоящий честный боевой товарищ.

ГРАНАТКИНА. Ценю ваше понимание. Итак... На чем мы остановились в рассуждениях?

ГУЩИН. На том месте, где задело пулей кого-то из предполагаемых диверсантов...

ГРАНАТКИНА. Никаких гаданий. Вы с Крамовым многое затоптали до меня. Но картина ясна. Следы двух пар сапог. Рядом кровь и гильзы. Диверсанты всамделишные. И по всему вино, что они не крались вплотную к сраль... к юнкерсу. Стреляли издали.

ГУЩИН. Оттуда сюда, в человека внутри юнкерса? Такие глазастые, что разглядели?!

ГРАНАТКИНА. Да, внутри темновато. Но фюзеляж весь в пробоинах. Когда летчица оголила... по этому делу... Задни... нюю часть тела ... Самое светлое место на теле...

ГУЩИН. Да. Это самая светлая... сияющая часть женщ... ской души. (*Замялся, видя, как она ест его глазами, и не удержался.*) То есть, я хочу сказать: есть те, кого именно эта светлая сторона женщины возбуж... истинно вдохновляет. Я не слишком... по-мужски?

ГРАНАТКИНА. Мы не институтки. Тут война. Если о высшем, не всякие слова к месту... А для разрядки... Люблю крепкое словцо. Анекдот из вашей летной сферы. Вражий ас другому: «У русских не хватает мужиков, бабы в воздухе!» – «Почем знаешь?» – «По радио слышу: прикрой меня, я его пи... хи!.. з-зз... хи... ой!.. накрою!» (*Жадно глядит на Гущина.*)

ГУЩИН (*его аж качнуло от ее лобового кокетства*). Да. Шибает. Как медным тазом.

ГРАНАТКИНА. Что?

ГУЩИН. Извините, сейчас плохо понимаю шутки. Когда эти диверсанты... Подглядывают за бабой... за нашим офицером в неподходящее время. Сквозь такую дырочку! Издали!..

ГРАНАТКИНА. Не верите, что смогли заметить сквозь пробоины? Пф-ф! Элементарно.

ГУЩИН. Ладно. Пусть. Разглядели. Оттуда. Сюда. Но! Попасть сквозь такую пробоинку! Прямо в жо... в цель. В полумраке! Это же какую надо меткость показать!

ГРАНАТКИНА. Не стоит сомневаться в должной выучке диверсантов. Посторонитесь.

*Достала «специальный» пистолет, примерилась и бегло выпустила всю обойму.*

*Всем своим видом, завораживающе-победительны, она излучает самодостаточность и уверенность в себе. И в том, что все будет только так, как она задумала.*

ГУЩИН (*потрясенно всматриваясь*). Да. Это... Да! Вот это рука.

ГРАНАТКИНА. И оружие.

ГУЩИН. Все шесть. Как одна. В центре свастики на хвосте юнкерса.

ГРАНАТКИНА. Нервы в кулаке. Оружие в порядке.

ГУЩИН. Как одна. (*Не в силах оторвать взгляд от увиденного.*) В точку.

ГРАНАТКИНА. Следственный эксперимент завершен. Так оно все и было.

ГУЩИН. Но это же косвенные улики! Предположения. А как на самом деле...

ГРАНАТКИНА. Так могло быть? Да. Стрельба, следы и кровь? Есть. Раненые... С нашей стороны есть. Преступление в наличии. Значит, косвенные улики его изобличают.

ГУЩИН. Кого?! А если все случайно? Совпали непредсказуемые обстоятельства.

ГРАНАТКИНА. Если вооружен самым верным учением о мире... Предсказать можно всё. У непредвиденных случайностей есть причины. У причин – виновники.

ГУЩИН. У случайностей – виновники?

ГРАНАТКИНА. Если нет, их находят. Иначе слишком много вопросов. И сомнений.

ГУЩИН. Замполит, бывший опер, говорил... У юристов прежде сомнение шло в...

ГРАНАТКИНА. В пользу обвиняемого? Нам нужны не сомнения, а ответы. Народ требует знать: чья вина? И мы находим и докажем любую вину. Есть виновник – есть ответ. Даже если его, по виду, нет. Наше доверие к человеку укреплено ответственностью. Уважение к закону и страх неотвратимого наказания. Шкала наказаний нужна простая. Соизмерение вины и наказания осложняет... На войне не до сложностей. Начальству нужно иметь ясную картину. И мы, которым дано право... Нестойкие видят мгновенный и суровый пример наказания. Ясно? Пойду оформлять протокол. Вечером найдите меня. Подписать. Пока свободны. Спасибо за помощь. (*С напором.*) Вечером жду. (*Ушла, твердо пожав ему руку.*)

**16.**

*Гущин потрясенно озирается. Задумывается. Возвращается Крамов.*

КРАМОВ. Ну, всё вынюхали, что могли? Ты чего... как опрокинутый?

ГУЩИН (*словно приходит в себя от морока*). Она ненормальная.

КРАМОВ. Гранаткина? А недавно кому-то нравилась.

ГУЩИН (*будто вдруг открыл в себе страшную бездну*). Наверное, таким, как я, шелапутам без царя в голове, больше всего подходят такие вот упертые, как она... Правильные.

КРАМОВ. Она правильная?! По убеждению? Интриган тоже всегда уверен в своем праве.

ГУЩИН: Она меня, как змея кролика, морозит своей убежденностью. Все пули в точку!.. Улик не было! Ты их слепил. Теперь бред Гранаткиной о диверсантах... кажется явью! Все шесть пуль, одна в одну, почти не целясь... Бр-р. Аж паморки отшибает.

КРАМОВ (*садится с ним рядом, накидывает на него и на себя шинель*). Выпьешь?

*Дал фляжку; Гущин поднес ее ко рту, но не пьет. Невидяще глядит в пустоту.*

ГУЩИН. Мне стремно. Диверсантов не было! Но она найдет виновных. Достанет Мучкина. (*Держит флягу у рта; и не пьет.*) Отвлеки ее. Сделай что-нибудь! Сногсшибательное.

КРАМОВ. Где я возьму сногсшибательное?! Выпей всё же. И ложись. (*Укрывает его шинелью.*) Спи. Пока можно. Я всё, что смог, сделал. А на душе так погано...

ГУЩИН (*приподнялся*). А если бы жареный петух не клюнул? Не попытались бы замести меня, твоего друга? Ты бы смолчал? Ты порой почти, как Гранаткина.

КРАМОВ. Ты!.. Думай, что несешь! Я из уголовки. Я даже не энкавэдэшник. Пей!

ГУЩИН. Отстань... Вас разберешь.

КРАМОВ. Были проблемы? У тебя с...

ГУЩИН. С вами, ментами? Начинались. Но не сложились. Успел в летную школу... Под Москвой, до войны, в самом шикарном дачном районе, строили всё лучшее: пригородные овощные хозяйства, поселки, клубы всякие. И туда вперли спецшколу для беспризорников. Слыхал, нет? Я оттуда... За хулиганскую дурь нам светила тюряга. Но по малолетству собрали в тот приют. Не колония. Но...

Перевоспитывали трудом. Знаниями. Всяко. Многим жизнь выправили!.. Я в последнем классе. Впереди выпускной вечер. Дальше армия. Или завод, или учеба. Мы устроили прощальный набег на сады и огороды. В ночь. Нас засекли.

КРАМОВ. Как это вы так подставились? Ушлые беспризорники!

ГУЩИН. Застряли. Где? Кабы трясли государственное хозяйство! А мы влезли на дачу очень важного начальственного туза. Там в теплице... Очень редкие орхидеи! Мы ни стекла не кокнули! Наломали букетище на память. Начальнице нашей спецухи. Увлеклись! А уже светало... Тот говнюк поднял кипиш: нас – за решетку! Или хана всей спецшколе! А тетка-следователь из вашей ментуры тянула время. Оценила нас, удалых парней, и...

КРАМОВ. Скажи прямо: на тебя и запала. К тебе с малолетства, видать, женщины липли.

ГУЩИН. Н-ну... Она молодая. Ладная. А глаз... тяжелый, удавий. Противно. Я не внял ее намекам. Кранты бы мне, но объявили новый набор в летные школы. Начальница нашей спецухи успела нас тайно отправить... А там и война. И я не достался той следачке-змеюке.

КРАМОВ. Не достался той, так достанешься этой...

ГУЩИН. Где только таких находят... вы, в ментуре и эти, энкавэдешники?

КРАМОВ. В Одессе была одна, еще в Гражданскую войну до смерти запытывала пленных мужиков. Упивалась! Потом тем же манером работала в ихнем уголовном розыске. И в Москве, говорят, была такая. Вроде о них урки и сложили блатную песню. «Мурка». Знаешь?

ГУЩИН. Эту? (*Напел.*) «Ты зашухерила всю нашу малину, и теперь маслину получай!»

КРАМОВ (*глядя Гущину в глаза*). Ты мне больше не друг? Не пьешь со мной?

ГУЩИН. Ладно. Мимо. Не пьется. Звиняй... Такими, как ты, не бросаются.

КРАМОВ. Я много чего видел. Но верю... в идеалы. Власть не выше жизни. Любая. Порядок не выше веры. У всех есть право на ошибку. И понимание. Я старался... подправить, если что слишком закручивалось. Придержать рьяных остолопов. Кто на чужих костях...

ГУЩИН. Мог загреметь. За такое.

КРАМОВ. Я осторожно. Не я один... не закрывал глаза на произвол. Как кое-кто.

ГУЩИН. И я не слепой. Но... Кто за это отвечает, тот пусть и думает. Надо просто жить.

КРАМОВ. И ни за что не отвечать? И сейчас так думаешь? Путанник!

ГУЩИН. Сказал же: мимо. (*Взвился.*) Я к чему про тебя и Гранаткину? Ты, ясно, не она.

КРАМОВ. Благодарствую на добром слове.

ГУЩИН. Вы оба упертые. В идею. Я не о том, кто правее и чья вера лучше. Ты суров, но не зол. Она... Мстительная. За веру в лучшее всех удавит! А был бы ты такой? С твоим талантом... К человеку надо сердцем! Даже, если плутает. Понять его. Как начальница нашей спецухи. Вы, идейные, что гвозди, чужды обычных радостей. Чтоб вас осадить, надо такое сногсшибательное, чтоб все перевернуло! Были бы мягче, много чего иначе бы шло...

КРАМОВ. Опять ты про любовь и сердечную ласку?

ГУЩИН. А скажи, может такая Гранаткина сорваться? Ну, втюриться. В мужика. Или она баб?.. Неважно! Согрешить на раз? Живая же тетка! А после сама его... Как Клеопатра! Заманит, потом сама же и хлопнет. Или она стальной идейный аскет? Нафиг бесчувственная.

КРАМОВ. У тебя чердак не съехал? Она любит только себя.

ГУЩИН. И сколько же она своих грехов урыла, а? Если было что зарывать... Трах-бах. И концы в землю. Чтобы остаться чистенькой, если вдруг пронюхают и донесут.

КРАМОВ. У тебя мозги потекли. От ужасов следствия про то, чего не было. Запей! Ну?

ГУЩИН. Если не случится такое, чтоб она помягчела... или тормознула... я ее трахну.

КРАМОВ. Лежи! Балда. Я тебе трахну!

ГУЩИН. А что? Мне вот сейчас не с тобой тут надо прохлаждаться, а к ней двигать.

КРАМОВ (*изменился в лице*). Это еще зачем? А ну, хлебни и колись.

ГУЩИН. Ладно, за тебя. (*Машинально выпил.*). Она велела прийти. Подписывать протокол дознания. Два раза напомнила. (*Опять хлебнул.*) С тяжелым намеком...

КРАМОВ. Я тебе пойду! Пей! Завтра пойдешь. Я – твой начальник, а не она. Пей давай!

ГУЩИН (*капризно*). Не. Надо счас же идти. (*Пьянея.*) С утра не жрал. Хмелею.

КРАМОВ. Это от нервов. Тяпни еще, угомони совесть. Ап! И еще. За меня, за родителей...

ГУЩИН. Ты меня спаиваешь, что ли?

КРАМОВ. Противоядие даю. Спирт спасает от змеиных укусов. Пей!

ГУЩИН. Я вместо подписи... (*Вовсе захмелел.*) Я ее удавлю. Змеюку.

КРАМОВ. Я тебе удавлю! Змеелов. Допивай!

ГУЩИН (*с пьяной обидой*). Ты сам об этом думаешь.

КРАМОВ. Лежи! Прозорливец.

ГУЩИН. Помяни мое слово. (*Уже засыпая.*) Будут жертвы. Если никакое событие не остановит Гранаткину, будут невинные жертвы! (*И захрапел-засопел.*)

КРАМОВ. Лады. Чтоб еще эта гидра тебя на ночь приманивала... Где взять событие? На земле и так катастрофа. Сколько всего! Стихия! Эпидемии! Нам мало! На своих охотимся...

ГУЩИН (*сквозь сон*). Хорошая охота – сытый желудок, спокойная совесть и тихий сон.

КРАМОВ. Живодер. Где взять сногсшибательное, когда... Мировая война! Спи. (*Прилег.*)

**17.**

*Как тени, явились Басякина и Кучерова. Не замечают мужчин. Крамов затаился.*

КУЧЕРОВА. Где все? Предчувствий больше, чем тумана... А твой? Опять считает чего?

БАСЯКИНА. Мучкин?.. С радистом ищут, где слышимость лучше, но везде неразборчиво. Какие-то новости стряслись, и все в эфире талдычат о чем-то тааком важном!..

КУЧЕРОВА. Грозовой фронт. Рядом. Связи нет... Где же этот мудрила Юрка?

БАСЯКИНА. Ты всерьез хочешь с Гущиным? Я б с таким не смогла. Он же... с каждой!..

КУЧЕРОВА. Много ты разумеешь. Зеленая. Другие... Не в счет. До меня. Он не из тех, кто на всё женского рода. Кидается. Когда свербит. Меж ног. Юрка понимает женщину и приподымает. Не матросит, а... Он трепло, но как приятно треплется! Душу хочет радовать.

БАСЯКИНА. А... если не удержится? Вдруг изменит, и?..

КУЧЕРОВА. Неприятно. Переживу! Ну, кого-то еще утешил. Но он верный. Он не обидит. *(Вгляделась в подругу, хмыкнула.)* Не, если он после свадьбы.... Башку сверну. А то и не...

БАСЯКИНА. Если мой... Такое... Не знаю, что с ним сделаю! И думать о таком не хочу!

*Выскочил Мучкин. Притаившийся Крамов напрягся, едва не выдав себя.*

МУЧКИН *(лихорадочно)*. Что-то важное происходит! Отовсюду радиопереговоры, наши, противника, союзников, но не разобрать. Помехи! Девчата, где бы место?.. *(Убегает.)*

БАСЯКИНА. Хочешь подарок? Мало ли... И в конце войны может... А память останется.

КУЧЕРОВА. Накаркаешь.

БАСЯКИНА *(вскрывает пакетик)*. Пуля. Что из тебя вынута. Носи на цепочке.

КУЧЕРОВА. Как медальон? Спереду? Меж титьками. Или назаду? Между полужопий!

БАСЯКИНА. Григорьич не велел отдавать Гранаткиной. И выкидывать не велел.

КУЧЕРОВА. Ему видней. Он себе на уме. Большой будет человек. Когда мир навалится...

БАСЯКИНА. Миру мешает Гранаткина. Висит над душой! Утопила б ее. Прежде мужиков-изменщиков. Талдычу Мучкину: не носись попусту, подставишься! С диверсантами.

КУЧЕРОВА. Эти диверсанты... Смутно. Не то были. Не то нет.

БАСЯКИНА. Как нет? А пуля? А рана? Григорьич вот Гущина к розыскам подключил.

КУЧЕРОВА. Григорьич стратег! Гнет свою линию. В нашей местной маленькой войнухе.

БАСЯКИНА. А Гранаткина гадина. Где она сейчас? Вынюхивает! На всех доносы лепит.

КУЧЕРОВА. Н-ну... Юрка Гущин прав: кто слишком задирает нос к облакам, тот непременно поскользнется на дерьме. Чую я, оттопчут хвосты змеюкам.

БАСЯКИНА. Ведь война, всё перемешалось, всего не предусмотришь... а Гранаткина...

КУЧЕРОВА. Ты с ней похожа.

БАСЯКИНА. Я?! Такое от лучшей подруги... Я... Да она!..

КУЧЕРОВА. Обе вы хотите, чтоб по правилам. Ни-ни в сторону. По вашей воле. Только.

БАСЯКИНА. Я же из лучших чувств, я...

КУЧЕРОВА. А она из худших? Ну... Но ты про себя не понимаешь. А она... о себе мнит!

БАСЯКИНА. Такие, как она, вредят нашим идеалам. Если бы наверху... Знал бы вождь...

КУЧЕРОВА. Не в вождях. Причина. Такие, как эта, Гранаткина. Много взять хотят. Власти. Но чтоб как бы не от них шло. А свыше. Приведем в чувство. После войны. Кое-кого.

БАСЯКИНА *(убежденно)*. У нас всё правильно устроено. И не говори мне ничего. Вождь нас ведет... А если перегибы... Или что... Вождь узнает и поправит.

КУЧЕРОВА. Тебе обязательно нужен главный, чтоб за всех рулил? Всех вел?

БАСЯКИНА. А тебе нет? Не хмыкай! Я... Мы все самостоятельны. И спокойно для общей пользы занимаемся делом, семьей... Ведь вождь отвечает за всех и за правильную жизнь.

КУЧЕРОВА. Трещотка. Важно, чтоб не мешали... Просто жить. Где же Гущин? Трепло.

БАСЯКИНА. Вот он и Мучкин куда-то завеялись... А эта Гранаткина роет.

КУЧЕРОВА. Слушай-ка... У меня на боевые действия, кто кого переебурит, свой нюх. Верь моему чутью. Твой лейтенантик вывернется. Сам не ведая. Гранаткина ловит мимо.

БАСЯКИНА. Как это?

КУЧЕРОВА. Всё не то, что она думает. И не там. Лопухнется. Если... Чутье у меня.

*Прислушалась. Оглядывается. Басякина затревожилась. Да и Крамов тоже.*

*Озирается. Прыгая, вопя и размахивая руками, влетел вовсе ошалевший Мучкин.*

МУЧКИН. Услышал! Услышал! Война... всё! Прорвало! Услышал! Ура! Победа! *(Исчез.)*

КРАМОВ *(вскакивает, распугав Басякину и Кучерову)*. Наша взяла! *(Рванул к себе бесчувственного Гущина.)* Сдохла война!

КУЧЕРОВА *(увидев спящего Гущина)*. Субчик! Тут такое! А он... *(Нюхнула.)* Надрался!

БАСЯКИНА *(потрясена)*. Капитан! Гущин... Он же никогда не пьянеет!

КРАМОВ *(трясет Гущина)*. Войне конец! Мы ее добили!

БАСЯКИНА *(Крамову)*. Кудесник! В ваших силах всё! Гущин пьян!.. До беспамятства!

КРАМОВ. Я дал ему зелье забвения. Чтобы он остался жив.

КУЧЕРОВА *(по странной ассоциации)*. Теперь надо спасать. Его. Настюха, сюда! А то сманит. Гадюка особистка. На радостях! Хватай пьяного балабола. Куда бы спрятать?

*Выдернув Гущина из шинели, тащат куда-то. Навстречу, вприпрыжку, Мучкин.*

МУЧКИН *(ошалело)*. Туман уходит! Звезды! Три... во-он! Много! Светает! Ура-а!

*Гущин что-то забормотал, и они встали, мучительно прислушиваясь.*

ГУЩИН. Ото... р-р!.. рвать... твою мать!.. змеюке голову... И поцеловать. На прощанье.

КУЧЕРОВА *(почти в панике)*. Заховать! Куда?!

МУЧКИН (*машинально*). Знаю место. Примета: три сосны и дуб. Где ящик с деталями.

КУЧЕРОВА. Атас!

*И они помчались; Мучкин указывал дорогу, и в руках боевых подруг Гущин в пьяном беспамятстве нес какую-то чушь, и голова его болталась из стороны в сторону.*

КРАМОВ. Долгожданное сногсшибательное событие! Войне конец! А столько навертелось на ерунду... Раздолбанная цацка бахнула от удара об пол. Но разве объяснишь правду?

*Явилась Гранаткина. Очень сдержанна, но видно: ошалела, почти как Мучкин.*

Все нечаянно остались живы! Гранаткина не поймала сотого врага. Это треба перекурить.

*Уходит. Исчезает и Гранаткина. Пустынно. Долгая звенящая тишина.*

**18.**

*Пальба. Ракеты. Лучи. Крики «Победа!» Вышел Крамов, шинель внаброс.*

КРАМОВ. Весна. Рассвет. Восторг уцелевших жизней! Друг прикрывал друга. А надежды не было. Пули не свистят, а смерть всё ближе. Кто будет жертва? Могла и Гранаткина. В ответ на... Особист Гранаткина не поймала сотого врага. Все мы остались живы.

*Светит фонариком. Высветил голые колени. Тихий смех. Вышла Гранаткина. Растеряна. Будто обманута... Тоже с фонариком. Мелькнули не коленки, а нечто иное.*

ЧЕЙ-ТО ГОЛОС. Эй, не очень-то тут...

ДРУГОЙ ГОЛОС. Не там ищешь, майор. Если хочешь выслужиться...

ЕЩЕ ГОЛОС. Майор, иди сюда. Я тебя чмокну. И ты поймешь: мы победили!

НОВЫЙ ГОЛОС. Я тебе чмокну. Думаешь, победа всё спишет?

*Перед Гранаткиной возникла Кучерова. Меряют друг друга взглядами.*

КУЧЕРОВА. Слушай-ка. Ты. Охотница за людьми... В лоб запиндюрю!

ГРАНАТКИНА. Не поняла.

КУЧЕРОВА. Когда кое-кто слишком резво выеживается и...

ГРАНАТКИНА. Не люблю, когда меня морочат загадками.

КУЧЕРОВА. А вот отгадка: не трожь наших мужиков. Их и так мало осталось. И вообще. Шла бы ты радоваться где-нибудь в сторонке. Не с нами. Молча. Другая жизнь начнется. И если я услышу, как ты рот раскрываешь... И про свои подвиги молотишь... Смотри.

ГРАНАТКИНА. Капитан! Вы что несете?! На старшего по званию. Да я вас...

КУЧЕРОВА. Поймаю. Привяжу за ногу к шасси и буду гонять по полю. Пока от тебя... И скажу, что ты сама. По своей привычке лезла, куда не надо. И зацепилась. А я не заметила.

ГРАНАТКИНА. Не угадала я твои мысли... Прежде прочих бы вас прошерстила, капитан.

ЧЕЙ-ТО ГОЛОС. Забудь, майор. Всё прошло.

КУЧЕРОВА. Каюк. Войне. Спишут всё. Что от тебя останется. Если меня доведешь. Дура.

ГРАНАТКИНА. Как же я тебя не раскусила сразу...

ЧЕЙ-ТО ГОЛОС. Забудь, майор. Теперь всё не так... Давай жить в мире!

КУЧЕРОВА. Гляди. Я предупредила. (*Исчезает, оставив Гранаткину столб столбом.*)

ЧЕЙ-ТО ГОЛОС. И это не месть. Предупреждение. Что теперь иная... Будет жизнь.

*Гранаткина пошла было, но встретила такой взгляд Крамова, что опять застыла.*

КРАМОВ. Неблагодарная у вас служба, майор. Хотите совет?

ГРАНАТКИНА. Что вы имеете в виду?

КРАМОВ. Вас. Пока сумбур чувств, вам бы на время скрыться с глаз кое-кого... горячего.

ГРАНАТКИНА. Я поняла. Освобождено много наших пленных. Не все достойны доверия. Среди них надо вести работу. Нужно проверять и просеивать. Да. Я подам рапорт. Спасибо за совет. (*Помедлила, но не решившись что-то добавить, исчезла.*)

КРАМОВ. Слава богу, не пришлось брать грех на душу. Что еще?.. Бумаги! Надо было протоколы дознания... На всякий случай. Ладно. Надеюсь, больше никогда не встретимся...

**19.**

*Перебивка света. Крамов скинул шинель. Под ней – «цивильный» современный плащ.*

КРАМОВ. Какие чистые надежды засияли! Как всегда, когда отступит война или катастрофа. Надежда уцелевших: жизнь будет иная! А она такая, какие мы внутри себя... Мучкин женился на Басякиной. Баскиной! Кучерова вышла за Гущина. Росли наши дети. Внуки. Менялась страна. Отступала прежняя вера, и приходила иная. Или возвращалась давняя. Гранаткина... была с нами. На встречах ветеранов меж собой. И с молодежью. Опиралась на палочку. При всех наградах. Но не смела открыть рот, пока жила совесть наша, лихая, суровая и справедливая Кучерова. Но вот ее не стало. Первой из нас. В новые времена... Помягчевшие. Но среди ветеранов и совсем молодых нашлись те, кто захотел вдруг вернуться во времени вспять... Или не вдруг? Гранаткина подняла змеиную голову. Ноздри ее опять раздувались. Кое-кому стоило бы исчезать пораньше! Меньше было бы горя и зла.

ГУЩИН (*вышел, седой*). Не все с тобой согласятся. Ты ничего не понимаешь в любви.

КРАМОВ. Любовь... Прощение... Время спишет! Нет! Где передых во лжи?

ГУЩИН. Сколько в тебе еще ярости! Из нее силы черпаешь? Даже в такой день?

КРАМОВ. Прости... Мы сошлись помянуть Глашу. Гранаткина тоже. Седая. Как все мы.

**20.**

*Явился с рюмкой в руке Мучкин; седенький, пьяненький.*

МУЧКИН. ...Сколько лишних жертв! Вначале гнали в лоб на пулеметы новобранцев! В конце давили гитлеровцев в их логове всей массой! Могли принудить к сдаче блокадой. А посчитать тех, кого унесли несправедливые наветы?! В человеке пять с половиной литров крови. Любой врач скажет. Умножить на миллионы. Поделить на двадцать тонн... Столько в железнодорожной цистерне. Наберется на поезд через всю страну! А если той невинной кровью окропить, как из леечки, всю нашу землю... Как и есть! Что взойдет? Все время... ложь! Сколько по сию пору не похороненных солдат! Скажешь, я неправ?! Ну, скажи!

*Вышла Гранаткина, стуча палкой в пол и отмахиваясь от седой Басякиной.*

ГРАНАТКИНА. То есть, я виновата во всем? Пить надо меньше. Вредной ерунды наболтаешь меньше. (*Наставила на Мучкина палку, словно дуло.)* Жертв было бы больше... Если бы кое-кто не взял на себя самую грязную работу. Я молодежи, нашим внукам, расскажу...

БАСЯКИНА. Попробуй только! Не хочу видеть ее среди нас! Тебе что, Кучерова велела?!

МУЧКИН. Или молчи, или признай: сколько погибших зря!

ГРАНАТКИНА. Никто не погиб зря.

БАСЯКИНА. Даже те, кого ты хлопнула?

ГРАНАТКИНА. Я не... *(Вдруг озлилась.)* Па-апра-ашу... Не!

ГУЩИН. Бабцы, угомонитесь. Обе! Ссоры и грызня! Боевые соратники...

БАСЯКИНА. Мне она не соратник! Ее кривую память оскорбили!

ГРАНАТКИНА *(притихла).* Я могла... Ошибиться. Да. Иногда. Но...

МУЧКИН. Ах, мы лили кровь по ошибке. Ради веры. Тебе Кучерова что велела? Молчать! А то... Я тебе! В лоб! *(Делает тычок-выпад в сторону Гранаткиной и едва не падает.)*

ГУЩИН. Атас! Отскочили! Настя, держи звездочета, а то грохнется.

ГРАНАТКИНА *(опять наставила палку на Мучкина).* В лоб? Ты? Меня не сшибешь.

*Мучкин опять едва не упал в тычке. Басякина влезла меж мужем и Гранаткиной.*

БАСЯКИНА. Такие, вроде тебя, не давали звание Героя нашей Лилечке Литвяк! Верно писал тот журналист: Лиля десяток врагов сбила, а пропала без вести, так нашлось кому на нее, беззащитную, грязь вылить!

ГРАНАТКИНА. Было место сомнениям. Вдруг она в плену? Или перелетела к врагу.

КРАМОВ *(не удержался).* Это не сомнения. А подлые выдумки ничтожеств.

МУЧКИН. Вот! Кто в плену, под подозрением. Кто под оккупацией, тоже. А несчастные женщины, кто влюблялся в чужих солдат? ...

БАСЯКИНА *(неприятным тоном).* Да я бы этих продажных сучек бы!

МУЧКИН *(поражен).* А если их силком? А наши воины, кто влюбился в чужих женщин?

БАСЯКИНА. Фф! Своих им было мало. Кобели! Прошерстить бы... Если по правилам.

ГРАНАТКИНА (*почти в том же тоне*). Да, повод для сомнений. И для проверки.

ГУЩИН. Бабцы, что-то вы вдруг стали как на одно лицо.

БАСЯКИНА. Думай, что несешь! Я уже теряюсь, у кого мозги набекрень! Наплодили в ту пору полукровок, и у наших, и у чужих, до сих пор не расхлебать...

ГУЩИН. В самом деле, Настюха, пить надо в меру. Мозги и не перекосятся.

МУЧКИН. Разве мы пили?! Одни разговоры!..

ГРАНАТКИНА. Кое-кто и трезвый не разберется ни в правилах, ни в сомнениях.

БАСЯКИНА. Не встревай! При нас и детях... Благодарить должна! Кое-кого. Что живешь!

ГРАНАТКИНА. Это уж я буду решать, кого благодарить, а ко...

КРАМОВ *(жестко, начальственно).* Майор Гранаткина! Вы давно в отставке. Не на службе. Мы здесь на поминках. По нашему боевому товарищу. Имейте такт. Помолчите.

*Пауза. Гранаткина возмущенно и по-женски беззащитно глядит на Крамова. Потом на Гущина. И опять на Крамова. Басякина ест их всех троих глазами.*

МУЧКИН. Да. Мы ветераны. Всем будут поминки. Даже неправым. Их тоже сосчитать...

ГРАНАТКИНА *(яростно).* Меня не сметь ни во что сосчитывать!

БАСЯКИНА. Я бы лично... Тебя бы лично... Вычеркнула. Отовсюду. Вообще.

*Гранаткина хотела возразить, но под взглядом Крамова сникла. Басякина, попав под тот же взгляд, выталкивает ее в полумрак, утащив за собой и Мучкина.*

**21.**

*В сумраке звон посуды, шарканье, голоса, бухтенье и какие-то споры.*

ГУЩИН. Гранаткина еще помнит. Как ты ей хвост поприжал. В первый день мира.

КРАМОВ. Есть же такие неисправимые. Врожденно злые. А эта... пусть знает свое место!

ГУЩИН. Ты так и не помягчел. Эх, не имеет над тобой власти любовь... *(Помолчал.)* Иногда мне кажется, что ты... Хранитель памяти и правды, никак не сойдешь с поста, на который заступил. Вместо Гранаткиной. Прежде она блюла нашу правильность. Теперь ты.

КРАМОВ Ты сегодня взялся обижать своих?.. Ну... В такой день простительно.

ГУЩИН *(беззлобно и грустно).* Дурак.

Голос ГРАНАТКИНОЙ:. Почему у меня не налито?

Голос БАСЯКИНОЙ. Потому что видеть тебя тошно!

Голос ГРАНАТКИНОЙ. А как же я тост скажу?

Голос МУЧКИНА. Я ей налью.

Голос БАСЯКИНОЙ. Не смей ей наливать! Не подходи к ней! А то я ей яду налью!

Голос ГРАНАТКИНОЙ. А я же хочу тост... в память Глаши Кучеровой...

Голос БАСЯКИНОЙ. Она тебе не Глаша!

КРАМОВ *(громко)*. При мне, как при Кучеровой: чтоб вас, майор, не слышали.

ГРАНАТКИНА *(вошла)*. Григорьич... Товарищ замполит. От вас... Не ждала. Да. Нет.

*С горечью смотрит на Крамова, потом, словно ища защиты, на Гущина.*

*Влетела Басякина. Оценила каменеющее лицо Крамова и утащила Гранаткину.*

Голос БАСЯКИНОЙ. Налейте этой... Пусть! Пусть пьет. Лишь бы молчала.

КРАМОВ. Не понимаю тебя. Пускаешь к себе... к нам... Гранаткину. В такой день. Хочешь пригреть всех, кто кажется тебе несчастненьким?

ГУЩИН. Всех не спасешь. Хотя и надо пытаться. *(Помолчал.)* Я себя сам не понимаю. Прожил с Глашей в любви и согласии. Какой она человек! А порой думаю: Гранаткина мне лучше подходила. Глаше я пару раз изменил. Бес в ребро! Она простила. А Гранаткина не шла из головы. Может, потому, что осталась для меня тайной? Что за радость: уничтожать других людей? Непохожих. Эта мелочность души... Не понимаю...

КРАМОВ. Вы всё тоскуете по... по самоуверенной силе. Чтобы самим не думать. Стоило твоей Глаше... уйти... и вон, слышь: бузят меж собой.

ГУЩИН. Не расписывайся за всех. С Глашей или без нее... Я мерзость отшибу. Просто... Не надо впадать в крайности: никто из нас не истина в последней инстанции.

КРАМОВ. Любовь исправит не всё. Таких, как Гранаткина... Надо бы к ногтю. Самый опасный род безумия: охранная собака кидается на своих.

ГУЩИН. Может, ты прав. А, может, их надо лечить... Но давай сегодня... не об этом.

КРАМОВ. Извини. Давай за Глашу... Э-э! Выпивка-то не у нас...

ГУЩИН. Обижаешь, начальник. Чтоб я, да без запасу...

*Вынул плоскую фляжку, отвинтил крышку-стаканчик, налил и подал Крамову.*

КРАМОВ. Нынче, после первых поминальных стопок и фронтовых баек, кто-то из наших внуков спросил: бывают ли на войне комические случаи? А тут явилась Гранаткина. Седая, как мы все. И я вспомнил ту историю... С пулей, которая в нужнике поразила свою хозяйку, комэска Кучерову... Твою Глашу. Дурь! А пришлось спасать всех. И кабы не победа... *(Принимает крышку-стопку.)* Н-ну... Когда-нибудь научимся не пускать злобу и недоверие в свое сердце! *(Пьет.)* За Глашу!

ГУЩИН *(выпил)*. Ну-ка. *(Достает пулю на цепочке)*. Узнаешь?

КРАМОВ. Память о Глаше?..

ГУЩИН. Помянем еще разок. Мою Глашу... У меня от нее к тебе поручение. (*Налил себе и Крамову; выпили.*) Когда она уходила... Она так легко и просто попрощалась!

**22.**

*За их спинами давно уже то возникала, то исчезала пожилая Кучерова, в цивильном. Подходит к Гущину. Тот поставил на пол стопку и фляжку.*

КУЧЕРОВА. Еле дождалась. *(Встала к нему вплотную.)* Гуляка.

ГУЩИН *(Крамову)*. Никогда не упрекала, если задерживался. Даже, когда знала, что... увлекся... *(Она вдруг навалилась на него.)* Э-э, голубка, что крылья опустила? *(Подхватил ее.)*

КУЧЕРОВА. Трепло. *(С усилием подняла голову.)* Ну, ты понял. Не пугаешься. Молоток.

ГУЩИН *(Крамову)*. У меня сердце зашлось...

КУЧЕРОВА. Давай прощаться. Пора.

ГУЩИН. Куда спешишь?

КУЧЕРОВА. Чего тянуть? Пофронтовому. Там вовсе. Бах, и без предупреждения. Бывало.

ГУЩИН. Не шути так.

КУЧЕРОВА. А я в таких вещах... Не шуткую. Серьезно говорить надо. Мало часу. Григорьич прав. Надо же когда-то правду... И по-честному. Всю. Самим о себе сказать.

ГУЩИН. Не уходи. Не готовы толком... Как я буду...

КУЧЕРОВА. Теперь можно. Дети на крыло. Встали. Мы с тобой... По возрасту... Обсудили все загодя. Завещание в столе. Пора подбить итог... Ей! Той змеюке... Я тебя не отдала.

ГУЩИН (*Крамову*). Я сразу понял, о чем она. Но... (*Кучеровой.*) Ты про что?

КУЧЕРОВА. Мой нюх на военные действия. Я всегда чуяла: тебя к ней тянуло. Я терпела твои загулы. С другими. Ревновала! Но... Кому-то суждено спастись от беды твоей лаской. Пусть короткой. Я порой уставала. Но как подумаю: отпущу, и... Пришизгарит тебя к ней. Лучше ты на раз с кем-то... но ей я тебя не могла... И ты ей не достался!

ГУЩИН. Ах ты, дура, дура.

КУЧЕРОВА. От такого же... Время уходит. Дослушай.

ГУЩИН (*Крамову*). И опять захолонуло у меня сердце.

КУЧЕРОВА. Помнишь? (*Сняла цепочку с пулей.*) Подарок мне. От диверсантов в зад. Все годы молчала о такой ране. Стеснялась. Чего?! Ведь догадывалась же! Давно бы сказать себе честно: диверсантов не было. Ну, впендюрить байку о битве с нужником. Отсмеяться, и амбец. Нет же. Тискает задницу. Самолюбие. Из-за какой ерунды стыдобимся!

ГУЩИН. Забудь.

КУЧЕРОВА. Какие диверсанты? Кто может так покушаться! Как мы сами. Наделаем глупостей. И стыд жмет: признать и поправить. Нет! Что простые человеки. Что начальнички-политики сверху. Хуже нас самих нет диверсантов. Против собственного счастья и покоя.

ГУЩИН. Нашла время каяться. Не в своих грехах...

КУЧЕРОВА. Самое время. Перед уходом. (*Сунула ему в карман пулю с цепочкой.*) Отдай Григорьичу. Скажи: он и... Гранаткина... Старые, как мы. Но все еще сильные! Ненавистью держатся. Это неладно. Чутье мне говорит. Григорьичу так не надо... У него сердце чистое.

ГУЩИН (*Крамову*). И в третий раз засбоило мое сердце.

КУЧЕРОВА. И еще грех прости старой заднице. Завидки. Тот твой выход, из виража в...

ГУЩИН. Вот так? (*Показывает движение, как все летчики, ладонью.*) Так, и сразу сюда?

КУЧЕРОВА. Ага. Этим финтом на фронте... Скольким фрицам ты воткнул!

ГУЩИН. Ну! И когда ушел в испытатели, пригодилось. Я таким переходом проверял и управление, и устойчивость новой машины в полете. И прочность.

КУЧЕРОВА. Ага. А у меня так не получалось. Ух, как я тебе завидовала! В этом.

ГУЩИН. Сказала бы, научил бы. Вот же дуреха!

КУЧЕРОВА. Сам такой! Да зачем мне? Когда войне каюк. Уж не было нужды... И такую могучую спину надо иметь. Как у тебя. Как я боялась! Смотрела когда... С земли. На тебя. И молила: только бы твоя спина выдержала. (*Ее качнуло.*) Даже если машина...

ГУЩИН. Ага. (*Подхватил ее на руки.*) Сам дивился. Машина из металла! Ломалась. (*Баюкает-покачивает ее, чуть подтанцовывая.*) А спине хоть бы хны!

КУЧЕРОВА. Старая я калоша. Когда пуля намекнула! В зад. А тюкнуло в башку в старости... Чего вокруг искать вражьи плутни? Надо в себе. Там бездны... Чмокни меня.

*Вытянулась в струну на его руках. Он, словно в танце, повернулся, и она исчезла, сошла с его рук. Когда он повернулся снова к Крамову, ее уж в его объятьях не было.*

ГУЩИН. И моя валькирия упорхнула из моих рук. Незаметно... На. (*Подает Крамову пулю-медальон.*) Нельзя искать силы только в нелюбви. Сколько молодых ты наставил! А своих детей у тебя нет. Бобыль бобылем. Как Гранаткина. Это неправильно.

КРАМОВ. Да, года, десяток лет за десятком. А я все тяну. И разминаю старые мослы. (*Делает сложные наклоны, крест-накрест, доставая до пола.*) Главное...

ГУЩИН. Силен! Я давно уже так не могу.

КРАМОВ. ...Сохранять гибкость и подвижность связок и суставов. Зачем? Нас все меньше. Тех, кто знает, как было. Или думает, что знает. К чему в мои годы так держать форму?

ГУЩИН. Действительно. Такой видный, а... Не охотишься за красотками.

КРАМОВ. И на пляже не фигуряю. Я хочу дожить до... Когда мы перестанем тосковать по тирану и научимся не врать сами себе. Верить друг другу. И не делать врагов из своих.

ГУЩИН. Зануда. Хочешь пережить все человечество?

КРАМОВ. Я кажусь ненормальным?! (*Сник.*) Да. Это безумие... думать, как я....

ГУЩИН. Это нормально. Желать, чтобы время зла было короче времени добра. Но пока люди есть на земле... Так что лучше силы черпать в любви. Она дает надежду.

КРАМОВ. Почти тост. Мне бы твой взгляд на жизнь... Не всем это дано. У меня так. Ну, чего уж теперь! Главное, чтоб эта... Не была на наших праздниках. Хотя бы не так часто.

ГУЩИН (*поднял с пола фляжку и стопку, наливает себе и Крамову*). Тоже почти тост.

КРАМОВ. Но не ответ. (*Выпил.*) А в первый день мира казалось: ответ есть. (*Вынул фото.*)

ГУЩИН. В тот день у нас случился забавный спор о том, кто стал сотым...

КРАМОВ. Значит, помнишь тот день? Первый раз за войну надели цивильное.

ГУЩИН. И впервые увидели союзников... (*Всматривается.*) Старые фото разглядываешь, будто вызываешь духов. Привидение себя самого. Каким был... В тот день ты одним шикарным жестом вырвал жало у змеюки!..

**23.**

*Вновь праздничный гам первых победных дней. Голоса: «На мине разнесло фургон с тряпьем!» – «Тряпье? Фартовая одежка!» – «Примерим?» – «Не представляю, как я в гражданском...»*

*Являются Кучерова, Басякин, в юбках, платьях, кофточках; застегивают пуговки, крючки. Вслед Мучкин, тоже в цивильном: опереточный наряд альпийского охотника; тирольская шляпа с пером; бриджи по колено; тонкие ноги болтаются в кирзачах. Тащит ворох одежды и коробку с чем-то интимным.*

МУЧКИН. Григорьич! Посмотрите! Капитан, Юра, тут и вам кое-что подойдет.

ГУЩИН (*оглянувшись*). Глаха! Что за легмысленный видок? А уж ты, лейтенант...

БАСЯКИНА. Я сразу сказала: при мне не фигуряй в нечеловеческих штанах.

МУЧКИН (*Кучеровой*). Товарищ капитан, вот это под плечики... Вам идет. Всё!

ГУЩИН. Картинка! Валькирия в лучшем виде.

КУЧЕРОВА. Убью. Дообзываешься.

ГУЩИН. Валькирии – это у древнегерманцев. Летучие девы-воительницы. Они вместе с богами-асами ублажали души воинов-героев на том свете.

БАСЯКИНА. Глаша, точно, ты прямо валькирия. Статная!.. Мучкин, а что в коробке?

МУЧКИН. Ого-го! (*Достает лифчики, кружевные панталончики.*) Ага? Ага?

ГУЩИН. Если наш командир охраны, по своему обычаю, сосчитает все дырочки в этих кружевах... Мы узнаем, чего здесь больше: материи или пустоты?

КУЧЕРОВА. О-о! Для настоящих баб! Красота! (*Лезет в короб.*) Настя, прикрой меня.

ГУЩИН. Тебе кто-то заходит в хвост?

КУЧЕРОВА (*быстро снимает-надевает что-то*). О-о, как холодит!.. Приятно.

БАСЯКИНА. Натуральный шелк.

МУЧКИН. Капитан... Юра! Вот этот галстук... Рубашку... Н-нет. Вот. Вот эту.

КУЧЕРОВА (*задрав подол*). Настя, глянь (*стреляя глазами*), шрам? Трусы закрыли?

ГУЩИН (*поправляя галстук*). Сейчас проверю.

КУЧЕРОВА. Не лапай. Много вас тут. Покушаются! То диверсанты. То всякие...

*За ними давно следит Гранаткина. На ней теперь черные юбка, чулки и башмаки. Полувоенный френч, много наградных колодок.*

*Пилотки нет. Волосы стянуты в узел по-прежнему. Опирается на палочку. Жадно глядит то на Крамова, то на Гущина*

.

БАСЯКИНА (*глянув через плечо, заметила Гранаткину*). Опять эта здесь.

КРАМОВ. Она одна осталась в полувоенном.

КУЧЕРОВА. Ишь ты. С тросточкой. Приголубили. Кто-то. Уже. Дошизделась.

МУЧКИН. Тут и ей найдется, что надеть. Этот строгий костюм. С ее фигурой...

БАСЯКИНА (*Мучкину*). Чтоб ты только на меня смотрел. Всегда.

МУЧКИН. Что я? Она на Григорьича... Глаз положила. (*Опрометчиво.*) Или на Юру...

КУЧЕРОВА. Гущин! Сюда. Хрена ей тут!.. Мучкин, не подманивай ее. Тряпьем!..

ГУЩИН. Бабцы, не заводитесь. В такие дни ревности нет места.

КУЧЕРОВА (*взвилась*). Уже забыл? Ходок-мудрила! Как она за тобой охотилась?

ГУЩИН. Боевая игра! Как с противником в небе. Мы ее переиграли. Чего теперь заедаться? Бывало, и с врагом, на воздушных дуэлях... друг другу показывали: уважаю. Мастер.

КУЧЕРОВА. Вот бы она... Об этом. Не отвертелся бы. Если б она узнала...

БАСЯКИНА. Прислушивается. Вынюхивает. Мучкин! Не мог выбрать людские штаны?!

МУЧКИН. Ей не объяснили, как... Человечно. Мягче. В огромном доме бывает все уныло. А в тесной комнатке уютно. Если... Одно к другому подобрать... Этому можно научить.

БАСЯКИНА. Ее? Чему-нибудь учить?! Только попробуй! Меня учи.

МУЧКИН. Вкус можно воспитать. Если нет чутья...

КУЧЕРОВА. Очки! Лейтенант! Протри. Думаешь, если эту шиздуху переодеть снаружи... Она станет другою внутри? Она не для того родилась.

ГУЩИН. Кому известно, кто для чего рожден! Если эту особистку оттаять, подрессировать, чтоб на людей не кидалась, да приодеть... Выйдет киношная красотка!

КУЧЕРОВА. Чтоб она? Среди нас? Красотка?! (*Рванула от земли весь ящик.*) Да я тебя...

КРАМОВ. Вспомнил! (*Гранаткиной.*) Майор! Подойдите. Важный вопрос.

ГРАНАТКИНА (*с готовностью делает два шага к нему*). Да?

КРАМОВ. Протоколы... По дознанию. О диверсантах и покушении. Еще при вас?

ГРАНАТКИНА (*напряженно*). Да.

КРАМОВ. Отдайте пока мне. (*Твердо.*) На всякий случай. До лучших времен. Вы понимаете? Если понадобится, я передам. Куда следует. И, если что... (*Еще тверже.*) Вас найдут.

*Гранаткина, поколебавшись, отдала бумаги. Несколько растеряна.*

КРАМОВ. Я вас больше не держу. Минутку. Что стряслось? Эта палочка... Вроде уже не стреляют.

ГРАНАТКИНА. Ерунда. Отправляли эшелон на Родину. С освобожденными из плена. Нашими людьми, после проверки. И... Запнулась на рельсах.

КРАМОВ. Хм. Поаккуратнее. Вас ждут важные дела. Судя по всему. Слыхали приказ командования? Насчет поведения наших войск и правильных, то есть, корректных, взаимоотношений с местным населением на оккупированных территориях?

ГРАНАТКИНА. В курсе. Меня, в связи с этим, переводят в окружную комендатуру.

КРАМОВ. Ну... Идите. Желаю вам... И поосторожнее.

*Гранаткина помедлила, кивнула и, застучав палкой, куда-то стушевалась.*

КУЧЕРОВА. Григорьич! (*Опустила ящик с барахлом.*) Ты... человек! Непостижимый.

КРАМОВ (*одну бумагу сунул в карман; прочие поджег*). Не успела наверх отправить. (*Прикуривает от бумаг.*) А могла и под колеса загреметь. Интересно, не врет ли? Споткнулась! Может, помогли? Хранит же судьба таких... живущих одной ненавистью...

КУЧЕРОВА. А ты сейчас в каком чувстве? Забудь. Своротили! Какую беду. Аккурат под весну. Нам, таким разным, теперь жить. Вместе. Лады, попробуем... Главное, не врать. И вы запомните. Все! Если кто где ляпнет, куда мне всадили привет клятые диверсанты...

КРАМОВ (*поперхнулся; разгоняет дым*). Какие диверс...

ГУЩИН. Молчи. Не порть праздник. Гони этот горький дым. И с ним призраки врагов.

КРАМОВ. Гранаткина не со стороны враг. Она из своих. Убийца своих.

БАСЯКИНА. А, может, кого и надо было. Особенно вначале, когда все в растерянности. Но вообще у нас всё замечательно. И если б такие, как эта... не перегибали палку...

ГУЩИН. Ну, она так служит нашим идеалам... Она так думает. Так верит.

КРАМО.: Речь не о вере. О доверии. До войны как врали! И про дружбу с германцами. А после пришлось вернуть в армию тех, кого из нее убрали. Ну... Мы дрались не за это. Я вот о чем. Среди надзирающих, в тайных службах, полно нормальных людей. Честных. А я об этой Гранаткиной. Если у кого мозги набекрень из-за выслуживания... Или от рождения, по природе, злой... Короче. Если охранный пес спятил и хватает своих... Его отстреливают.

ГУЩИН. Ты это всерьез? Как Гранаткина? Ты... словно в чем-то схожем с ней грешен. И теперь вроде как хочешь покаяться. Гоняя ее. А я не люблю, когда толпой травят одного.

БАСЯКИНА. Я бы тоже таких, кто на злобе свихнулся... Отстреливала. Изолировала.

ГУЩИН. Настюха, и ты туда же? Ладно, угомонились. Она уже давно смылась.

КРАМОВ. Чтобы выдумка стала сильнее яви!.. Придумать, чего не было, а потом всех вокруг стращать до смерти. Раз от разу наступаем на те же грабли. Что при царях. Что...

ГУЩИН. Сам же придумал диверс... Наврал ради спасения друзей!

КУЧЕРОВА. Последний раз предупреждаю: цыц про пулю от диверсантов.

ГУЩИН. Всё. Кончилась военная гарь. Мир просветлел. Гляньте: черемуха, боярышник. Рябина. Шиповник! Как у нас. Березы, липы, дубы. Всё цветет! Заново. Опять отстреливать непохожих и непонятных? Хватит об этом!

КРАМОВ. Я о том, чтобы, наконец, каждый в себя заглянул и сам...

ГУЩИН. Ты из всех мужиков... самый разумный. До ужаса! Потому что самый упертый. Забудь! Хоть на время... *(Уже не шутя и почти с угрозой.)* А то свихнешься.

МУЧКИН. Они сейчас подерутся! Товарищ капитан... Товарищ замполит...

БАСЯКИНА. Мучкин, не мельтеши среди людей в таких штанах!

КРАМОВ. Надо, чтобы власть строила такую жизнь... такое государство, которое направляло бы людей к лучшему! А не поощряло бы дурные намерения.

БАСЯКИНА. Товарищ замполит... Что вы такое?.. Про нашу власть?!

ГУЩИН. Стыдно, Григорьич! Напугал боевого военфельдшера. Настя, не дрейфь! Он еще не переключил мозги от войны к миру. Сделай ему примочку смаху в лоб. Чтоб этот умник допер: при любой власти и самом справедливом устройстве кто-то ставит подножку ближнему. Чтобы устроиться за его счет... Григорьич, ты прав. Голышом или в брульянтах Гранаткина останется злой и мстительной, а Кучерова доброй и справедливой. Даже в нужнике Кучерова будет человеком, а Гранаткина змеюкой... С этим надо... просто жить!

КРАМОВ *(упрямо)*. А кто напомнит о честном выборе? И ответе за него. Личном. Без указаний правительства. Не завися от нравов своих дружбанов... По уму и совести. По чести.

ГУЩИН. Кто рассудит по чести? Упертые, как ты и она? Критерии?! Какие мы, такая власть! А кому не повезло? Не встретил в юности... Как начальница моей спецшколы? Однажды меня от змеюки спасла война. А теперь спас мир. Никто не знает, как сложится! И...

КУЧЕРОВА. Вот. То-то. *(Встала меж них.)* Цыц оба. А то ща обоим... В лоб! Ящиком.

ГУЩИН. Глашка, от винта! Стоп, Григорьич. Слова толчем. Словами это не решить. Отвлекись. *(Чем-то заинтересован.)* Эй, бабцы и хлопцы! В кучку. Как для фотки.

МУЧКИН *(вертит головой)*. А кто будет щелкать?

ГУЩИН *(в зал)*. Вот же! Сколько набежало! Эй! Земеля! Расчехляй моргалку! У тебя, что, не наша? Иноземная? Класс! Будь другом. На память. Мы сейчас. Так, ты сюда. Настя...

БАСЯКИНА. Мучкин, надень правильные штаны!

ГУЩИН. Маломерка прикроем Григорьичем. Григорьич, в центр, на почетное место.

КРАМОВ *(глядя в зал)*. А, это же гости. Делегация союзников.

БАСЯКИНА. Ой, тот, в пилотке... Наверное, из полка «Нормандия-Неман»!

ГУЩИН. Как по-англицки «товарищ»? Камрат, так? Фу, как по-немецки... Да-да, вот нас. Плиз! На память. (*Широким жестом указывает на друзей.*) Посмотрите! Какие красивые!

КРАМОВ. Вот трепло.

ГУЩИН Француз! Давай! Янки, ты, небось, эскадрилья «Либертия»? Знаменито! Ол райт! Чего зря лыбишься? Плиз. Подымай инструмент. И секретутка пусть щелкнет. И ее боевой бойфренд. (*Машет в зал.*) Все давайте. А после мы вас. На память.

КРАМОВ. Трепач. (*Принимает вместе со всеми должный вид.)* Сам-то успей!

ГУЩИН. Чтоб я не успел? *(Кидается наземь у их ног.)* В кои веки! А потом выпьем, и...

*Глянул за спину и смолк: вернулась Гранаткина, готовая к отъезду: чемоданчик, солдатский «сидор»; жадно смотрит ему в глаза, а он не успел отвести свои...*

КРАМОВ *(посмотрел на них)*. Каждый сам выбирает, быть ли ему сотым.

ГУЩИН. Если одна нелюбовь... Сам, против воли, будешь сотым. И ловец, и жертва.

*Крамов, глянув на утвердившуюся за их спинами Гранаткину, выходит из застывшей в молчании группы. Слепящая вспышка. В ней исчезает всё. Как в сумраке.*

КРАМОВ. Надо было уйти? От боевых друзей? Я остался. И... Будто простил Гранаткину. Разрешил остаться и ей. И с ней тому обману. По сию пору. Мы строим будущее только из того прошлого, какое знаем и любим. Или ненавидим. А как сложится... Да, зависит не от нас. Но каждый всё равно отвечает... Все эти годы не давало мне покоя мое молчание. И двойное чувство вины: из-за того, что молчал, и потому, что всё еще словно охочусь на человека... Это такие, как Гранаткина, никогда не винятся и не каются и всегда уверены, что правы. А я... До сих пор не знаю, кто прав. Небесный воин Юрка Гущин с его непрошенным гуманизмом? Или я с моим неумением прощать? Особенно такое... Кто знает ответ? И неужели в наших детях... И потом во внуках... И потом... Вновь и вновь будут оживать в людских душах эти мелочные и злобные недоверие и подозрительность, которые отравляют нашу общую жизнь? Не знаю ответа. Но в тот день... Я остался с моими товарищами.

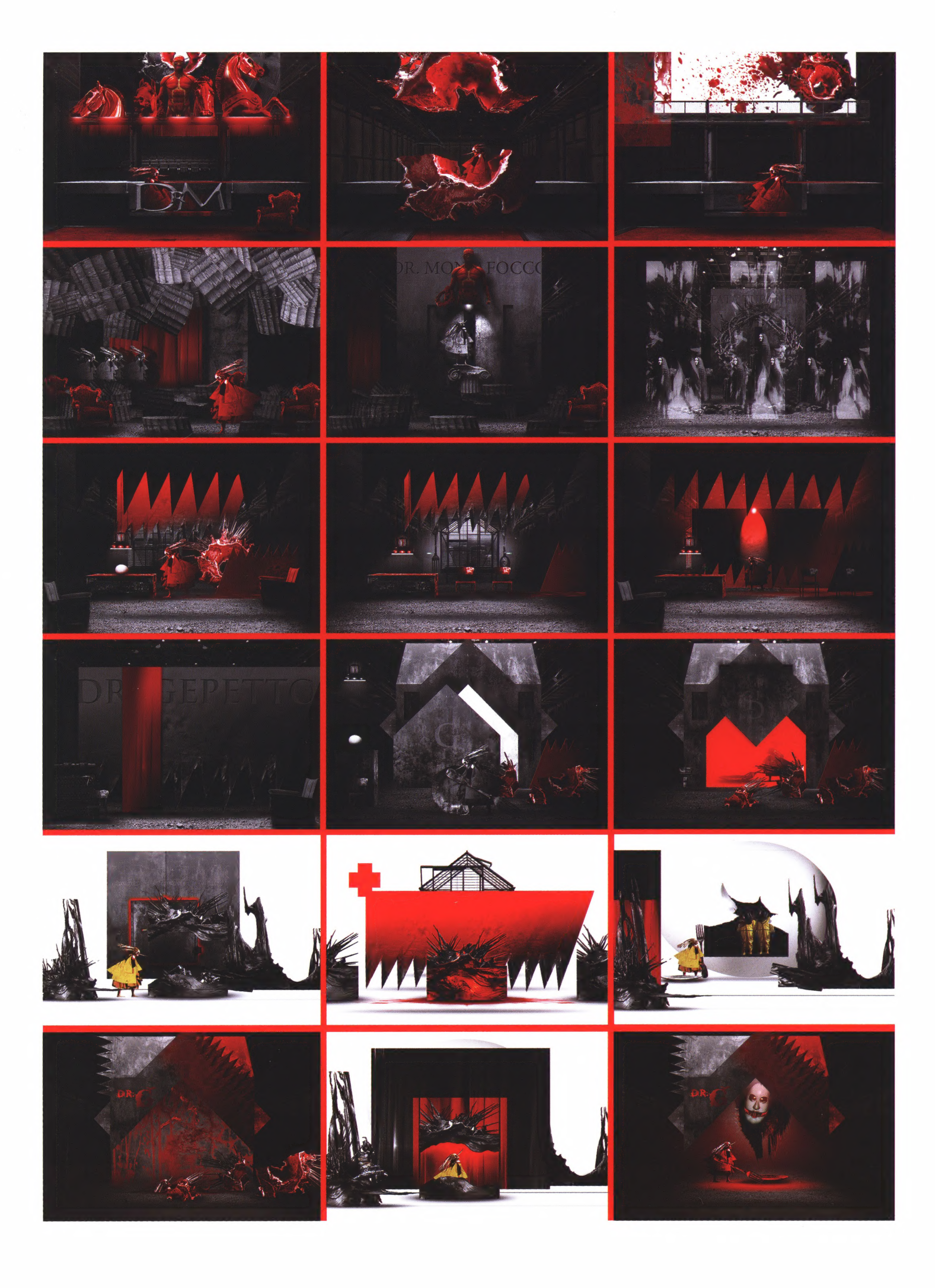
*Общий свет; Крамов вернулся в группу.*

ГУЩИН *(прижал к плечу руку Кучеровой)*. Сфоткаемся и тяпнем по чуток! *(Приобнял Крамова.)* Все вместе. *(В зал.)* На счастье. Потому что... Весна! И после всего, что было... Мы будем жить совсем иначе. Такие, какие есть. Мы должны жить по-другому!

*Гущин приветственно машет в зал. И – вспышка. Хорошо бы, чтобы в зале тоже защелкали фотоаппараты... И еще вспышка. И еще...*

**ЗАНАВЕС**

❑



DM
GEPETTO
DR.

